

ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ КНИГА II

Текст приведён по изданию: «Римская история» Веллея Патеркула / Немировский А. И., Дашкова М. Ф. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. - 211 с.

Главы 1-18, 21, 24, 29-34, 41-45, 47-59, 67, 68, 71-82, 84-86, 88-112, 114-131 переведены А. И. Немировским, 19, 36, 37, 39, 40, 46, 60, 63-66, 69, 70, 83 - М. Ф. Дашковой, 20, 23, 25-28, 35, 38, 61, 62, 87, 113 - М. Ф. Дашковой и А. И. Немировским. Комментарии А. И. Немировского.

I. Могуществу римлян открыл путь старший Сципион, их изнеженности - младший: ведь избавившись от страха перед Карфагеном [1], устранив соперника по владычеству над миром, они перешли от доблестей к порокам не постепенно, а стремительно и неудержимо; старый порядок был оставлен, внедрен новый; граждане обратились от бодрствования к дреме, от воинских упражнений к удовольствиям, от дел - к праздности [2]. (2) Тогда ведь воздвиг Сципион Назика [3] портик на Капитолии, тогда Метелл построил то, о чем мы уже говорили, тогда же был сооружен в цирке самый красивый портик Гн. Октавия [4], за общественным великолепием последовала частная роскошь.

(3) Затем в Испании началась прискорбная и позорная война с главарем разбойников Вириатом, которая велась с переменным успехом и даже с большими неудачами для римлян [5]. Когда же Вириат был уничтожен Сервилием Цепионом - скорее благодаря его хитрости, чем доблести, - разгорелась еще более страшная война с Нуманцией. (4) Город этот никогда не выставлял более десяти тысяч вооруженных молодых людей, но то ли из-за их природной дикости, то ли из-за неопытности наших военачальников, то ли по благосклонности фортуны он вынудил как других военачальников, так и Помпея [6], человека с великим именем (он первым из Помпеев был консулом) к заключению позорнейших договоров и к не менее позорной выдаче консула Гостилия Манцина [7]. (5) Благожелательное отношение к Помпею сделало его безнаказанным, Манцина же чувство справедливости, - в нем ему нельзя отказать, - довело до того, что он был выдан врагам фециалами голым, со связанными за спиной руками. Враги же отказались его принять, как поступили некогда и каудинцы [8], сказав, что публичное оскорбление верности [9] своим обещаниям не должно быть искуплено кровью одного человека.

II. Выдача Манцина вызвала огромные беспорядки в государстве. В самом деле, Тиб. Гракх, сын Тиб. Гракха, известнейшего и выдающегося человека (по матери внук П. Сципиона Африканского), в квестуру которого был заключен договор, то ли тяжело перенеся отмену им сделанного, то ли опасаясь подобного [Манцину] разбирательства и наказания, добился избрания народным трибуном. (2) Человек безупречной репутации, в расцвете таланта, одним словом, украшенный столь великими достоинствами, на какие только способен смертный по природным данным или в силу стремления к ним, в консульство П. Муция Сцевола и Л. Кальпурния [10], т. е. сто шестьдесят два года назад, отклонился от общественного блага, (3) обещав права гражданства всей Италии [11], и вместе с тем обнародовал аграрные законы, чем расшатал всеобщий порядок [12], перемешал все до основания и вовлек государство в смертельную опасность и двусмысленное положение. Своего коллегу Октавия, стоявшего за общественное благо, он

отстранил от власти, триумвирами по распределению земель и основанию колоний назначил самого себя, консуляра Аппия и брата Гая, почти юношу.

III. Тогда П. Сципион Назика [13], внук того, кто был провозглашен сенатом наилучшим гражданином [14], сын того, кто, будучи цензором, воздвиг портик на Капитолии, и правнук Гн. Сципиона, дяди по отцу прославленного Публия Африканского, был частным лицом, облаченным в тогу. Хотя он был двоюродным братом Тиб. Гракха, интересы родины ставил выше родственных отношений, считая все, не идущее на пользу государству, враждебным интересам частных лиц - за эти достоинства он был первым из тех, кого заочно избрали великим понтификом. Он обмотал левую руку краем тоги и, став на верхнюю ступень лестницы, ведущей на Капитолий, призвал следовать за собою всех, кто желает блага государству [15]. (2) Тогда оптиматы, сенат, избранная и лучшая часть всаднического сословия вместе с плебеями, не испорченными гибельными идеями, обрушились на Гракха, который стоял на площади среди своих отрядов, призывая на помощь едва ли не всю Италию. В то время как Гракх, обратившись в бегство, сбегал по склону Капитолия, его настиг обломок скамьи. Так преждевременной смертью завершилась жизнь, которая могла бы поднять его на вершину славы.

(3) Таким было в Риме начало эпохи гражданских кровопролитий и безнаказанных убийств. С этого времени закон был подавлен силой и могущественный занимал первое место, разногласия между гражданами, ранее смягчавшиеся уступками, теперь стали разрешаться оружием и войны начинались без каких-либо основательных причин, - из-за выгоды, какую они могли принести. (4) И в этом нет ничего удивительного. Ведь, где имеются образцы, оттуда и начинают, и вступившие на узкую дорогу делают все, чтобы она была шире, и, когда однажды оставлена справедливость, стремительно от нее бегут, и никто не считает для себя позорным ничего, если это приносит выгоду.

IV. Тем временем, пока это происходило в Италии, умер царь Аттал [16], оставивший по завещанию Азию римскому народу, как позднее Никомед оставил Вифинию; Аристоник [17], выдумавший себе царское происхождение, захватил Азию силой оружия. Побежденный М. Перпенной, но проведенный в триумфе Манием Аквилем [18], он поплатился жизнью за то, что в начале войны погубил выдающегося знатока права Красса Муциана [19], когда тот покидал Азию после своего проконсульства.

(2) После всех поражений, испытанных [нами] в Нуманции, П. Сципион Эмилиан, разрушивший Карфаген, был послан в Испанию, и там его доблесть и удача были таковы же, как в Африке. Через год и три месяца после своего прибытия, соорудив вокруг Нуманции осадные сооружения, он стер ее с лица земли. (3) Никто в мире до него не обессмертил своего имени разрушением столь значительных городов: ведь разрушив Карфаген и Нуманцию, он в первом случае освободил нас от страха, во втором - от оскорбления. (4) Он же на вопрос трибуна Карбона [20], что думает об убийстве Тиб. Гракха, ответил, что если Гракх имел намерение захватить государство, то убит по праву. И когда все собрание возмущенно закричало, он заявил: «Я не был напуган кличем вооруженных врагов, устроить ли меня вам, кому Италия - мачеха?». (5) Вскоре, вернувшись в Рим, он в консульство Мания Аквилы и Г. Семпрония, сто пятьдесят лет назад, после двух консульств, двух триумфов, двух преодоленных опасностей для римского государства был однажды утром найден мертвым в постели, со следами удушения на шее. (6) О смерти такого человека не было произведено никакого расследования, и тело того, чьи деяния позволили Риму вознестись над всем миром, было вынесено с закрытой головой [21]. Умер ли он естественной смертью, как считает большинство, или в результате организованного нападения, согласно утверждению некоторых, ясно, что он прожил достойнейшую жизнь; никто кроме его деда [22] не

затмил до сего времени его славой. (7) Умер он почти в пятьдесят шесть лет. Если кто в этом усомнится, пусть обратится к его первому консульству, на которое он был избран тридцати шести лет, и сомнения отпадут.

V. Еще до уничтожения Нуманции в Испании имела место блестящая кампания Д. Брута [23], который, обойдя все народы Испании и захватив огромное количество людей и городов, дойдя до тех, о которых едва ли кто слышал, заслужил имя Галлекус. (2) За несколько лет до него среди тех же народов знаменитый Кв. Македонский [24] так сурово командовал войском, что во время осады испанского города Контребия [25] приказал пяти когортам легионеров немедленно отвоевать ту укрепленную позицию, с которой они были выбиты. (3) Все воины, готовясь к сражению, составили завещания, считая, что отправляются на верную смерть. Но полководец со свойственной ему выдержкой не испугался предпринятого, и воины, отправленные на смерть, вернулись победителями. Таков был результат чувства чести, смешанного со страхом, и надежды, возбужденной безнадежностью. Величайшую славу этому полководцу принесли доблесть и суровость, Фабию же Эмилиану [26], по примеру Павла, в той же Испании - дисциплина.

VI. Затем прошло десять лет, и то же безумие, которое погубило Тиб. Гракха, охватило его брата Гая, который был подобен ему как во всех доблестях, так и в заблуждениях, но намного превосходил его умом и красноречием [27]. (2) Сохраняя полное спокойствие духа, он мог бы стать первым человеком в государстве, но, то ли желая отомстить за смерть брата, то ли обеспечивая себе царскую власть, стал по его примеру народным трибуном [28] и, добываясь значительно большего и с большей решительностью, обещал дать гражданство всем италикам, распространив его почти до Альп (3), разделил земли, запретив кому бы то ни было получить свыше пятисот югеров, что уже было предусмотрено законом Лициния [29], учредил новые портовые сборы, наполнил провинции новыми колониями, передал судебную власть от сенаторов всадникам, распорядился о раздаче хлеба плебеям. Он не оставил ничего нетронутым, неповрежденным, спокойным, одним словом, находящимся в прежнем состоянии, и даже продолжил свой трибунат на второй год.

(4) Консул Опимий (разрушивший Фрегеллы во время своей претуры) преследовал оружием и довел до гибели и его, и Фульвия Флакка, консуляра и триумфатора, также стремившегося к пагубным крайностям, которого Г. Гракх назначил триумвиром на место Тиберия, своего брата, и избрал союзником в достижении царской власти. (5) В одном только Опимий совершил нечестивый поступок: назначил цену за голову, - я не говорю Гракха, - римского гражданина и обещал заплатить за нее золотом. (6) Флакк был убит на Авентине вместе со старшим сыном, когда собирал готовых к битве вооруженных [30] сторонников, Гракх покончил с жизнью во время бегства, когда его уже настигали те, кого послал Опимий, подставив шею рабу Эвпору, который не менее решительно покончил и с собой. В тот же день исключительную верность Гракху проявил римский всадник Помпоний, который по примеру Коклеса [31], сдерживая его врагов, пронзил себя мечом. (7) Тело Гая, как до него Тиберия, победители с поразительной жестокостью бросили в Тибр.

VII. Таким был конец жизни и смерти сыновей Тиб. Гракха, внуков П. Сципиона Африканского еще при жизни их матери, дочери последнего; они злоупотребили редчайшими дарованиями: если бы в жажде почестей они не преступили меру, дозволенную гражданину, - все то, чего они добивались, подняв мятеж, государство предоставило бы им мирным путем. (2) К этой жестокости прибавилось неслыханное преступление: Фульвий Флакк, которого отец послал для переговоров о соглашении, юноша выдающейся внешности, еще не достигший восемнадцати лет, непричастный к

отцовским преступлениям, был убит Опимием. Когда этрусский гаруспик, его друг, увидел его рыдающим в оковах, он сказал: «Не сделать ли тебе лучше так?», тотчас же бросился головой на каменный порог тюрьмы и, разбрызгивая мозги, испустил дух. (3) Затем были предприняты жестокие судебные расследования применительно к друзьям и клиентам Гракхов. Однако, когда Опимий, в остальном человек безупречный и серьезный, был впоследствии осужден государственным судом, то из-за своей прежней жестокости он не встретил у граждан никакого снисхождения. (4) Также Рупилий и Попилий, которые, будучи консулами, свирепствовали по отношению к друзьям Тиберия Гракха, стали во время подобных процессов жертвами той же ненависти.

Добавим к этим значительным событиям относящееся к ним замечание. (5) Это тот Опимий, консульство которого дало имя знаменитому «опимиианскому» вину [32]. Вино более не сохранилось за давностью времени: ведь от той эпохи до твоего консульства, М. Виниций, прошел сто пятьдесят один год. (6) Действия Опимия, в результате которых он отомстил своим личным врагам, менее всего выиграли во мнениях и рассматривались скорее как осуществление личной мести, чем акт государственной защиты. (7) Среди законодательных мероприятий Гракха к особенно вредоносным я отношу то, что он вывел колонии за пределы Италии [33]. Ведь предки, видевшие, насколько Карфаген могущественнее Тира, Массилия - Фокеи, Сиракузы - Коринфа, Кизик и Византий - Милета, своей родины, старались этого мудро избежать, собирая римских граждан из провинций в Италию для проведения ценза. (8) Карфаген был первой колонией, основанной вне Италии [34], непосредственно за нею в консульство Порция и Марция была основана колония Нарбон Марциев [35].

VIII. Приведем пример строгости судей. Консуляр Г. Катон, внук М. Катона, и по материнской линии племянник Африканского, по возвращении из Македонии был осужден за вымогательство, хотя предмет спора составил четыре тысячи сестерциев. Но люди того времени обращали больше внимания на готовность совершить преступление, чем на его размер, судя о содеянном по намерениям и характеру преступления, а не по масштабам.

(2) Около этого времени два брата Метелла отметили свои триумфы в один и тот же день [36]. Не менее прославлен и до нашего времени уникален случай с сыновьями (но один из них по усыновлению) Фульвия Флакка [37], того, что взял Капуно: они были коллегами по консулату (усыновленный был из фамилии Ацидина Манлия [38]). Что касается двух Метеллов, разделивших цензуру, то они были двоюродными, а не родными братьями, и совпадение имело место лишь у Сципионов [39]. (3) Это тогда кимвры и тевтоны перешли Рен и вскоре прославились поражениями, как теми, какие они нанесли нам, так и теми, которые претерпели от нас. И в то же время Минуций, который соорудил прославленный до наших дней портик, отметил блестящий триумф над скордисками [40].

IX. В тот же самый период блистали как ораторы Сципион Эмилиан и Лелий, Сервий Гальба [41], оба Гракха, Г. Фанний [42], Папирий Карбон [43]. Не должны быть пропущены Метелл Нумидийский и Скавр [44] и прежде всего, Л. Красс [45] и М. Антоний [46]. (2) За талантами этого поколения следовали Г. Цезарь Страбон [47] и П. Сульпиций [48]. Кв. Муций, собственно говоря, был более знаменит знанием законов, нежели красноречием [49]. (3) В то же самое время были и другие блестящие таланты: в римской комедии Афраний [50], в трагедии Пакувий [51] и особенно Акций [52], возвысившийся до сравнения с талантами греков, - его произведения достойны были бы занять место среди греческих: в греческих больше отделки, а в его - живости. (4) Прославленным было и имя Луцилия [53], который воевал как всадник под началом Публия Африканского в Нумантийскую войну. Именно в это время Югурта и Марий,

тогда еще молодые, сражались под началом того же Африканского, обучаясь в одном лагере тому, что они впоследствии применили в противоположных станах. (5) В то время был еще юным Сизенна, автор истории, - труд о гражданских и сулланских войнах был им издан позднее, в более старшем возрасте [54]. (6) Целий [55] был старше Сизенны, а его ровесниками были Рутилий [56], Клавдий Квадригарий [57] и Валерий Антиат [58]. Не следует забывать, что в это же время жил Помпоний, знаменитый своими мыслями, но грубый по стилю и достойный похвалы за создание нового жанра [59].

X. Проследим проявления суровости цензоров Кассия Лонгина и Цепиона [60], сто пятьдесят лет назад приговоривших к изгнанию Лепида за то, что он снял дом за шесть тысяч [сестерциев]. Если кто ныне живет в таком, его едва ли будут считать сенатором. Вот естественный переход от добродетелей к порокам, от пороков к испорченности, от испорченности к падению.

(2) На тот же период приходится блестящая победа Домиция [61] над арвернами и Фабия над аллоброгами. Фабий, бывший внуком Павла, получил за эту победу прозвище Аллоброгский [62]. Отметим счастье семьи Домициев, которая была особенно знаменита, хотя и малочисленна. До нашего современника Гн. Домиция, юноши прославленной простоты, имелось семь Домициев - консулов, жрецов и даже триумфаторов, единственных сыновей у своих родителей.

XI. Затем Кв. Метелл, которому в его веке не было равных, вел Югуртинскую войну. Его легатом был Г. Марий, о котором мы уже упомянули, рожденный во всадническом сословии [63], грубый и суровый, безупречной жизни, наилучший на войне, наихудший в мирных условиях, жаждущий славы, ненасытный, неистовый и постоянно беспокойный. (2) При помощи государственных откупщиков и других деловых людей в Африке, Марий обвинил Метелла в бездеятельности, из-за которой он растянул войну уже на третий год, приписывая ему присущую знати надменность [64] и желание продлить свое командование. Испросив отпуск, он прибыл в Рим, был избран консулом и взял на себя войну, которую Метелл, дважды разбивший Югурту, почти закончил. Однако триумф Метелла был блистательным, и за заслуги ему был добавлен когномен Нумидийский. (3) Как немного ранее в отношении семьи Домициев, следует отметить славу Цецилиев. Ведь в это время на протяжении двенадцати лет Метеллы были цензорами, консулами и больше двенадцати раз получали триумфы [65]. Из этого явствует, что не только города и империи, но и роды имеют свою славу, которая то расцветает, то старится, то исчезает.

XII. Что касается Г. Мария, то он уже тогда, в чем можно видеть предостережение судьбы [66], связал себя с квестором Л. Суллой и через него, отправленного послом к царю Бокху [67], сто тридцать восемь лет назад, завладел царем Югуртой. Назначенный вторично консулом, Марий вернулся в Рим и в начале своего второго консульства, в январские календы, провел Югурту в триумфальном шествии. (2) Рассеялись, как было сказано, огромные полчища германских племен, чье имя кимвры и тевтоны. Когда они в землях галлов разбили консулов Цепиона и Манлия, а до того Карбона и Силана и уничтожили их войска, убили консуляра Скавра Аврелия и множество других известных полководцев [68], римский народ понял, что ни один из полководцев не подходит для отражения столь могущественных врагов более, чем Марий. (3) Отсюда его многократные консульства. Третье использовано для подготовки к войне. В том же году народный трибун Гн. Домиций [69] предложил закон, дававший народу право избрания жрецов, тогда как прежде они избирались своими коллегами. (4) В свое четвертое консульство Марий столкнулся с тевтонами за Альпами у Секстиевых Акв. Он уничтожил в первый и во второй день более ста пятидесяти тысяч врагов и истребил тевтонов. (5) В пятое консульство по эту сторону Альп, на полях, чье имя Раудинские, он сам и проконсул Кв.

Лутаций Катул вступили в очень удачное сражение. Были убиты и взяты в плен более ста тысяч человек. Кажется, этой победой Марий заслужил, чтобы государство не пеняло на его происхождение, он уравновесил добром то зло, которое принес позднее. (6) Шестое консульство ему было дано как бы в награду за его заслуги. И в это консульство он не был обойден славой: государство было избавлено от неистовства Сервилия Главции и Апулея Сатурнина, которые, продлив свои полномочия, терзали государство, силой оружия и резней подавляя комиции. Консул обуздал этих опасных людей оружием и в курии Гостилия обрел их на смерть [70].

XIII. Затем, с промежутком в несколько лет, в трибунат вступил М. Ливий Друз, человек в высшей степени благородного происхождения, исключительного красноречия и редкой честности, однако при всем своем даровании и наилучших намерениях не пользовавшийся успехом. (2) Он стремился восстановить былую славу сената, вернув ему судебную власть, отнятую у всадников. Последние приобрели ее благодаря законам Гракхов и свирепствовали по отношению ко многим знаменитейшим и к тому же ни в чем неповинным людям. Так они осудили по закону о вымогательстве, несмотря на вопли граждан, П. Рутилия, человека наиболее достойного не только в своем веке, но и во все времена. Во всем том, что Друз предпринимал в интересах сената, он встречал противодействие сенаторов, не понимавших, что предложенное Друзом в пользу плебса было как бы приманкой, чтобы, соблазнив толпу меньшим, добиться большего. (3) Одним словом, судьба Друза оказалась такой, что сенат предпочитал скорее одобрить злодеяния его коллег, чем благородные замыслы его самого, пренебрегая честью, которую ему оказывал Друз, равнодушно воспринимал беззакония, которые замышлялись ими, и, завидуя его безмерной славе, терпел их посредственную репутацию [71].

XIV. Тогда, поскольку его благие намерения не осуществились, мысль Друза склонилась к дарованию прав гражданства Италии. Когда, намереваясь это осуществить, он возвращался с форума с огромной и нестройной массой сограждан, которая его всегда сопровождала, во дворе дома [72] его сразил удар в бок ножом, который остался в ране. Через несколько часов Друз скончался. (2) Но перед тем как испустить последнее дыхание, он обратил взор на окружающую его скорбную толпу и исторг слово, в полной мере соответствующее его внутренним убеждениям: «О родные мои и друзья! - сказал он. - Будет ли у государства гражданин, мне подобный?». (3) Таким был конец жизни этого достойнейшего юноши. Не обойдем молчанием одну черту его характера. Когда он соорудил себе на Палатине дом, на том месте, где ныне стоит дом, принадлежавший Цицерону, позднее Цензорину [73], ныне Статилию Сизенне [74], зодчий предложил построить его таким образом, чтобы он был незаметен и недосыгаем для свидетелей. Он ему сказал: «Если только позволяет твое искусство, расположи мой дом так, чтобы все мои действия могли бы видеть все».

XV. Смерть Друза вызвала Италийскую войну, которая уже давно назревала. В самом деле, в консульство Л. Цезаря и П. Рутилия, сто двадцать лет назад, вся Италия взялась за оружие против римлян. Зло исходило от аскуланцев, - ведь они убили претора Сервилия и легата Фонтя, - далее захватило марсов и распространилось по всем областям. (2) Испытания судьбы этих [народов] были ужасны в той же мере, в какой справедлива причина войны: ведь добивались принадлежности к государству те, на чьем оружии держалась империя. Каждый год и во всех войнах они поставляли двойное число пехотинцев и всадников и тем не менее были лишены прав в государстве, которое благодаря им, поднялось так высоко: будучи людьми одного происхождения, одной крови, они третировались как иностранцы и чужаки.

(3) Война эта похитила у Италии более чем триста тысяч юношей. Со стороны римлян наиболее прославились полководцы, Гн. Помпей, отец Гн. Помпея Великого, Г. Марий, о коем мы уже говорили, Л. Сулла, исполнявший за год до того обязанности претора, Кв. Метелл (сын), который заслуженно получил когномен «Благочестивый»: когда его отец был изгнан из Рима народным трибуном Л. Сатурнином за то, что единственный из всех не пожелал дать клятву верности его закону, сын своим благочестием, авторитетом в сенате, поддержкой народа обеспечил ему возвращение. Триумфы и магистратуры не принесли Нумидийскому такой славы, как причина его изгнания, само изгнание и возвращение.

XVI. Со стороны италиков наиболее знаменитыми полководцами были Силон Попедий [75], Герий Азиний [76], Инстей Катон [77], Г. Понтидий [78], Телезин Понтий, Марий Эгнаций, Папий Мутил. (2) Со своей стороны, я, несмотря на свою скромность, не могу опустить касающееся моей семейной славы, особенно потому, что передаю правду: ведь должна быть великой дань памяти моему прадеду Минатию Магию из Экулана, вождю кампанцев, мужу прославленной верности. Он показал в этой войне такую верность римлянам, что с легионом, который был набран им самим у гирпинов, взял совместно с Т. Дидием Геркуланум, осадил вместе с Л. Суллой Помпеи и захватил Компсу [79]. (3) О его доблестях поведали многие [историки], но наиболее ярко Кв. Гортензий в своих «Анналах» [80]. Римский народ в полной мере отблагодарил его за верность дарованием гражданских прав ему самому и избранием преторами двух его сыновей в то время, когда они избирались в числе шести.

(4) Ход Италийской войны был столь непостоянным и ужасным, что в течение двух лет подряд два римских консула, сначала Рутилий, затем Катон Порций, были убиты врагами, армии римского народа были разбиты во многих местах, так что ему пришлось облачиться в сагум [81] и долго оставаться в этой одежде. Италики избрали столицей своей империи Корфиний и назвали его Италика. Рим, постепенно уступая права римского гражданства тем, которые или не брались за оружие, или его сложили, мало-помалу укреплял свои силы. Помпей, Сулла и Марий восстановили клонящуюся к упадку власть римского народа.

XVII. Италийская война была большей частью завершена, если не считать некоторых действий под Нолой. Таким образом, римляне предпочли, обессилев сами, дать права гражданства побежденным и надломленным, чем сделать то же самое, пока были сильны обе стороны. Консулами были избраны Кв. Помпей и Л. Корнелий Сулла, человек, в отношении которого до одержания победы ни одна похвала не покажется чрезмерной, равно как ни одно порицание после этой победы. (2) Он происходил из знатной семьи, будучи шестым от Корнелия Руфина, одного из выдающихся полководцев в Пиррову войну. На этом слава его семьи была прервана, да и поведение его самого долго не давало оснований думать, что он намеревается стать консулом. (3) Но затем, после претуры, прославившись в войне с италиками и еще до нее в Галлии как легат Мария, когда он разбил самых выдающихся полководцев, воспрянув духом после успеха, он домогался консульства и граждане единогласно избрали его консулом. Но он достиг этой магистратуры лишь в возрасте сорока девяти лет.

XVIII. В это время Митридат, царь Понта, человек, которого нельзя ни обойти молчанием, ни говорить о нем без внимания, в войне изощренный, славный доблестью, а подчас и воинским счастьем, всегда великий духом, вождь в замыслах, воин в бою, в ненависти к римлянам Ганнибал, - захватил Азию и погубил в ней всех римских граждан. (2) Разослав по всем городам письма, он дал приказ убить их в один день и час, сопровождая это обещанием огромного вознаграждения. (3) В это время никто не мог сравниться с

родьями как в стойкости против Митридата, так и в верности римлянам. Эта верность была оттенена вероломством митриденцев, которые выдали Митридату закованными Мания Аквиллия [82] и других. Позднее Помпей восстановил свободу родян в благодарность за одного Теофана [83]. И когда уже казалось, что Митридат угрожает самой Италии, Сулла получил по жребию Азию в качестве провинции.

(4) Покинув Рим, он задержался у Нолы - поскольку этот город, словно бы раскаиваясь в безупречной верности, которую он проявил по отношению к римлянам в Пуническую войну, весьма упорно держался за оружие и был осажден римским войском. (5) Тогда народный трибун П. Сульпиций, красноречивый, энергичный, влиятельный благодаря богатству, дружеским связям, силе таланта, а также духа, ранее стремившийся справедливыми намерениями добиться у народа наивысших почестей, как бы раскаиваясь в своем достойном поведении и поняв, что хорошие поступки служат ему во зло, (6) свернул на ложный путь и связался с Марием, который в свои семьдесят с лишним лет жаждал высшей власти и обладания всеми провинциями. Он предложил народу закон, который отнимал у Суллы его командование и передавал Марию войну против Митридата [84]. Он внес также и другие опасные и губительные для свободного государства законы. Более того, с помощью посланцев своей клики он умертвил сына консула Кв. Помпея, зятя Суллы [85].

XIX. Тогда Сулла, собрав войско, вернулся в Рим, овладел им силой оружия, изгнал из города двенадцать инициаторов мятежных и пагубных действий, среди них Мария с сыном и П. Сульпиция, после чего внес закон об их изгнании [86]. Всадники, преследуя Сульпиция, умертвили его в Лаурентийских болотах. Отрубленная голова Сульпиция, выставленная перед рострами для показа, стала предвестием неминуемых проскрипций. (2) Прожив семьдесят лет, после шестого консульства, голый, вымазанный в тине, так что выделялись лишь глаза и нос, Марий был извлечен из тростниковых зарослей близ болота Марики, в которых он спрятался во время бегства от преследовавших его всадников. По приказу дуумвира [87] он с ремнем на шее был отведен в тюрьму Минтурн. (3) Для казни его был послан государственный раб с мечом, германец. Случайно оказалось, что он был взят в плен Марием, когда тот был полководцем в Кимврскую войну. Узнав Мария, германец громким криком выразил свое негодование по поводу несчастья столь великого человека, отбросил меч и выбежал из тюрьмы. (4) Тогда граждане, обучившись у врага состраданию к человеку, незадолго до того первому в государстве, снабдили его деньгами на дорогу и одеждой, посадили на корабль. Что касается Мария, то соединившись с сыном у острова Энария [88], он направился в Африку и влачил там убогое существование в хижине среди развалин Карфагена. Марий, взирающий на Карфаген, и Карфаген при виде Мария могли бы служить друг другу утешением.

XX. В этом же году руки римского воина впервые были запятнаны кровью консула; ибо [Кв.] Помпей [89], коллега Суллы, погиб во время мятежа войска Гн. Помпея [90], однако виновником мятежа был сам полководец. (2) Цинна [91] не был умереннее, чем Марий и Сульпиций. Так как Италии были даны права гражданства, нужно было разделить новых граждан по восьми трибам, чтобы они своим могуществом и числом не умили влияния старых граждан, чтобы получившие благодеяние не были сильнее тех, кто его предоставил. Цинна посулил распределить их по всем трибам (3) и под этим предлогом призвал в Рим огромную массу людей со всей Италии. Изгнанный из Рима силами коллег и оптиматов, он направился в Кампанию, был по решению сената лишен должности, и его заменил Л. Корнелий Мерула, фламин Юпитера. Цинна заслужил эту кару, недостойную стать образцом. (4) Затем он, сначала подкупив центурионов и трибунов, а вскоре также и воинов обещаниями щедрот, был принят войском, находившимся под Нолой. После того, как все принесли ему клятву верности он, удержав знаки консульской власти, объявил

войну своей родине; доверившись огромной массе новых граждан, он набрал из них более трехсот когорт, что приблизительно соответствовало тридцати легионам. (5) Его партия нуждалась в авторитете; чтобы поднять его, он призвал из изгнания Мария с сыном и тех, кого прогнали вместе с ним.

XXI. В то время, как Цинна вел войну против отечества, Гн. Помпей, отец великого Помпея, чья выдающаяся деятельность во время войны с марсами и в особенности на Пиценском поле, как было сказано, поддержала государство, захватил Аскул, город, у которого, несмотря на рассеянность наших сил во многих других местах, в сражение вступило в один день семьдесят пять тысяч римских граждан с более чем шестьюдесятью тысячами италиков. (2) Обманутый в надежде продлить консульство, Помпей заколебался, занял позицию между обеими группировками, во всем начал следовать своему собственному интересу и, кажется, стал выжидать случая, чтобы перейти с войском на ту сторону, где была большая надежда на власть. (3) Но в конце концов он вступил в грандиозную и жестокую битву с Цинной. Едва ли можно выразить словами, сколь гибельным и для сражавшихся и для зрителей был исход этого сражения, развернувшегося у самых стен и алтарей римской столицы. (4) После того как оба войска, словно бы они не были достаточно опустошены войной, истощила чума, умер Гн. Помпей. Радость римского народа по случаю его гибели была почти столь же велика, как и горе, вызванное потерями граждан от меча или чумы, и гнев римского народа по отношению к живому был перенесен на тело мертвого.

(5) Было две или три семьи Помпеев. Первый консул с этим именем, Кв. Помпей, был коллегой Гн. Сервилия.

(6) Цинна и Марий захватили Рим после битвы, стоившей обеим сторонам много крови. Но Цинна, вступив первым, внес закон о возвращении Мария.

XXII. Марий тотчас же вступил в город, и его возвращение оказалось пагубным для граждан. Ничто не было бы более жестоким, чем эта победа, не последуй за ней вскоре сулланская. (2) И произвол обрушился не только на обычных граждан; самые выдающиеся и наиболее значительные граждане государства также обрели смерть разными способами. Среди них по приказу Цинны был убит консул Октавий, человек исключительно мягкого характера. Мерула, который к приходу Цинны сложил с себя консульскую власть, вскрыл себе вены и, обливая кровью алтари, стал возносить молитвы о проклятии Цинны и его приверженцев тем богам, которым, будучи фламином Юпитера, молился о благе отечества; так завершил он жизнь, полную заслуг перед государством. (3) М. Антоний, принцепс в государстве, равно как и в красноречии, по приказу Мария и Цинны был пронзен мечами воинов в тот момент, когда пытался удержать их своим красноречием [92]. (4) Кв. Катул наряду с другими доблестями был отмечен славою Кимврской войны, которую разделил с Марием [93]. Когда он узнал, что его ищут, чтобы убить, он, торжественно одетый, заперся в только что побеленном помещении, развел огонь и, вдыхая образовавшийся обильный пар, стал сдерживать дыхание и принял смерть скорее по своей воле, чем по приговору врагов.

(5) Все в государстве пришло в беспорядок, но еще не нашлось никого, кто осмелился бы дарить имущество римского гражданина или имел бы смелость о том объявить. Впоследствии случилось и это, так что алчность стала подавать повод к жестокости, а виновность стала определяться размером имущества и, кто был богат, тем самым был уже виновен, каждый сам оплачивал угрозу своей жизни, и ничто не казалось бесчестным, если сулило прибыль.

XXIII. Затем Цинна вступил во второе консульство, а Марий - в седьмое - бесславное в отличие от первых [шести]. Он умер в его начале, унесенный чумою. Этот человек, во время войны внушавший страх врагам, а во время мира - гражданам, никогда не оставался спокойным. (2) На его место был избран Валерий Флакк [94], автор позорнейшего закона, разрешавшего выплачивать кредиторам четвертую часть долга. Спустя два года его постигла за это заслуженная кара. (3) В то время как Цинна господствовал в Италии, большая часть знати бежала к Сулле в Ахайю, а затем и в Азию. Между тем Сулла одержал победы над префектами Митридата в районе Афин, Беотии и Македонии, занял Афины и после огромных усилий вблизи многочисленных укреплений порта Пирея убил более двухсот тысяч врагов и не меньше взял в плен. (4) Тот, кто вменяет в вину афинянам того времени, когда Афины осаждались Суллой, мятеж, тот, разумеется, показывает незнание истины и старины. Ведь верность афинян римлянам была настолько прочной, что всегда и во всех обстоятельствах римляне называли аттическим каждое действие, отличавшееся подлинной верностью. (5) Впрочем, тогда эти люди, подавленные оружием Митридата, находились в самом плачевном положении, поскольку город был занят врагами и осажден друзьями. Душой они были за стенами города, а телом, - будучи рабами необходимости - внутри него. (6) Затем Сулла, переправившись в Азию, нашел Митридата молящим о милосердии и готовым все принять. Обложив его данью, конфисковав часть кораблей, он заставил его покинуть Азию и все другие провинции, которые он занял силой оружия. Он освободил пленников, покарал перебежчиков и преступников и приказал, чтобы царь довольствовался границами предков, то есть Понтом [95].

XXIV. Г. Фульвий Флакк, начальник конницы, еще до прихода Суллы убил консуляра Валерия Флакка и, завладев войском, был провозглашен императором и имел возможность в ходе битвы нанести поражение Митридату. Перед прибытием Суллы этот храбрый юноша, чей дурной замысел был смело осуществлен, покончил с собой [96]. (2) В том же году народный трибун П. Ленат сбросил с Тарпейской скалы Секста Лициния, народного трибуна предшествующего года, а когда его коллеги, которых он призвал на суд, бежали в страхе к Сулле, он лишил их огня и воды.

(3) Тогда Сулла, уладив заморские дела, первым из римлян принял послов парфян [97] (среди них некие маги определили по родимым пятнам на его теле, что его будущая жизнь и посмертная память достойны богов). Возвратившись в Италию, он высадился в Брундизии с не более чем тридцатью тысячами воинов против двухсот тысяч врагов. (4) Едва ли какое-либо из дел Суллы я бы счел более славным, чем следующее: когда сторонники Цинны и Мария в течение трех лет удерживали Италию, он не скрывал, что объявит им войну, но не оставлял того, что предпринял, полагая, что прежде чем мстить гражданам, нужно сломить врага, и, отразив внешнюю опасность, победил внутреннюю. (5) Перед прибытием Л. Суллы Цинна был убит войском при зарождении мятежа [98], хотя такой человек был более достоин умереть по приговору врагов, чем от гнева воинов. Право, о нем можно сказать, что он дерзнул на то, на что не осмелится ни один благонамеренный, а также осуществил то, что не мог бы сделать никто, кроме самого храброго, и что он был опрометчив в решениях, но в осуществлении - настоящий мужчина. Карбон в течение года был консулом один, без коллеги суффекта.

XXV. Можно было бы подумать, что Сулла прибыл в Италию не как зачинщик войны, но как провозвестник мира, - с такой уравновешенностью он вел войско через Калабрию и Апулию, такую удивительную заботу он проявил о плодах, полях, городах Кампании. Он стремился положить конец войне, следуя справедливым законам и умеренным условиям. Но тех, кем овладела злосчастнейшая и неумеренная страсть, не мог устроить мир. (2) Между тем войско Суллы возрастало день ото дня за счет притока к нему всего

благонамеренного и честного. Затем, благодаря счастливому повороту событий, он одолел близ Капуи консулов Сципиона и Норбана; из них Норбан был разбит на поле боя, Сципиона же, покинутого и преданного своим войском, Сулла отпустил невредимым. (3) Таково было различие между Суллой воителем и Суллой победителем; пока он еще побеждал, он был мягче справедливейшего [99], но после победы неслыханно жесток. Ведь и консула, им обезоруженного, как было сказано выше, и Квинта Сертория, - а какую страшную войну последний вскоре разжег, - и многих других, попавших в его руки, он отпустил невредимыми. Я думаю, что этот человек являл пример наивысшей двойственности и противоречивости духа. (4) После победы, которая последовала в столкновении с Г. Норбаном у горы Тифата, Сулла воздал благодарность Диане, богине, которой была посвящена эта местность. Он передал богине источники, известные благотворным влиянием на организм. О таком почтительном даре богам и поныне напоминает надпись, прибитая снаружи к храму, [и] медная доска внутри святилища [100].

XXVI. Затем были консулами Карбон [101] в третий раз и Г. Марий, сын семикратного консула [102], человек двадцати шести лет от роду, унаследовавший отцовскую силу духа, но не отцовское долголетие. Он решительно брался за разнообразные дела и никогда не опускался ниже славы своего имени. После того, как Сулла разбил его у Сакрипорта, он направился с войском в Пренесте [103] и укрепил гарнизоном этот город, созданный как крепость самой природой. (2) Не оставалось ничего, не затронутого общественным злом: в государстве, где всегда состязались в доблестях, стали состязаться в преступлениях, наилучшим себя считал тот, кто был наихудшим. Так, пока шло сражение у Сакрипорта, претор Дамасипп [104] зарезал в Гостилиевой курии - якобы как сторонников Суллы - Домиция [105], а также Сцеволу [106], великого понтифика, прославленного во всем, что касается божественного и человеческого права, и Г. Карбона, бывшего претора, брата консула, и Антистия [107], в прошлом эдила. (3) Да не забудется благородный поступок Кальпурнии, дочери Бестии [108], супруги Антистия: когда ее муж был зарезан, как было сказано выше, она пронзила себя мечом. К его славе она прибавила свою собственную. Возвысившись мужеством, она заставила забыть о дурной репутации отца.

XXVII. Что касается Телезина, вождя самнитов, то этот в высшей степени мужественный, воинственный и столь же враждебный римскому имени человек, собрав около сорока тысяч юношей, выделявшихся храбростью и непоколебимых в желании не складывать оружия, в консульство Карбона и Мария, сто девять лет назад он вступил в сражение с Суллой у Коллинских ворот [109]. (2) В тот день, когда, объезжая отряд за отрядом свое войско, он воскликнул, что Риму пришел конец и что он разрушит до основания город, Сулле и государству грозила едва ли меньшая опасность, чем тогда, когда в трех милях был замечен лагерь Ганнибала. Телезин добавил, что никогда не будут истреблены волки, похитители свободы Италии, пока не будет вырублен лес, в котором они имеют обыкновение скрываться. (3) И лишь после первого часа ночи римское войско воспрянуло, а вражеское пало духом. На другой день Телезин был найден полуживым, но по выражению лица он более походил на победителя, чем на побежденного. По приказу Суллы его отрубленная голова была обнесена на мече вокруг Пренесте.

(4) Тогда лишь, сочтя положение безнадежным, юный Г. Марий попытался выбраться через вырытые с удивительным искусством подземные ходы, которые вели в разные стороны поля [110]. Но, высунувшись из земли через отверстие, он был убит поставленными для этого людьми. (5) Некоторые передают, что он сам наложил на себя руки, другие - что погиб вместе с младшим братом Телезина, который также оказался в осаде и пытался бежать, но оба взаимно лишили друг друга жизни. Как бы это ни было, доныне юного Мария не затмил великий образ его отца. Легко понять мнение Суллы об

этом юноше: он принял имя «Счастливым» лишь после того, как Марий погиб. Это имя Сулла заслужил бы в полной мере, если бы вместе с победой закончилась его жизнь. (6) Осаду Мария в Пренесте возглавлял Офелла Лукреций [111]. Прежде он был претором [112] марианской партии, затем перешел на сторону Суллы. В память о том счастливым дне, когда были разбиты самнитское войско и Телезин, Сулла учредил цирковые игры, известные под его именем как Сулланские победы.

XXVIII. Незадолго до того, как Сулла сражался под Сакрипортом, люди его партии - двое Сервилийев под Клузием, Метелл Пий под Фавенцией [113], М. Лукулл под Фиденцией - в прославленных сражениях рассеяли войска неприятеля. (2) Казалось, уже завершились бедствия гражданской войны, когда они были умножены в результате жестокости Суллы. Ведь он был назначен диктатором [114], а эта должность не находила применения сто двадцать лет - последний диктатор был спустя год после ухода Ганнибала из Италии, - откуда явствует, что страх римского народа перед могуществом диктатора был большим, чем страх, заставляющий прибегнуть к диктатуре. Властью, которой его предшественники пользовались прежде для отражения величайших опасностей, он воспользовался как возможностью для неумеренной жестокости. (3) Сулла был первым (о, если бы и последним!), кто подал пример проскрипций. И в этом государстве, где назначают судебное следствие по поводу оскорбления любого гистриона [115], публично устанавливается вознаграждение за убийство римского гражданина, и наибольшую выгоду имеет тот, кто больше убьет; вознаграждение за убийство врага было не больше, чем за убитого гражданина, и каждый сам оплачивал собственную смерть. (4) Свиристествовали не только по отношению к тем, кто взялся за оружие, но по отношению к многим неповинным. И, более того, имущество проскрибированных продавалось, дети даже лишались права претендовать на магистратуры, и, что недостойнее всего, сыновья сенаторов несли тяготы этого сословия, теряя его права [116].

XXIX. К прибытию Суллы в Италию, Гн. Помпей, сын того Гн. Помпея, который, как мы сказали выше, будучи консулом, совершил блистательные подвиги во время войны с марсами, в двадцатитрехлетнем возрасте, сто тринадцать лет назад, отважился с частными средствами на величайший замысел, который попытался осуществить. Для того чтобы отомстить за отечество и вернуть ему его величие, он собрал в Фирме войско, набранное на территории Пицена, который сплошь занимали клиенты его отца [117]. (2) Величие этого человека потребовало бы много книг, но размеры труда позволяют сказать о нем немного. По матери Луцилии [118] он принадлежал к сенаторской фамилии. Сам он был исключительно красив, но не той красотой, которую придает расцвет жизни, но достоинством и твердостью, [которые] в соединении с величием его фортуны сопровождали Помпея до последнего дня жизни. (3) Исключительно незлобивый, чрезвычайно благочестивый, в меру красноречивый, он страстно жаждал власти, но полученной почетно, а не захваченной силой; на войне испытанный вождь, гражданин в годы мира, умереннейший, кроме тех случаев, когда он опасался равного себе, в дружбе стойкий, легко прощающий оскорбления, очень надежный в примирении, он никогда, или очень редко, не обращал свою власть в произвол. (4) Он был лишен почти всех пороков, если не считать одного, но величайшего: в свободном государстве, правящем народами, где все граждане равны в правах, он не мог вынести, чтобы кто-либо был равен ему по положению. (5) С того времени, как надел мужскую тогу, он принимал участие в военных кампаниях выдающегося полководца, своего отца, имея возможность усовершенствовать свой честный, восприимчивый ко всему разумному ум исключительным знанием военного дела, так что Серторий более хвалил Метелла, но сильнее боялся Помпея [119]...

XXX. Тогда М. Перпенна, бывший претор из проскрибированных, человек более славный родом, чем характером, убил Сертория во время пира в Оске [120] и этим преступлением

отнял у римлян верную победу, погубил свою партию и обрек себя на позорную смерть. (2) Метелл и Помпей отметили триумф над Испаниями, но Помпей и во время этого триумфа [121], за день до вступления в консульство, оставаясь еще римским всадником, въехал в Рим на триумфальной колеснице. (3) Как не удивиться, что этот человек, благодаря столь многочисленным чрезвычайным полномочиям достигший вершины почета, с таким неудовольствием отнесся к тому, что сенат и римский народ поддержали Г. Цезаря, [заочно] домогавшегося второго консулата? Настолько присуще людям все прощать себе, ничего не прощая другим, и обращать свою ненависть не на причины фактов, но на намерения и личность. (4) Во время этого консульства Помпей восстановил трибунскую власть, от которой Сулла оставил только видимость [122].

(5) Во время Серторианской войны в Испании шестьдесят четыре раба [123] под руководством Спартака бежали из гладиаторской школы в Капуе, захватили в этом городе мечи и сначала устремились на гору Везувий; вскоре, поскольку день ото дня их становилось все больше, они причинили Италии множество самых различных зол. (6) Их численность настолько возросла, что в последнем данном ими сражении они выставили сорок девять тысяч [124] воинов. Слава прекращения этого досталась Крассу, вскоре [с согласия] всех признанному принцепсом государства.

XXXI. Личность Гн. Помпея привлекла к себе внимание всего мира, считалось, что он во всех отношениях значительнее, чем гражданин [125]. Во время своего консульства он принес в высшей степени похвальную клятву не направляться после окончания магистратуры в какую-либо провинцию и остался ей верен. (2) Но спустя два года трибун А. Габиний внес закон: так как пираты угрожают скорее настоящей войной, чем разбойничьими нападениями, и устрашают мир больше флотом, чем грабежом, и так как уже разграблены некоторые города Италии, да будет послан для их подавления Гн. Помпей, и его власть на море в пятидесяти милях от берега должна быть равна проконсульской в провинциях. (3) Этот сенатус-консульт распространил власть одного человека почти на весь мир; но хотя такое же решение было принято семью годами [126] ранее применительно к претору М. Антонию [127], - иногда личность вредит примеру, который она дает, уменьшая или увеличивая [128] зависть, - в отношении Антония это восприняли равнодушно - ведь редко завидуют славе тех, чьего могущества не боятся. Напротив, опасаются чрезвычайной власти тех людей, которые могут по своему желанию ее удержать или от нее отказаться и которые не признают ничего, кроме своего желания. Среди оптиматов не было согласия, а планы их были сломлены силой.

XXXII. В этой связи достойны быть отмеченными как авторитет, так и скромность Кв. Катула [129]. А именно, выступая против закона на народной сходке, он сказал, что Помпей, определенно выдающийся человек, и даже чересчур выдающийся для свободного государства, но нельзя ведь все взваливать на одного человека, и добавил: «Если что с ним случится, кого вы поставите на его место?». - «Тебя, Кв. Катул!» - провозгласило собрание в один голос. Тогда он, обезоруженный этим единодушием и столь почетным для него суждением граждан, покинул сходку. (2) Достойны восхищения скромность этого человека и справедливость народа, ведь он чрезмерно не настаивал, и плебс, несмотря на свое несогласие и свою враждебность воле Катула, не захотел лишить его своей справедливой признательности.

(3) В то же время Котта [130] разделил судейские обязанности, которые Г. Гракх отнял у сената для передачи всадникам, а Сулла передал сенату, разделив поровну между обоими сословиями; Отон Росций своим законом восстановил места всадников в театре [131]. (4) Что касается Гн. Помпея, то, пользуясь помощью в этой войне многих выдающихся людей, он разместил флот почти во всех частях моря, нуждающихся в защите, и вскоре со

своими непобедимыми силами освободил мир; после победы над пиратами во множестве схваток и во многих местах он обрушился на них со своим флотом у побережья Киликии, опрокинул их и обратил в бегство. (5) И чтобы поскорее завершить столь широко распространившуюся войну, он свел остатки пиратов в отдаленные от моря города, назначив им определенные места обитания. (6) Некоторые это осуждают, но хотя у каждого по отношению к автору [закона] достаточно ума, только ум делает великим и автором: ведь дав возможность жить без грабежа, он удержал их от разбоев.

XXXIII. В то время, как пиратская война подходила к концу, Л. Лукулл, семь лет назад получивший по жребию после консульства Азию, сражался с Митридатом. Он совершил великие и достопамятные дела: часто и во многих местах разбивал Митридата, в результате выдающейся победы освободил от осады Кизик, победил в Армении Тиграна, величайшего из царей. Казалось, однако, что Лукулл скорее не хотел, чем не мог положить конец войне; во всех отношениях достойный похвалы и в бою почти непобедимый, он был поражен страстью к наживе. Народный трибун Манилий, человек продажный, орудие чужой власти, внес закон, чтобы война с Митридатом велась Гн. Помпеем. (2) Закон был принят, и между полководцами возникла перебранка. В то время как Помпей обвинял Лукулла в позорной наживе, Лукулл обвинял Помпея в безмерной жажде власти. И ни один из обоих не мог доказать, что его обвиняют ложно. (3) На самом деле Помпей с тех пор, как впервые приступил к государственным делам, не мог видеть рядом с собою равного, и там, где ему должно было быть первым, всегда хотел быть единственным, - никто не показал более великой страсти к славе и большего безразличия ко всему остальному. Неумеренный в поисках должностей, а при исполнении их в высшей степени сдержанный, он вступал в них с тем же удовольствием, с каким равнодушием их завершал, а если к чему стремился, то брал по своему усмотрению, а отказывался - по чужому. (4) Лукулл же, во всем другом величайший человек, был первым зачинщиком расточительной роскоши в постройках, празднествах и обстановке. За возведенные в море насыпи и за скалы, которые он срыл, чтобы дать морю проникнуть в сушу, Помпей Великий не без остроумия обычно называл его «Ксерксом в тоге» [132].

XXXIV. К этому времени под власть римского народа Кв. Метеллом [133] был передан остров Крит, который три года тревожил римское войско с помощью двадцати четырех тысяч воинов, проворных и быстрых, неутомимых в военных походах, прославленных в стрельбе из лука, которыми руководили Панар и Ласфен. (2) Это поприще славы не удержало Гн. Помпея, который пытался присвоить себе часть победы. Но триумф Лукулла и Метелла был особенно сочувственно встречен лучшими людьми как из-за исключительной доблести обоих полководцев, так и из-за зависти к ним Помпея.

(3) В это время М. Цицерон, который был обязан всем самому себе, человек прославленной, хотя и недавно приобретенной знатности, знаменитый своим образом жизни, наделенный величайшим дарованием, которому мы обязаны тем, что не побеждены дарованиями тех, чье оружие победили [134], будучи консулом, благодаря своей исключительной доблести, упорству, бдительности, заботливости раскрыл заговор Сергия Катилины, Лентула, Цетега, а также других лиц обоих сословий. (4) В страхе перед властью консула Каталина покинул Рим. Лентул, в прошлом консул, тогда претор во второй раз, и другие люди по поручению сената и приказу консула были умерщвлены в тюрьме.

XXXV. Знаменитый день заседания сената, в ходе которого произошли эти события, высветил до самых глубин достоинства М. Катона, уже проявившиеся и блиставшие во многих делах. (2) Будучи правнуком М. Катона, этого принцепса фамилии Порциев, человек, подобный самой доблести и во всех своих дарованиях более близкий к богам,

чем к людям, он совершал справедливые поступки не для того, чтобы казаться справедливым, а потому что не мог поступать иначе и потому что в его глазах только справедливость имела смысл. Лишенный людских пороков, он был властителем своей судьбы. (3) Он был тогда народным трибуном-десигнатом и к тому же совсем еще юношей. Когда другие [135] призывали держать Лентула и заговорщиков под стражей в муниципиях, он, о чьем мнении спросили в последнюю очередь, обрушился против заговора с такой силой духа и таланта, что жаром своего слова навлек подозрение в том, что выступающие за промедление являются соучастниками заговорщиков. (4) Он так обрисовал опасности, которые повергнут город в руины и пепел и приведут к изменению политического положения, так подчеркнул заслуги консула, что сенат единодушно присоединился к его мнению и постановил строго наказать названных выше, а большая часть сенаторского сословия проводила Цицерона домой. (5) Что касается Катилины, то он проявил не меньшую силу духа в сведении счетов с жизнью, чем в совершении преступления, потому что он испустил дух, храбро сражаясь, хотя ему предстояло погибнуть во время казни.

XXXVI. Консульству Цицерона придало немалый блеск рождение в том году (девяносто два года назад) божественного Августа, которому предстояло затмить своим величием всех мужей всех народов. (2) Может показаться излишним указывать время жизни выдающихся талантов. Кому, в самом деле, неизвестно, что в это время расцвели разделенные всего несколькими годами Цицерон и Гортензий, а до них Красс, Котта [136], Сульпиций [137], а вскоре после этого Брут, Калидий [138], Целий [139], Кальв [140] и Цезарь, наиболее близкий к Цицерону, а также те, которые были как бы их учениками, Корвин [141] и Азиний Поллион, подражатель Фукидида Саллюстий, авторы поэтических произведений Варрон [142] и Лукреций, а также Катулл, не менее великий в своем поэтическом творчестве [143]. (3) Едва ли не глупо было бы перечислять гениев, которых мы еще помним, среди них выдающегося в нашем веке принцепса поэтов Вергилия, Рабририя [144], последователя Саллюстия Ливия, Тибулла и Назона [145], ведь насколько велико восхищение, настолько затруднительна оценка.

XXXVII. Пока эти события совершались в Италии, Гн. Помпей вел памятную всем войну против Митридата, который после отбытия Лукулла пополнил силы для своего нового войска. (2) Царь же, разбитый и обращенный в бегство, потеряв все свои войска, направляется в Армению к своему зятю Тиграну, могущественнейшему царю своего времени, не будь он сломлен оружием Лукулла. (3) Итак, преследуя одновременно обоих, Помпей вступил в Армению. Первым предстал перед Помпеем сын Тиграна, но без согласия своего отца, (4) а вскоре и сам царь собственной персоной, моля о милосердии, вверил его власти самого себя и царство, предпослав этому, что как нет другого народа, кроме римского, так и нет другого человека, кроме Помпея, союзу с которым он мог бы доверять, и что поэтому он снесет любую участь, будь она бедственной или благоприятной, как определит Помпей: не позорно потерпеть поражение от того, кого незаконно было бы победить, не бесчестно подчиниться тому, кого фортуна поставила выше всех. (5) Царю был оставлен почет власти, но он был обложен огромной контрибуцией, которая, по обыкновению Помпея, была передана квестору и внесена в государственные книги. Сирия и другие провинции, которые он занимал, были отняты и одни из них были возвращены римскому народу, а другие впервые стали платить дань [146]. Власть царя была ограничена Арменией.

XXXVIII. Кажется, не противоречит выбранному нами плану труда кратко проследить, какие племена и народы перешли в разряд провинций, обложенных данью, и при каком это было полководце, поскольку факты, которые мы рассматривали отдельно, легче рассмотреть в совокупности. (2) Первым в Сицилию привел войско консул Клавдий, но

только по прошествии пятидесяти двух лет, после захвата Сиракуз Марцеллом Клавдием, Сицилия стала провинцией [147]. Первым в Африку [вступил] Регул, почти на девятом году Первой Пунической войны, но только через сто девять лет, сто восемьдесят два года назад, П. Сципион Эмилиан, разрушив Карфаген, ввел Африку в разряд провинций [148]. Между Первой и Второй Пуническими войнами, в первый раз при консуле Т. Манлии [149] Сардиния обрела прочное ярмо нашей Империи. (3) Вот необычное свидетельство воинственности нашего государства: храм двуликого Януса был закрыт (в чем свидетельство прочного мира) первый раз при царях, второй - в консульство этого Т. Манлия, в третий - при принцепсе Августе [150]. (4) В Испанию первыми ввели войска Гней и Публий Сципионы в начале Второй Пунической войны, двести пятьдесят лет назад [151]. Затем ими владели по-разному, нередко частично теряли, вся Испания только при Августе стала платить дань. (5) Македонию подчинил Павел [152], Ахайю - Муммий [153], Этолию - Фульвий Нобилиор [154]; Л. Сципион, брат Африканского, отобрал Азию у Антиоха [155], но благодаря пожалованию сената и римского народа ею вскоре завладели цари Атталы; после пленения Аристоника ее сделал данницей М. Перпенна [156]. (6) Слава победы над Кипром не досталась никому. Ведь он сделался провинцией согласно сенатскому постановлению, в результате деятельности Катона и после смерти царя, принятой им добровольно. Под командованием Метелла [157] был наказан Крит, потерявший свободу, которой он пользовался слишком долго. Сирия и Понт являются памятниками доблести Гн. Помпея.

XXXIX. Галлии, куда впервые ввели войско Домиций и Фабий, внук Павла, получивший имя Аллоброгский, с большими потерями для нас мы часто захватывали и теряли [158]. Но блистательнейшим по сравнению с ними выглядит подвиг Г. Цезаря: ведь под его командованием и ауспициями они были сокрушены и стали платить почти ту же унижительную [159] дань, как и остальной мир. Тем, кто сделал... Нумидийский [160]. (2) Киликию покорил Исаврик, а после войны с Антиохом Вульсон Манлий - Галлогрецию. Вифиния, как было сказано выше, досталась в наследство по завещанию Никомеда. Божественный Август, кроме Испании и других народов, именами которых блистает его форум, сделал провинцией, платящей дань, также и Египет и внес в казну контрибуцию, почти равную той, которую его отец извлек из Галлий. (3) Что касается Тиб. Цезаря, который вырвал у испанцев окончательное признание покорности, то он того же добился от иллирийцев и далматов. Он также присоединил к нашей империи новые провинции: Рецию, страну винделиков [161], Нориков [162], скордискос и Паннонию. Их он добился силой оружия, Каппадокию же сделал данницей римского народа благодаря своему авторитету. Но продолжим по порядку.

XL. Затем последовала кампания Гн. Помпея, неясно чем более великая - славою или трудностями. Он проник как победитель в Мидию, Албанию и Иберию; затем направил свое оружие к народам, обитающим по правую сторону Понта и вглубь от него: к колхам, гениохам [163] и ахеям [164]. Из-за предательства своего сына Фарнака [165] Митридат оказался последним из полноправных царей, побежденных ауспициями Помпея, кроме царей парфян. (2) Тогда Помпей, победив все народы, против которых выступал, достигнув большего величия, чем ожидал сам и сограждане, превзойдя во всех отношениях судьбу смертного, вернулся в Италию. Его возвращение сделало мнение о нем более благоприятным. Ведь многие утверждали, что он не вернется в Рим без войска и по своему усмотрению ограничит предел общественной свободы. (3) Чем более этого опасались граждане, тем приятнее было возвращение столь великого полководца, носившее гражданский характер: ведь, распустив в Брундизии все свое войско, не оставив себе ничего, кроме титула «император», он вернулся в Рим с личной свитой, которую по своему обыкновению держал при себе, и на протяжении двух дней отпраздновал

великолепнейший триумф над столькими царями, и внес в эрарий, продав военную добычу, сумму более значительную, чем кто бы то ни было до него, кроме Павла.

(4) В отсутствие Гн. Помпея народные трибуны Т. Ампий и Т. Лабиен [166] провели закон, согласно которому во время цирковых игр он пользовался бы золотой короной и всеми украшениями триумфатора, в театре же претекстой и золотой короной. Но Помпей воспользовался этим правом не более одного раза, - но даже это оказалось чрезмерным. Фортуна возвысила достоинство этого человека такими деяниями: первый раз он отметил триумф над Африкой, во второй - над Европой, в третий - над Азией, и сколько есть частей света, столько было памятников его побед. (5) Но такое превосходство всегда вызывает зависть. Поэтому и Лукулл, не забывший причиненную ему обиду, и Метелл Критский, имевший основание жаловаться, - ведь Помпей сделал украшением своего триумфа взятых им в плен вождей, - и вместе с ними часть оптиматов [167] препятствовали тому, чтобы Помпей выплатил по собственному усмотрению то, что обещал городам, и расплатился с теми, кто этого заслужил.

ХLI. За этим последовало консульство Г. Цезаря, который овладевает рукою пишущего и заставляет, как бы он ни торопился, задержать внимание на своей личности. Он происходил из наизнатнейшей семьи Юлиев и, как это установлено всеми знатоками старины, вел свое происхождение от Анхиза и Венеры. Выделявшийся среди граждан внешностью, наделенный неукротимой силой духа, неумеренный в щедротах, вознесшийся духом выше всего человеческого, естественного и вероятного, величием помыслов, стремительностью в военных действиях, выносливостью в опасностях уподоблявшийся Великому Александру, но рассудительному, а не гневному, (2) наконец, сном и пищей всегда пользовавшийся для поддержания жизни, а не для удовольствия. Хотя он находился в близком кровном родстве с Г. Марием и одновременно был зятем Цинны, никакой страх не вынудил его разойтись с его дочерью, тогда как консуляр М. Пизон, чтобы угодить Сулле, развелся с Аннией, которая прежде была женою Цинны. Цезарю едва исполнилось восемнадцать лет, когда Сулла захватил власть. Переменив одежду и приняв облик, не соответствующий его положению, Цезарь ночью бежал из города скорее от соучастников и прислужников Суллы, разыскивавших его, чтобы убить, чем от него самого. (3) Позднее, будучи еще очень юным, он был захвачен пиратами и на протяжении всего времени, пока они его удерживали, вел себя так, что вызывал у них и страх и уважение одновременно. Никогда, ни днем, ни ночью, (зачем же замалчивать то, что, пожалуй, является самым главным, но не может быть выражено многозначительными словами) он не снимал ни обуви, ни одежды, конечно, для того, чтобы изменением привычного облика не вызвать подозрения у тех, кто стерег его, не сводя с него глаз.

ХLII. Долго рассказывать, на что и сколько раз он дерзал и сколько его начинаний в испуге пресек магистрат римского народа, управлявший Азией. Приведем то, что доказывает, каким человеком предстояло ему стать в ближайшем будущем: (2) едва ночь сменила день, в который он был выкуплен на общественные деньги городов, (а до того он добился, чтобы пираты вернули городам заложников), как он, будучи частным лицом, повел собранный на скорую руку флот в то место, где находились пираты. Часть их флота он обратил в бегство, часть пустил ко дну, а несколько кораблей и множество людей захватил; (3) радуясь этой ночной экспедиции, он с триумфом возвратился к своим и, отдав тех, кого захватил, под стражу [168], направился в Вифинию к проконсулу Юнку [169], - ведь он одновременно правил Азией, - чтобы тот распорядился о казни пленников; когда тот отказался это сделать, объяснив, что собирается продать пленников (ведь безделью сопутствует зависть), Цезарь с невероятной быстротой вернулся к морю и, прежде чем дошли какие-либо распоряжения проконсула относительно этого дела, распял на кресте всех, кого захватил.

XLIII. Едва введенный в жреческую должность, - ведь в свое отсутствие Цезарь был назначен понтификом вместо консуляра Котты [170], - (когда он был почти мальчиком, Марий и Цинна избрали его фламином Юпитера, но победа Суллы, объявившего все их распоряжения недействительными, отменила это назначение), - он поспешил в Италию и, чтобы его не заметили пираты, державшие тогда в своих руках все моря, а их враждебное отношение к себе он заслужил, пересек очень широкий залив Адриатического моря на четырехвесельном судне вместе с двумя друзьями и десятью рабами. (2) Заметив во время этого плавания, как ему показалось, пиратские корабли, он разделся и привязал к бедру кинжал, готовясь к любому повороту судьбы, но вскоре понял, что это обман зрения: издали он принял деревья за мачты и реи.

(3) Остальные его деяния в Риме достаточно известны и не нуждаются в искусном изложении: прославленное обвинение Долабеллы [171] и благожелательность граждан во время этого процесса, которой обычно пользуются обвиняемые, и знаменитейшие политические споры с Кв. Катуллом и другими самыми выдающимися людьми, и поражение Кв. Катула, общепризнанного главы сената, еще до претуры домогавшегося должности великого понтифика [172], (4) и во время пребывания в должности эдила восстановление, несмотря на сопротивление нобилитета, памятников Г. Мария, равно как возвращение гражданских прав детям проскрибированных, и удивительные по мужеству и рвению претура и квестура в Испании [173] (а он был квестором под началом Антистия Вета, деда нынешнего Вета, консуляра и понтифика, отца двух консуляров и жрецов, человека настолько достойного, насколько может быть достойной человеческая честность).

XLIV. Во время этого консульства между ним, Гн. Помпеем и М. Крассом был заключен союз ради могущества [174], который оказался гибельным не только для Рима и мира, но не в меньшей степени для них самих, хотя и в разное время. (2) У Помпея была причина следовать этому замыслу, чтобы с помощью консула Цезаря, наконец, закрепить свои распоряжения в заморских провинциях, чему, как было сказано, многие противодействовали. А Цезарь учитывал для себя то, что, уступив славе Помпея, он приумножит свою и, перенеся на него ненависть народа к их общей власти, укрепит свое собственное могущество. Красс держался за авторитет Помпея и силу Цезаря, поскольку один не мог добиться первого места. (3) Связь между Цезарем и Помпеем была укреплена также браком, ведь Гн. Магн взял в жены дочь Цезаря.

(4) В это консульство Цезарь внес закон о разделении между плебеями Кампанского поля [175]. Помпей этот закон не поддержал. Вследствие этого туда было выведено около двадцати тысяч граждан и были восстановлены права города, которые Капуя утратила во время Пунической войны, примерно сто пятьдесят два года назад, когда она была низведена римлянами до положения префектуры [176]. (5) Бибул, коллега Цезаря, который скорее стремился, чем мог помешать его мероприятиям, большую часть года отсиживался дома. Тем самым, желая вызвать ненависть к коллеге, он приумножал его могущество. Тогда Цезарю были определены на пять лет Галлии [177].

XLV. В это время П. Клодий, - человек знатный, красноречивый, дерзкий, ни в делах, ни в речах не знавший меры, той, какую он сам себе определил, энергичный исполнитель дурных замыслов, обесчещенный разворотом с сестрой, обвиненный в прелюбодеянии среди вызывающих благоговение святынь римского народа [178], испытывая тяжкую неприязнь Цицерону, - ибо какая может быть дружба между столь непохожими людьми, - перешел из патрициев в плебеи и в качестве народного трибуна внес закон: «Кто казнит римского гражданина без суда и следствия, да будет лишен огня и воды» [179]. Хотя в этих словах Цицерон и не был назван по имени, угроза относилась только к нему. (2)

Таким образом, человек, заслуживший наивысшую награду за спасение отечества, подвергся бедствию изгнания. Цезарь и Помпей не избежали подозрения в причастности к изгнанию Цицерона. Считалось, что Цицерон навлек на себя кару тем, что не пожелал быть членом коллегии двадцати, назначенной для раздела кампанской земли. (3) Спустя два года благодаря запоздалой, но энергичной защите Гн. Помпея достоинство Цицерона было восстановлено по мольбе Италии, по решению сената, благодаря доблести и активности народного трибуна Анния Милона. После изгнания и возвращения Нумидика никто не был изгнан с большей ненавистью и возвращен с большей радостью. Насколько злобно Клодий разрушил его дом, настолько же великолепно сенат его восстановил. (4) Тот же Клодий во время своего трибуната под предлогом почетного поручения удалил из государства Марка Катона, а именно внес предложение, чтобы тот в качестве квестора с преторскими полномочиями вместе с коллегой-квестором был направлен на остров Кипр для лишения прав царствования Птолемея, заслужившего такое поругание порочностью и безнравственностью. (5) Но тот перед прибытием Катона покончил с собой. Оттуда Катон доставил в Рим гораздо больше денег, чем надеялись: такой человек не нуждается в похвале за бескорыстие, но можно высказать ему упреки едва ли не за высокомерие: вместе с консулами и сенаторами весь город высыпал навстречу Катону, когда тот плыл на кораблях по Тибру, а он покинул корабли не раньше, чем прибыл на то место, где должны были выгрузить деньги.

XLVI. Затем Цезарь совершил в Галлии великие подвиги, которые едва ли можно описать во многих свитках. Не удовлетворившись многочисленными счастливыми победами и бесчисленными тысячами пленных и убитых врагов, он во главе войска даже переправился в Британию как бы в поисках другого мира для нашей и своей Империи. Между тем прежняя пара [180], - Гн. Помпей и М. Красс, - вступила в свое второе консульство, которое было достигнуто нечестным путем и велось недостойным образом. (2) Согласно закону который был предложен народу Помпеем, Цезарю был предоставлен повторный срок для управления провинциями, Крассу, мечтавшему о парфянской войне, была назначена Сирия [181]. Этот человек, безупречнейший во всем остальном, равнодушный к наслаждениям, не знал меры и не признавал границ в страстной жажде славы и денег. (3) Когда он отправился в Сирию, народные трибуны тщетно пытались его удержать всевозможными зловещными предзнаменованиями [182]. О, если бы они исполнились только по отношению к нему самому! Потеря полководца при уцелевшем войске была бы незначительным ущербом для республики. (4) Когда Красс перешел Евфрат и направлялся в Селевкию, Ород окружил его со всех сторон бесчисленной конницей и уничтожил вместе с большей частью римского войска. Гай Кассий, в недалеком будущем виновник отвратительнейшего преступления, а тогда квестор, спас остатки легионов (5) и удержал Сирию под властью римского народа, победоносно обратив в бегство и рассеяв парфян, вошедших в эту провинцию.

XLVII. В это и последующее время, о котором было сказано выше, Цезарем было перебито более четырехсот тысяч врагов и еще больше взято в плен. Приходилось сражаться то в открытом бою, то во время переходов, то совершая вылазки. Дважды он проникал и в Британию. Едва ли не любая из девяти летних кампаний Цезаря в полной мере заслуживала триумфа, а под Алезией совершались такие подвиги, на которые едва ли мог решиться человек, а осуществить почти никто, разве лишь бог. (2) На седьмом году пребывания Цезаря в Галлии скончалась Юлия, жена Магна, бывшая порукой согласия между Гн. Помпеем и Г. Цезарем, которое даже при ней было шатким из-за соперничества в борьбе за власть. Фортуна, чтобы разрушить всякую связь между полководцами, обреченными ею на такое потрясение основ, в короткое время унесла и сына Помпея, рожденного Юлией. (3) Так как предвыборная борьба, не знавшая ни меры, ни границ, дошла в своем безумии до применения оружия и резни граждан, Гн. Помпею было

предоставлено третье, причем единоличное консульство по решению даже тех, кто раньше был противником занятия им этой должности. Слава этой магистратуры, которая, кажется, означала примирение с оптиматами, была причиной полного отчуждения от Г. Цезаря. Однако всю мощь своего консульства он употребил на сдерживание злоупотреблений при выборах.

(4) Тогда П. Клодий при вспыхнувшей во время встречи у Бовилл ссоре был зарезан Милоном, кандидатом в консулы, - поступок, гибельный в качестве примера, но спасительный для государства. Катон высказал во всеуслышание свое мнение в его оправдание. Случись это раньше, не было бы недостатка в людях, которые бы последовали его примеру и одобрили бы убийство человека, который более, чем кто-либо другой был врагом государства и всех благонамеренных людей.

XLVIII. Некоторое время спустя проявились первые вспышки гражданской войны, хотя каждый справедливый человек жаждал, чтобы и Цезарь и Помпей распустили войска. Ведь Помпей во время второго консулата пожелал получить назначение в Испании и, ведя дела в Риме, управлял ими заочно через своих легатов Афрания и Петрея, в прошлом консула и претора; тех, кто требовал у Цезаря распустить войска, он одобрял, тех, кто требовал того же от него самого, притеснял. (2) Если бы за два года до того, как взялись за оружие, по завершении строительства театра и других сооружений вокруг него, Помпей умер в Кампании от поразившей его тяжелой болезни (в то время вся Италия возносила молитвы о его выздоровлении - честь, которой не удостоился до него ни один гражданин), фортуна не смогла бы поколебать его положения, и величие, какое имел на земле, он донес бы нетронутым к подземным богам. (3) Но никто не сделал больше для разжигания войны и многочисленных бедствий, которые сопутствовали ей на протяжении следующих двадцати лет, чем народный трибун Г. Курион, человек знатный, красноречивый, наглый расточитель как своего, так и чужого состояния и целомудрия, щедро одаренный беспутством, наделенный даром речи во вред государству, (4) дух которого не мог быть насыщен ни наслаждениями, ни сладострастием, ни богатством, ни честолюбием. Сначала он принял сторону Помпея, то есть, как тогда считали, государства, но вскоре, делая вид, что он против Помпея и Цезаря, в душе был за Цезаря. Оставим под сомнением, сделал ли он это даром, или, как говорят, за сто тысяч сестерциев. (5) В конце концов в высшей степени спасительные и уже одобренные условия мира, которые с самыми основательными намерениями выдвигал Цезарь и равным образом принимал Помпей, он расстроил и разрушил, и лишь Цицерон старался восстановить общественное согласие. Что касается порядка этих событий и тех, что были упомянуты ранее, читатель узнает об этом в специальных сочинениях других историков, но я надеюсь, что однажды расскажу о них сполна. [*]

(6) Теперь, возвращаясь к повествованию в предложенной форме, порадуемся сначала за Кв. Катула, обоих Лукуллов, Метелла и Гортензия, которые процветали в государстве, не знавшем вражды, возвысились, не ведая опасности, и были унесены смертью спокойной или, по крайней мере, не ускоренной роком до начала гражданских войн.

XLIX. При консулах Лентуле и Марцелле, в 703 г. от основания Рима и за семьдесят восемь лет до того, как ты, М. Виниций, вступил в консульство, вспыхнула гражданская война. Дело одного полководца казалось более справедливым другого - более надежным; (2) здесь все блистательно, там - прочно; Помпей вооружил авторитет сената, Цезаря - доверие воинов. Консулы и сенат передали высшую власть не Помпею, а его делу. (3) Ничто не было упущено Цезарем для сохранения мира, ничто не было принято помпеянами, так как один из консулов был, в самом деле, более непреклонным, Лентул же не мог быть здоровым, пока здравствовало государство [183]. Что касается М. Катона,

он твердо заявил, что предпочитает умереть прежде, чем государство примет какое-либо условие частного лица. Почтенный человек старой закалки предпочел бы партию Помпея, благоразумный последовал бы за Цезарем, и было более почетно следовать за первым, в то время как второй внушал священный трепет. (4) В конце концов все требования Цезаря были с презрением отвергнуты, так что ему оставалось довольствоваться одним легионом, оставленным под предлогом защиты провинции, и разрешалось, коль он пожелает, домогаться консульства, вступить в Рим в качестве частного лица и обратиться к голосам римского народа. Решив воевать, Цезарь с войском перешел Рубикон. Гн. Помпей, консулы и большая часть сената, оставив Рим, а затем Италию, переправились в Диррахий.

L. Что касается Цезаря, то, захватив Домиция и легионы, которые находились вместе с ним в Корфинии [184], он отпустил немедленно полководца и других, которые хотели уйти к Помпею, а сам проследовал в Брундизий, показывая таким образом, что он склонен кончить войну при сложившемся положении и с помощью переговоров, а не преследовать обратившихся в бегство; когда же он узнал о переправе консулов, (2) то вернулся в Рим и объяснил сенату и народному собранию основания своих решений и печальную необходимость взяться за оружие, поскольку другие за него взялись, и затем объявил, что отправляется в Испанию.

(3) Его поспешный поход на некоторое время приостановила Массилия, проявившая больше верности, чем благоразумия, некстати взявши на себя посредничество в столкновениях между первыми людьми, которое может позволить себе тот, кто имеет силу для обуздания непокорного. В конце концов, войско, которое в Испании возглавляли консуляр Афраний и бывший претор Петрей, перешло к Цезарю, покоренное энергией и блеском его появления [185]. Оба легата и те - из любого сословия, - кто пожелал следовать за ними, были отпущены к Помпею [186].

LI. На следующий год, когда Диррахий и прилегающая к нему область были заняты лагерем Помпея, который, вызвав из всех заморских провинций легионы, конные и пешие вспомогательные отряды, войска царей, тетрархов, равно как и династов, собрал огромное войско и стражу из кораблей, вообразив, что преградил переправу легионам Цезаря, (2) Г. Цезарь, полагаясь на свою стремительность и удачу, не встречая никаких препятствий, переправился с войском на кораблях [187], куда захотел, и, разбив сначала лагерь рядом с Помпеем, вскоре даже осадил его, возведя укрепления. Но осаждающие испытывали большую нужду, чем осажденные. (3) Тогда Бальб Корнелий с отвагой, превосходящей человеческие возможности, проник в лагерь врагов и продолжительное время вел переговоры с консулом Лентулом, который еще не решил, сколь дорого он может себя продать; так начал совершать путь к возвышению не сын гражданина из Испании, но истинный испанец: он достиг триумфа и понтификата и из частного лица сделался консуляром [188]. Затем сражения велись с переменным успехом, но одно из них было особенно благоприятно для помпеянцев, а воины Цезаря были отброшены с тяжелыми потерями.

LII. Затем Цезарь направился с войском в Фессалию, которую судьба предназначила для его победы. (2) Помпею советовали прямо противоположное: многие призывали его переправиться в Италию (клянусь Геркулесом, ничего не могло быть полезнее для его партии), другие - затянуть войну, что благодаря авторитету партии становилось бы для нее с каждым днем благоприятнее, - он по обыкновению начал стремительно преследовать врага. (3) Характер сочинения не позволяет рассказать ни о Фарсальской битве, ни о том дне, который стал самым кровавым для римского имени, ни о столкновении двух глав государства, ни о крахе одного из светочей римской державы, ни

об огромном числе павших помпеянцев. (4) Отметим следующее: как только Г. Цезарь увидел, что строй помпеянцев поколеблен, для него уже не существовало ничего более первостепенного и значительного (воспользуюсь по обыкновению военным термином), чем разослать *in partis* [189]... (5) О бессмертные боги, какой ценой заплатил этот мягкосердечный человек за свою благосклонность к Бруту! (6) Никогда еще не было победы более удивительной, величественной и славной, чем эта, когда родине не пришлось оплакивать ни одного гражданина, кроме павших на поле брани. Но дар милосердия не пошел впрок из-за упрямства: побежденные принимали жизнь с меньшей охотой, чем победитель ее дарил.

LIII. Помпей бежал с двумя консулярами Лентулами, сыном Секстом и бывшим претором Фавонием, которых судьба определила ему в спутники. Одни советовали направиться к парфянам, другие - в Африку, где он имел самого верного сторонника своего дела в лице царя Юбы. Помпей предпочел Египет: он рассчитывал на такие же благодеяния, какие прежде оказал отцу этого Птолемея, царствовавшего тогда в Александрии мальчиком, в возрасте, близком к отроческому. (2) Но кто сохраняет память о благодеяниях при неблагоприятных обстоятельствах? И кто думает о долге благодарности по отношению к терпящим бедствия? И бывает ли, чтобы со счастьем не менялась верность? (3) По совету Феодота и Ахиллы царь послал людей, чтобы встретить прибывшего Помпея (а он еще в Митилене взял на корабль в спутницы по бегству жену Корнелию); его убедили пересесть с грузового судна на их корабль, вышедший навстречу; сделав это, первый из римлян был зарезан по приказу и прихоти египетского раба в консульство Г. Цезаря и П. Сервилия. Так в самый канун дня рождения, на пятьдесят восьмом году жизни был умерщвлен после трех консульств и стольких триумфов и покорения мира благочестивейший и превосходнейший человек, вознесенный до недостижимого предела; и настолько враждебна была к этому мужу фортуна, что если прежде ему не хватало земли для побед, то теперь не хватило места для погребения.

(4) Чем иным, как не чрезмерной поспешностью можно объяснить, что в определении возраста столь значительного человека и почти нашего современника ошибаются на пять лет? Исчисление лет так просто, если начинать от консульства Г. Атилия и Кв. Сервилия. Добавил я это не для того, чтобы порицать, но чтобы не быть порицаемым.

LIV. Царь и его приближенные, под влиянием которых он находился, проявили к Цезарю не больше верности, чем к Помпею: сразу по прибытии Цезаря против него начались козни, а затем они осмелились вступить с ним в войну. Но оба великих полководца - один при жизни, другой посмертно [190] - покарали их по заслугам. (2) Телом Помпей был мертв, но повсюду жило его имя. Огромная приверженность к помпеянской партии возбудила Африканскую войну, которую разжигали Юба и Сципион, в прошлом консул, за два года до смерти Помпея ставший его тестем. (3) Их боевые силы увеличил Катон, приведший к ним легионы, несмотря на трудности из-за отсутствия дорог и населенных пунктов [191]. Этот человек, хотя воины и передали ему высшую военную власть, предпочел подчиниться тем, кто занимал более почетную должность.

LV. Верность обещанной краткости вынуждает бегло вести обо всем рассказ. Следуя своей фортуне, Цезарь отправился в Африку, которую после гибели Куриона, тогдашнего главы юлианской партии, удерживало помпеянское войско. Там он сражался сначала при переменной фортуне, потом при своей обычной и обратил врага в бегство. (2) Милосердие Цезаря к побежденным в Африке было не меньшим, чем прежде. После победы в Африканской войне Цезарю предстояла более тяжелая Испанская война (ведь победа над Фарнаком едва ли сколько-нибудь прибавила ему славы). Гн. Помпей, сын Магна, юноша, наделенный необычайно воинственным духом, разжег огромную и ужасную войну, и

отовсюду к нему, все еще следуя за великим отцовским именем, со всех концов мира стекались союзники.

(3) Цезарю в Испании сопутствовала его Фортуна, но никогда он не вступал в столь ожесточенную и опасную битву [192], исход которой был бы таким сомнительным, когда он соскочил с коня перед отступавшим строем воинов и, сначала упрекнув судьбу, что она сберегла его для этой развязки, объявил воинам, что не сделает ни шагу назад: пусть видят, какого полководца и в каком месте они собираются покинуть. (4) Больше благодаря стыду, чем доблести, был восстановлен строй, и скорее вождем, чем воинами. Гн. Помпей, найденный тяжело раненным в стороне от дорог, был умерщвлен; Лабиен и Вар пали в бою.

LVI. Цезарь, вернувшись в Рим победителем, простил - во что трудно поверить - всех, кто поднял против него оружие, и наполнил город великолепными гладиаторскими играми, зрелищами морского боя, пеших и конных сражений, а также боя слонов и многодневным всенародным пиршеством. (2) Он провел пять триумфов: убранство галльского было из лимонного дерева, понтийского - из аканфа, александрийского - из панциря черепахи, африканского - из слоновой кости, испанского - из отполированного серебра. Деньги из военной добычи несколько превысили сумму в шестьсот миллионов сестерциев.

(3) Но столь великий муж, так милостиво воспользовавшийся плодами своих побед, в мирной обстановке пробыл у власти не более пяти месяцев. Он вернулся в Рим в октябре, а в мартовские иды был убит в результате заговора, зачинщиками которого были Брут и Кассий, одного из которых он не привлек к себе обещанием консулата, Кассия же, напротив, оскорбил его отсрочкой [193]; среди же присоединившихся к заговорщикам были все самые близкие друзья, вознесенные судьбою партии Цезаря на самые высокие должности: Д. Брут, Г. Требоний и другие прославленные мужи. (4) М. Антоний, его коллега по консулату, человек, готовый на любую дерзость, возбудил к нему сильную ненависть, возложив во время Луперкалий [194] на голову Цезаря, сидевшего перед рострами, царскую корону, которую тот хотя и отверг, но так, что не показал себя оскорбленным.

LVII. События подтвердили правоту советов Пансы и Гирция, постоянно предупреждавших Цезаря, что принципат, приобретенный оружием, нужно и удерживать оружием. Повторяя, что он предпочитает умереть, нежели внушать страх, Цезарь ожидал милосердия, которое проявлял сам. Из-за собственной опрометчивости он был захвачен врасплох неблагодарными гражданами, хотя бессмертные боги и ниспослали множество предзнаменований грядущей опасности: (2) ведь и гаруспики предупреждали, чтобы он с максимальной осторожностью отнесся к дню мартовских ид, и жена его Кальпурния, напуганная ночным сновидением, умоляла, чтобы в тот день он остался дома. И были получены записки с известием о заговоре, которые он не прочитал сразу. Но поистине неотвратимая сила рока лишает рассудка тех, чью судьбу она решила изменить.

LVIII. В том году, когда Брут и Кассий совершили это злодеяние, они были преторами, а Брут - консулом-десигнатом. (2) Вместе с шайкой заговорщиков, сопровождаемые отрядом гладиаторов Д. Брута, они заняли Капитолий. Тогда консул Антоний созвал сенат (Кассий до того решил убить Антония и одновременно уничтожить завещание Цезаря, но Брут воспротивился, утверждая, что гражданам не нужно больше ничьей крови, кроме крови тирана, - так ему было угодно называть Цезаря, чтобы оправдать свои действия). (3) Тогда же Долабелла, которого Цезарь намеревался назначить консулом вместо себя, захватил фасцы и консульские инсигнии [195] и, словно поборник мира, послал своих детей заложниками в Капитолий, внушив всем убийцам Цезаря, что они могут в

безопасности спуститься. (4) И по примеру того знаменитого афинского постановления, о котором доложил Цицерон, декретом отцов-сенаторов было одобрено забвение прежних деяний [196].

LIX. Затем было вскрыто завещание Цезаря, в котором он усыновлял Г. Октавия, внука своей сестры Юлии. Следует немного сказать о его происхождении, хотя он и упредил нас в этом [197]. (2) Отец его Г. Октавий происходил хотя и не из патрицианской, но достаточно видной всаднической фамилии, - человек основательный, безупречный, честный, богатый. Он был избран претором наряду со знатнейшими людьми, занимая в списке первое место. Благодаря своему положению он женился на Атии, рожденной Юлией [198]. После этой магистратуры получил по жребию Македонию и был провозглашен там императором, оттуда направился в Рим, чтобы выставить свою кандидатуру в консулы, но умер, оставив сына, еще носящего претексту [199]. (3) Его воспитал отчим Филипп, а Г. Цезарь полюбил Октавия как собственного сына и, когда ему исполнилось восемнадцать лет, взял его с собой на войну в Испанию и впоследствии также держал при себе, и никогда не давал ему ни пользоваться другим гостеприимством, кроме своего, ни передвигаться в другой повозке и почтил его, еще мальчика, должностью понтифика. (4) И после окончания гражданских войн послал его обучаться в Аполлонию, чтобы свободными науками и искусствами развить исключительное дарование юноши, а вскоре, замыслив войну с гетами и парфянами, вознамерился сделать его своим соратником. (5) Когда Октавию сообщили об убийстве двоюродного деда, центурионы ближайших легионов обещали ему военную помощь, равно как и своих подчиненных, а Сальвидиен и Агриппа [200] убеждали не отвергать ее. Он же, спеша возвратиться в Рим, узнал в Брундизии о положении дел, убийстве и завещании. (6) Когда он приближался к Риму, ему навстречу выбежало множество друзей, а когда вступил в город, солнце над его головой засияло радугой и создано впечатление, что оно само возложило корону на голову великого мужа.

LX. Отчиму Филиппу и матери Атии не нравилось приобщение Октавия к вызывающей ненависть судьбе Цезаря, но спасительный для государства и всего круга земель рок признал его учредителем и хранителем римского имени. (2) Поэтому божественная душа презрела человеческие советы и решила, что лучше с риском добиваться возвышенного, чем в безопасности низкого, а относительно самого себя предпочла верить деду Цезарю, а не отчиму, полагая, что непозволительно считать себя недостойным того имени, достойным которого он казался Цезарю. (3) Консул Антоний сначала принял Октавия высокомерно (но это было не презрение, а страх); допустив его в Помпеевы сады, едва нашел время для беседы, а вскоре даже начал преступно возводить на Октавия обвинения, будто тот хотел его убить, что было постыдной ложью. (4) В конце концов, обнаружилась неистовая страсть консулов Антония и Долабеллы к незаконному владычеству. Антоний захватил семьсот миллионов сестерциев, оставленных Цезарем на хранение в храме Опы [201], записки Цезаря были искажены вымыслом и уступками прав гражданства [202] - всему была назначена цена, ибо консул продавал государство. Он же принял решение занять Галлию, предназначенную консулу-десигнату Д. Бруту в качестве провинции; Долабелла определил себе заморские провинции. Между столь несхожими по природе и стремящимися к разному людьми росла ненависть, и юный Г. Цезарь ежедневно подвергался козням Антония.

LXI. Государство, подавленное владычеством Антония, замерло от ужаса: у всех - негодование и горе и ни у кого силы к сопротивлению. Тогда-то Г. Цезарь, вступивший в девятнадцатый год жизни, по личному почину [203] решительно осуществил достойные восхищения великие замыслы, проявив по отношению к государству больше мужества, чем сенат. (2) Прежде всего он вызвал из Калатии, а затем из Казилина отцовских

ветеранов [204]; их примеру последовали другие, так что вскоре собралось настоящее войско. Немного спустя, когда Антоний поспешил навстречу войску, которому он приказал прибыть из заморских провинций в Брундизий, Марсов и четвертый легионы, узнавшие и о решении сената, и о столь великом даровании юноши, подняв боевые знамена, соединились с Цезарем. (3) Сенат почтил его конной статуей, а надпись, помещенная на рострах, и по сей день свидетельствует о его возрасте (на протяжении трехсот лет такая почесть не была оказана никому, кроме Л. Суллы, Гн. Помпея и Г. Цезаря). Сенат приказал Октавию в качестве пропретора совместно с консулами-десигнатами Гирцием и Пансой вести войну с Антонием. (4) Наиболее решительно он провел военные действия около Мутины - тогда ему шел двадцатый год, - освободил из окружения Д. Брута и принудил Антония позорно и в одиночку бежать из Италии. Один из консулов погиб в бою, а другой через несколько дней умер от раны [205].

LXII. Еще до того как Антоний был обращен в бегство, все почести, определенные сенатом по отношению к Цезарю, были приняты главным образом по предложению Цицерона. Но стоило отступить опасности, как симпатии переменялись и помпеянская партия воспрянула духом. (2) Бруту и Кассию были определены провинции, которые они уже заняли сами, без какого-либо имеющего законную силу постановления сената; одобрение заслужили лишь те войска, которые перешли на его сторону [206]. Все обладающие властью в заморских провинциях были отданы под контроль Брута и Кассия. (3) Действительно, М. Брут и Г. Кассий, то ли опасаясь оружия Антония, то ли притворяясь, что боятся, заверили в эдикте, что добровольно будут находиться в изгнании до тех пор, пока в государстве не наступит мир, и что им достаточно понимания правильности их поступков. Они покинули Рим и Италию в согласии друг с другом, без официального одобрения незамедлительно вступили в управление провинциями и в командование войском и даже - под тем предлогом, будто где они, там и республика, - с согласия квесторов приняли деньги, которые те переправляли из заморских провинций в Рим. (4) Все это было скреплено и одобрено постановлениями сената (в том числе триумф Брута - за то, что тот остался в живых благодаря чужому благодеянию). Что же касается останков Пансы и Гиртия, то они были почтены погребением за счет государства. (5) О Цезаре не было никакого упоминания до такой степени, что послы, отправленные к его войску, получили приказание обращаться к воинам лишь после того, как он будет удален. Войско не было столь неблагодарно, как сенат, и, хотя Цезарь перенес эту несправедливость, не подав виду, воины отказались выслушивать какие бы то ни было распоряжения в отсутствие своего полководца. (6) Это было еще в то время, когда Цицерон, верный помпеянской партии, полагал, что Цезарь достоин похвалы и вознесения [207], говоря одно, но желая, чтобы подразумевалось другое.

LXIII. Тем временем М. Антоний, как беглец, переправившись через Альпы, сперва потерпел поражение в переговорах с М. Лепидом, который обманным путем был избран великим понтификом вместо Г. Цезаря и, хотя ему была назначена провинция Испания, еще задерживался в Галлии. Но вскоре, часто находясь на виду у воинов, - ведь любой полководец был лучше Лепида, а Антоний, пока был трезв, лучше многих, - был пропущен воинами через скрытый вал в тыльной части лагеря и принят ими. Он уступил Лепиду титул императора, но имел в своих руках всю полноту власти. (2) В момент вступления Антония в лагерь Ювенций Латеренс [208], человек последовательный как в жизни, так и в ее завершении, настоятельнейшим образом советовал Лепиду не связываться с Антонием, который был объявлен врагом, но видя безуспешность своих советов, пронзил себя мечом. (3) Затем передали свои войска Антонию Планк [209] и Азиний Поллион [210]. Планк, отличавшийся вероломством, долго боролся с самим собой, мучаясь сомнениями, к какой партии примкнуть: то был пособником консула-десигната Д. Брута, своего коллеги, то писал письма, пытаясь продаться сенату, а потом

предал и его. Азиний Поллион, напротив, был тверд в намерениях, верен юлианцам и враждебен помпеянкам.

LXIV. Д. Брут, сначала покинутый Планком, а затем преследуемый его интригами, постепенно терял свое войско, бежал и в доме своего приятеля, знатного человека по имени Камел [211], был зарезан теми, кого послал Антоний [212]: это было справедливейшее наказание, которое он заслужил за действия против Г. Цезаря. (2) Будучи первым из всех его друзей, он стал его погубителем и на благодарения, из которых извлекал выгоду, ответил ненавистью, полагая, что справедливо удержать то, что он получил от Цезаря, самого же Цезаря погубить. (3) Это было то время, когда М. Туллий выжигал вечное клеймо на памяти об Антонии многочисленными обвинительными речами; но он - блистательными небесными устами, а трибун Канутий терзал Антония с яростью пса [213]. (4) Обоим защита свободы стоила жизни. Но кровью трибуна проскрипции начались, кровью Цицерона, поскольку Антоний как бы насытился, почти завершили. Впоследствии Лепида, как до него Антония, сенат объявил врагом.

LXV. Тогда между Лепидом, Цезарем и Антонием возникла переписка и умы склонились к соглашению. Антоний то и дело напоминал Цезарю, насколько ему была враждебна помпеянская партия, какого высокого положения она достигла и с какой страстью Цицерон восхвалял Брута и Кассия. Он уведомил, что соединит свои силы с Брутом и Кассием, во власти которых уже находились семнадцать легионов, если Цезарь откажется от соглашения с ним, и говорил, что Цезарь больше должен мстить за своего отца, чем он сам за друга. (2) Так начался союз во имя власти [214]. По просьбе войск Антоний и Цезарь даже установили родственные отношения, - за Цезаря была просватана падчерица Антония. Цезарь вступил в консульство вместе с коллегой Кв. Педием накануне своего двадцатилетия, в десятый день до сентябрьских календ, в семьсот девятом году от основания Рима, за семьдесят два года до того, как ты, М. Виниций, вступил в консульство. (3) В этот год Вентидий соединил претуру с консульством. Некогда он был проведен по Риму во время триумфа среди пиценских пленников. Впоследствии он стал также триумфатором [215].

LXVI. Затем вспыхнуло неистовство Антония, равно как и Лепида, объявленных, как было сказано выше, врагами. Они оба предпочитали возглашать о том, что претерпели, чем о том, чего удостоились. Несмотря на тщетное противодействие Цезаря, - одного против двоих, - возобновилось зло, пример которому дал Сулла, - проскрипции. (2) Ничто в это время не было недостойнее того, что и Цезарь был вынужден кое-кого проскрибировать и кем-то был проскрибирован Цицерон. Преступление Антония заставило умолкнуть народный глас: никто не защитил жизнь того, кто на протяжении стольких лет защищал в общественной сфере - государство, а в частной - граждан. (3) Но все это напрасно, Марк Антоний, - негодование, вырывающееся из глубины души и сердца, вынуждает меня выйти за установленные мною рамки труда, - напрасно, - говорю я, - и то, что ты назначил плату за божественные уста, и то, что ты отсек голову знаменитейшего человека, и то, что подстрекал к убийству того, кто спас государство и был столь великим консулом. (4) Ты лишь похитил у Цицерона дни, которые он провел бы в беспокойстве, старческий возраст и жизнь при тебе, принцепсе, более печальную, чем смерть при тебе, триумвире. Ведь честь и славу его дел и слов ты не только не отнял, но, напротив, приумножил. (5) Он живет и будет жить вечно в памяти всех веков, пока пребудет нетронутым это мироздание, возникшее то ли случайно, то ли по провидению, то ли каким-то иным путем, мироздание, которое он, чуть ли не единственный из всех римлян, объял умом, охватил гением, осветил красноречием. И станет слава Цицерона спутницей своего века, и потомство будет восхищаться тем, что он написал против тебя, и

возмущаться тем, что ты совершил против него, и скорее исчезнет в мире род человеческий, чем [его имя].

LXVII. Участь всего этого времени никто не смог достойно оплакать, тем более никто не смог выразить словами. Однако примечательно следующее: наивысшей к проскрибированным была верность у жен, средняя - у отпущенников, кое-какая - у рабов, никакой - у сыновей. Настолько трудно людям медлить с осуществлением надежд! (2) Чтобы ни у кого не оставалось ничего святого, словно подстрекая к преступлению, Антоний проскрибировал своего дядю Л. Цезаря, а Лепид - брата Павла. И у Планка не было недостатка в дружеских связях, чтобы выпросить включение в проскрипционный список собственного брата Планка Плоция. Вот почему среди других насмешливых песен воинов, сопровождавших триумфальную колесницу Лепида и Планка, среди выкриков сограждан распевали и такой стишок: «Над германцами, не над галлами триумф двух консулов» [216].

LXVIII. Следует вернуться к тому, что было в свое время опущено; ведь сам человек не позволяет оставить в тени совершенное им [217]. В то время как Цезарь бился за верховную власть в жарком и жестоком [217] Фарсальском сражении, Целий Руф, человек, очень напоминающий по красноречию и мужеству Куриона, но в том и другом достигший большего совершенства и не менее изощренный негодяй, будучи к тому же не в состоянии довольствоваться своим умеренным [положением] ведь его имущество уступало уму, - (2) во время претуры выступил инициатором отмены долгов, и ни сенат, ни авторитет консулов [218] его не остановили. Призвав даже Анния Милона, который был враждебен юлианской партии, поскольку не добился от нее возвращения, он возбудил в городе мятеж, а в сельской местности - открытые военные столкновения; сначала он был отстранен от государственных дел, а затем по предложению сената разбит у Фурий консульской армией [219]. (3) При аналогичном предприятия сходной оказалась судьба Милона: он был сражен камнем во время осады Компсы [220] в земле гирпинов. Так этот неумный и храбрый до безрассудства человек понес наказание и за П. Клодия, и за отечество, куда стремился вернуться при помощи оружия.

(4) Поскольку я стремлюсь восполнить кое-что из пропущенного, следует отметить, что народные трибуны Эпидий Марулл и Цезетий Флав проявили по отношению к Г. Цезарю неумеренную и неуместную вольность: изобличая его в стремлении к царской власти, они сами едва не применили силу единовластия. (5) Ответом на это был гнев раздраженного главы государства. Но он все-таки предпочел прибегнуть к цензорскому замечанию [221], чем отстранить их от дел диктаторским распоряжением. Цезарь утверждал, что его характер - несчастье, из-за которого следовало бы или отойти от власти, или уменьшить ее [222]. Но следует вернуться к предшествующему.

LXIX. Уже тогда Долабелла убил в Азии своего предшественника консуляра Требония, обманом захватив его в Смирне. Требоний возвысился до консульства благодаря Цезарю, он оплатил за благодеяния высшей степенью неблагодарности, приняв участие в его убийстве. (2) А Г. Кассий, получив от бывших преторов и полководцев Стация Мурка и Криспа Марция боеспособные легионы, окружил Долабеллу, прибывшего в Сирию после захвата Азии, занял город Лаодикею и там лишил его жизни - Долабелла сам, без промедления, подставил своему рабу шею для удара. Под командованием Кассия в это время было десять легионов. М. Брут добился семи легионов, которые добровольно перешли к нему от Г. Антония, (3) брата М. Антония, в Македонии и от Ватиния около Диррахия. Но над Антонием он одержал верх в войне, а Ватиния подавил авторитетом. Создавалось впечатление, что никого из полководцев нельзя поставить выше Брута и никого - ниже Ватиния: (4) внешнее уродство до такой степени состязалось в нем с

непристойностью нрава, будто его душа была заключена в самое подходящее вместилище [223]. (5) Тем временем по закону Педия, который предложил консул Педий, коллега Цезаря, все убийцы Цезаря-отца приговаривались к лишению огня и воды. В это время Капитон, мой дядя по отцу, принадлежавший к сенаторскому сословию, подписал обвинение Агриппы против Г. Кассия. (6) Пока все это происходило в Италии, Г. Кассий в результате жестокой, но вполне успешной войны занял Родос - предприятие исключительной трудности, а Брут победил ликийцев, и затем оба переправили свои войска в Македонию. Тогда в противовес собственной натуре Кассий превзошел даже милосердие Брута. И трудно разобраться, кому больше, чем им сопутствовала фортуна и кого она, как бы утомившись, покинула быстрее, чем Брута и Кассия.

LXX. Тогда Цезарь и Антоний перебросили свои войска в Македонию и у города Филиппы встретились в открытом бою с Брутом и Кассием. Фланг, которым командовал Брут, отбив врагов, занял лагерь Цезаря (ведь сам Цезарь, хотя и был очень слаб после болезни, взял на себя командование; не оставаться в лагере его умолял даже врач Арторий [224], напуганный грозным сновидением). Фланг, возглавлявшийся Кассием, был обращен в бегство, рассеян и отступил на возвышенное место. (2) Тогда Кассий, судя по своей участи, решил, что таков же исход и у товарища. Он приказал ветерану разведать, какова численность и сила войска, устремившегося ему навстречу. Ветеран запоздал, и, когда войско приблизилось (а из-за пыли нельзя было рассмотреть ни лиц, ни знамен), Кассий решил, что это прорвались враги, закутал голову плащом и бестрепетно подставил ее вольноотпущеннику. (3) Голова Кассия упала, и тут появился ветеран с известием о победе Брута [225]. Увидев распростертого полководца, воин сказал: «Я последую за тем, кого убила моя задержка» - и налег на меч. (4) Спустя несколько дней Брут столкнулся с врагами и, потерпев поражение, в ночь после бегства поднялся на холм и обратился с мольбой к своему другу Стратону из Эг, чтобы тот помог идущему на смерть. Закинув за голову левую руку, он правой придвинул острие его меча к груди, к тому месту, где бьется сердце, толкнул его и тут же, пронзив себя одним ударом, испустил дух.

LXXI. Блистательный юноша (Корвин) Мессала [226] пользовался в упомянутом лагере Брута и Кассия почти тем же авторитетом, что и они. И хотя не было недостатка в людях, которые бы выдвинули его на роль главнокомандующего (с целью продолжения войны), он предпочел обрести спасение по милости Цезаря и больше не испытывать судьбу в сомнительной надежде на оружие. В самом деле, как среди побед Цезаря не было более радостной, чем спасение Корвина, так не было и более выдающегося примера человеческой благодарности, верности и почтительности, чем тот, который явил Корвин по отношению к Цезарю. Ни в одну из войн не пролилось столько крови знаменитых людей, как в эту. Тогда пал сын Катона. (2) Та же участь постигла Лукулла и Гортензия, сыновей выдающихся граждан. А Варрон [227] перед смертью в насмешку над Антонием с огромным бесстрашием верно предказал ему достойный его конец. Друз Ливий, отец Юлии Августы [228], и Квинтилий Вар не стали испытывать милосердие врага. Один из них покончил с собой в лагерьной палатке, Вар же при всех знаках отличия принял смерть от руки вольноотпущенника, которого сам к этому принудил.

LXXII. Судьба пожелала, чтобы таким был конец Брута на тридцать седьмом году его жизни, безупречного духом до того дня, когда единственный опрометчивый поступок лишил его всех доблестей. (2) Кассий был лучше как военачальник, Брут - как человек, из чего следует, что Брута предпочтительнее было иметь среди друзей, Кассия - бояться как врага. В одном было больше силы, в другом доблести. Если бы они победили, большим благом для государства был бы Брут, нежели Кассий, равно как главою государства лучше иметь Цезаря, а не Антония. (3) Гн. Домиций (отец Л. Домиция, человека благородной, возвышенной честности, которого совсем недавно мы еще могли лицезреть, и дед нашего

знаменитого молодого Гн. Домиция) [229] вместе с большим числом последователей, разделявших его планы, оставшись единственным предводителем, захватил корабли и стал искать спасения в бегстве. (4) Стаций Мурк [230], который благодаря своему флоту и морским постам господствовал на море, вместе со всей доверенной ему частью войска и кораблями направился к Секту Помпею, сыну Гн. Магна, который, возвращаясь из Испании, захватил Сицилию. К нему из лагеря Брута, Италии и других стран стекались проскрибированные, которых судьба оградила от опасности, им угрожавшей. Обездоленным подходил любой предводитель, ведь судьба не предоставила выбора, но указала убежище, а тем, кто бежит от бури, и якорная стоянка кажется гаванью.

LXXIII. Юноша этот - в науках невежда, варвар в спорах, в натиске скорый, в решеньях поспешный, в дружбе неверный, - в этом пропасть между отцом и сыном, - либертин своих либертинов, раб своих рабов, завидуя высшим, угождал низшим. (2) Сенат, который тогда почти весь состоял из помпеянцев (после того как Антоний бежал из-под Мутины, а Кассию и Брута были поручены заморские провинции), отозвал его из Испании, где Азиний Поллион после претуры вел против него успешные военные действия, восстановил его права на отцовское имущество и поставил во главе морского побережья. (3) Тогда он, как было сказано, захватил Сицилию и, приняв в число своих воинов рабов и перебежчиков, набрал значительное число легионов. С помощью отцовских либертинов Мены [231] и Менекрата [232], командующих флотилиями, он навел страх морскими грабежами и разбоями и стал пользоваться награбленным для содержания себя и своего войска. И он не стеснялся пиратскими злодеяниями нарушать спокойствие на море, которое было освобождено от них оружием и военным искусством отца!

LXXIV. После того как была сломлена партия Брута и Кассия, остался Антоний, чтобы отправиться в заморские провинции. Цезарь вернулся в Италию, найдя ее более мятежной, чем предполагал. (2) Ибо консул Л. Антоний, наделенный пороками своего брата, но лишенный доблестей, которые подчас проявлялись в Марке, набрал большое войско, обвиняя Цезаря перед ветеранами и призвав к оружию тех, кто лишился земли при распределении участков после основания колоний. С другой стороны, жена Антония Фульвия, в которой не было ничего женского, кроме тела, добавила ко всему этому вооруженный мятеж [233]. (3) Она избрала местом для войны Пренесте. Антоний, повсеместно разбитый силами Цезаря, ушел в Перузию. Планк, пособник Антония, более внушал Антонию надежду на помощь, чем ее оказывал. Перузия была захвачена благодаря доблести и воинской удаче Цезаря. Антония он безнаказанно отпустил. Жестокость по отношению к перузинцам объясняется скорее гневом воинов, чем волей полководца [234]. Город был подожжен. Поджигателем оказался первый из жителей этого места по имени Македоник, который поджег свой дом и свое добро, пронзил себя мечом и бросился в огонь [235].

LXXV. В то же самое время вспыхнула война в Кампании. Ее разжег Тиберий Клавдий Нерон (понтифик, в прошлом претор, отец Тиберия Цезаря, человек великого ума и учености), который обещал свое покровительство тем, кто потерял землю [236]. С прибытием Цезаря и эта война была погребена и рассеяна.

(2) Кого может удивить переменчивость судьбы и превратность дел человеческих? Кто может надеяться на обладание противоположным тому, что он имеет? Кто не боится обратного тому, что он ожидает? (3) Ливия, дочь знатного и мужественного человека Друза Клавдиана, по происхождению, честности и красоте первая из римлянок (ее мы впоследствии увидели супругою Августа, а после причисления Августа к богам - его жрицей и дочерью [237]), бежала тогда от оружия Цезаря, своего будущего супруга, с будущим сыном Цезаря Тиберием Цезарем на руках, двух лет от роду, будущей опорой

империи, и, спасаясь от солдатских мечей, с единственным спутником, чтобы надежнее скрыть бегство, по бездорожью достигла моря и была переправлена в Сицилию [238].

LXXVI. Свидетельство, которое я привел бы о чужом, не утаю в отношении своего деда. Гай Веллей был поставлен Гн. Помпеем на почетнейшее место среди знаменитых трехсот шестидесяти судей [239]. Он же был поставлен префектом вспомогательного отряда ремесленников у М. Брута и Тиб. Верона и вообще был человеком, никому не уступавшим по своему положению. Когда в Кампании Нерон, к числу сторонников которого он принадлежал благодаря исключительной дружбе, покинул Неаполь, мой дед, не имея возможности его сопровождать, пронзил себя мечом. (2) Без каких-либо препятствий со стороны Цезаря Фульвия покинула Италию. Спутником бежавшей женщины был Планк. Азиний Поллион, удерживавший во власти Антония область венетов и совершивший много замечательных дел близ Альтина и других городов этой области, перешел с семью легионами к Антонию. Он вовлек в свои планы и, дав гарантии верности, соединил с Антонием все еще колеблющегося Домиция [240], который, как было сказано выше, после смерти Брута покинул его лагерь, взяв на себя командование флотом. (3) Кто справедливо об этом рассудит, поймет, что услуга Антония Поллиону была не большей той, которую Поллион оказал Антонию. Последовавшая за этим высадка Антония в Италии, приготовления Цезаря против него, - все это вызвало опасность новой войны; но около Брундизия был заключен мир. (4) В это время были раскрыты преступные планы Сальвидиена Руфа. Этот человек, начавший с малого из-за темного происхождения, достиг высшего: сделался первым во всадническом сословии после Гн. Помпея и самого Цезаря, был избран консулом, но настолько вознесся, что смотрел свысока на Цезаря и государство [241].

LXXVII. Затем по единодушному и настоятельному требованию народа, которому стала невыносима высокая цена на хлеб вследствие пиратских нападений, около Мизен был заключен мир с Секстом Помпеем [242]. Помпей пригласил на свой корабль Цезаря и Антония и очень кстати заметил, что дает обед «на киле», намекая этим на название места, где стоял дом его отца, которым завладел Антоний.

(2) Согласно этому мирному договору Помпею уступались Сицилия и Ахайя, чем, однако, его беспокойный дух не мог удовлетвориться. Единственная польза, которую принес приход Помпея состояла в том, что отечеству были возвращены и получили личную безопасность все проскрибированные и иные бежавшие к нему по разным причинам. (3) Тем самым государству были возвращены, наряду с другими прославленными мужами, Нерон Клавдий, М. Силан [243], Сентий Сатурнин [244], Аррунтий [245] и Титий [246]. Стаций же Мурк, который прибыл к Помпею с прекраснейшим флотом и этим удвоил его силы, стал жертвою ложных обвинений - Мена и Менекрат испытывали отвращение к такому товарищу по должности. Он был убит Помпеем в Сицилии [247].

LXXVIII. В это время М. Антоний женился на сестре Цезаря Октавии. Помпей возвратился в Сицилию, а Антоний - в заморские провинции. Там поднял мятеж Лабиен: он бежал из лагеря Брута к парфянам, привел их войско в Сирию и убил легата Антония. Благодаря мужеству и военному искусству Вентидия мятеж Лабиена был подавлен, а вместе с ним побеждено войско парфян и знаменитый царский сын юноша Пакор. (2) Между тем Цезарь, опасаясь, как бы бездеятельность - состояние, опасное для дисциплины, - не испортила воинов, в Иллирии и Далмации готовил армию к тяготам войны, закалял ее частыми походами и учениями. (3) Тогда же и Кальвин Домиций, управлявший после своего консульства Испанией, показал пример строгости, сопоставимой с древними образцами: он забил палками центуриона примипилов по имени Вибиллий за позорное бегство в бою.

LXXIX. Поскольку день ото дня росла слава и увеличивался флот Помпея, Цезарь решил взять на себя бремя войны. Постройка кораблей, набор воинов и гребцов, морские маневры и учения были поручены М. Агриппе, человеку благороднейшей доблести, энергичному, непревзойденному в трудах и опасностях, умевшему повиноваться, но только одному, остальными же страстно желавшему повелевать; он ни в чем не терпел отсрочек, и дела его не расходились с решениями. (2) На Авернском [248] и Лукринском озерах он построил замечательный флот, а затем в результате ежедневных упражнений добился от воинов и гребцов самой высокой степени владения военным и морским делом. Обладая таким флотом, Цезарь объявил войну Помпею в Сицилии. Но сначала он при благоприятных предзнаменованиях для государства женился на Ливии, которая прежде была замужем за Нероном. (3) Но фортуна нанесла тяжкий удар тому, кого не могли победить человеческие силы: около Велии и Палинура большая часть флота потерпела крушение и была рассеяна африканским ураганом. Из-за этого возник перерыв в войне, которая впоследствии велась с ненадежным, а иногда и с переменным успехом. (4) Флот был вторично разбросан бурей в том же самом месте; и насколько благоприятным было первое морское сражение у Мил под командованием Агриппы, настолько же тяжким оказалось поражение у Тавромения. Оно произошло на глазах у самого Цезаря в результате непредвиденного появления флота Помпея. Сам Цезарь был недалеко от опасности. Легионы под командованием Корнифиция, легата Цезаря, высадились на сушу и были почти разгромлены Помпеем. (5) Но исход критического момента был вовремя исправлен доблестью. Между сторонами завязалось морское сражение: Помпей лишился почти всех кораблей и бежал в Азию. В смятении он добивался помощи М. Антония, то проявляя достоинство полководца, то как проситель умоляя о спасении жизни. По приказу Антония он был умерщвлен Титием. (6) Этим преступлением последний вызвал к себе такую ненависть народа, что был проклят и изгнан из театра Помпея, когда устраивал там зрелище.

LXXX. Ведя войну против Помпея, Цезарь вызвал из Африки Лепида с двенадцатью неполными легионами. Это был человек в высшей степени тщеславный, лишенный мужества, но незаслуженно долго пользовавшийся милостью фортуны [249]. Находясь поблизости, он присоединил к себе войско Помпея, хотя оно предпочитало власть и покровительство Цезаря. (2) Раздув число легионов более, чем до двадцати, он долгое время был всего лишь попутчиком чужой победы. Он неистово противодействовал планам Цезаря, постоянно говорил то, что не нравилось другим, приписывал себе победу и даже осмеливался требовать от Цезаря, чтобы тот оставил Сицилию. (3) Ни Сципионы, ни другие римские полководцы не совершали столь дерзновенных поступков, как тогда Цезарь. Безоружный, в плаще, не имея ничего, кроме имени, Цезарь вошел в лагерь Лепида, избежав дротиков, брошенных в него по приказу этого негодея, - а его плащ был даже продырявлен копьем, и отважно схватил легионного орла. (4) Да будет известна разница между полководцами: вооруженные последовали за безоружным. После десяти лет недостойной власти Лепид, покинутый воинами и удачей, скрывшись в толпе людей, под конец нахлынувших к Цезарю, в черном плаще бросился к его коленам. Ему была оставлена жизнь и право на имущество, но он лишился достоинства, которое не сумел сберечь.

LXXXI. Затем внезапно возник мятеж в войске. Обычно увеличиваясь численно, оно теряет военную дисциплину, поскольку осознает, что, становясь многочисленнее, может достичь силой того, чего не могло добиться просьбами. Мятеж был подавлен отчасти суровыми мерами, отчасти щедростью принцепса. (2) В это же время внушительный прирост получили земли кампанской колонии... которые оставались государственными [250]. Вместо этого на острове Крите ей дали очень плодородную землю, доход от которой составлял двенадцать миллионов сестерциев, и обещано [251] пользование водой,

которая и до нынешнего дня исключительным образом способствует благотворности [климата колонии] и составляет элемент привлекательности.

(3) Во время этой войны Агриппа за особую доблесть был награжден венком, которого еще не получал ни один из римлян [252]. Затем Цезарь вернулся в Рим как победитель и объявил, что он предназначает для общественных нужд многочисленные дома, приобретенные через прокураторов, и обещает соорудить храм Аполлона с портиками вокруг него, что и было им осуществлено с беспримерной роскошью.

LXXXII. В то время как Цезарь воевал с таким успехом в Сицилии, фортуна на стороне Цезаря и государства воевала на Востоке [253]. Ведь Антоний с тринадцатью легионами двинулся в Армению, а затем в Мидию, направляясь через эти земли на парфян, навстречу их царю. (2) Сначала он потерял два легиона вместе с обозом, осадными орудиями и легатом Статианом [254], при этом с великой опасностью для войска он часто попадал в такое критическое положение, что терял надежду на спасение, и, когда он лишился не менее четверти воинов, его спас советом и верностью некий пленник (однако римлянин родом). Этот человек попал в плен во время поражения войска Красса, но с изменением его положения не изменился его дух: он пробрался ночью к римскому караулу и предупредил, чтобы вместо намеченного пути римляне пробирались другим, через лес. (3) Это оказалось спасением для Антония и стольких его легионов. Но, как мы сказали выше, была потеряна четвертая часть воинов, третья часть обозных служителей, а от обозов едва ли что осталось. Но поскольку Антоний ушел живым, он назвал свое бегство победой. Вернувшись через два года в Армению, он хитростью захватил царя Артавазда, но, чтобы не лишать его почестей, заковал в золото [255].

(4) Между тем продолжал разгораться пожар любви к Клеопатре и вместе с ним пороки, которые всегда питаются возможностями произвола, лестью, могуществом, и он принял решение начать войну с родиной. А до этого приказывал называть себя новым Отцом Либером и разъезжал по Александрии подобно Отцу Либеру, обвитый плющом, в золотой короне, с тирсом в руках, обутый в котурны.

LXXXIII. Во время подготовки к этой войне к Цезарю перебежал Планк. Не в результате правильного выбора, не из-за любви к Риму или к Цезарю, - с ними он постоянно боролся, - а словно по болезненному влечению к предательству. Он был то самым низким льстецом царицы и прислужником ниже ее рабов, то переписчиком у Антония, то его вдохновителем и сподручным в непристойнейших делах, (2) продажный во всем и по отношению ко всем. Во время пиров он изображал Главка [256]: красился в синий цвет, обнажался, увенчивал голову тростником, волочил хвост и прыгал на коленях. Когда Антоний к нему охладел, уличив его в откровенном грабеже, он перебежал к Цезарю и впоследствии объяснил милость победителя своим мужеством, уверяя, будто Цезарь одобрил то, что на самом деле простил. Вскоре примеру дяди последовал Титий [257]. Когда новый перебежчик Планк через некоторое время стал за глаза обвинять в сенате Антония во многих нечестных делах, тесть П. Силия Копоний [258], самый влиятельный из бывших преторов, удачно заметил: «Много же, клянусь Геркулесом, натворил Антоний до того, как ты его покинул!».

LXXXIV. Затем в консульство Цезаря и Мессалы Корвина война завершилась при Акции [259]. Но победа цезарианцев была предрешена задолго до сражения. На их стороне и воины, и полководец были полны сил, на другой - все обессилено. Здесь гребцы надежные, там - ослабленные лишениями, здесь корабли умеренных размеров, не мешающих скорости, там - ужасающего вида. Оттуда ежедневно кто-нибудь перебежал к Цезарю, отсюда к Антонию - никто. (2) Царь Аминта [260] устремился к большей пользе и

выгоде, верный своему обыкновению Деиллий [261] переметнулся от Антония к Цезарю, подобно тому как от Долабеллы к Кассию, а от Кассия к Антонию. Всем известный Гн. Домиций [262], единственный из окружения Антония, кто обращался к царице только по имени, с великим риском перешел к Цезарю. И, наконец, на виду у флота Антония М. Агриппа завоевал Левкадию, захватил Петры, взял Коринф. Вражеский флот был дважды побежден еще до того, как произошло последнее сражение.

LXXXV. Наконец, наступил величайший решительный день, когда Цезарь и Антоний, выставив корабли, сражались один - ради спасения мира, другой - ради его гибели. (2) Правый фланг цезарианского флота был поручен М. Лурию [263], левый - Аррунтию [264], общее руководство морским боем - Агриппе. Цезарю предназначалось быть на том участке, куда призывает фортуна, и он появлялся везде. Командование флотом Антония было поручено Публиколе [265] и Сосию [266]. Что касается сухопутных войск, у Цезаря ими командовал Тавр [267], у Антония - Канидий [268]. (3) Когда началось сражение, на одной стороне было все: военачальник, гребцы, воины, на другой - никого, кроме воинов. Сначала обратилась в бегство Клеопатра. Антоний предпочел быть спутником бежавшей царицы, чем оставаться со сражавшимися воинами; и военачальник, долгом которого было карать беглецов, сам оказался беглецом из собственного войска. (4) Даже оставшись без главы, воины Антония надолго сохранили стойкость и способность сражаться: отчаявшись в победе, они бились насмерть. Цезарь, пытаясь унять тех, кого мог уничтожить оружием, взывал и показывал: «Антоний бежал!» и спрашивал их: «За кого и против кого сражаетесь?» (5) И те, кто долго сражался в отсутствие военачальника, с болью сложили оружие и уступили победу; Цезарь обещал им жизнь и прощение прежде, чем они убедились в необходимости об этом умолять. Несомненно, что воины выполнили долг, как наилучший военачальник, а военачальник уподобился самому трусливому воину. Кто усомнится, по своей ли воле Антоний стремился к победе или под влиянием Клеопатры, если он обратился в бегство по ее примеру. Так же поступило войско, находившееся на суше, когда Канидий стремительно бежал, чтобы соединиться с Антонием.

LXXXVI. Кто бы осмелился в столь ограниченном размерах изложить, каковы были последствия этого знаменитого для всего мира дня и какие изменения произошли в положении и судьбе государства! (2) Победа поистине была самой милосердной! Никто не был уничтожен, если не считать очень немногих, которые даже не попытались просить за себя. По этой сдержанности военачальника можно заключить, как умеренно, если бы только это было возможно, предполагал он воспользоваться своей победой, будь то в самом начале триумvirата или при Филиппах. Что касается Сосия, то он был спасен преданностью Л. Аррунтия, человека прославленной старинной надежности, а затем благодаря Цезарю, с великодушием которого он столь долго боролся. (3) Нельзя обойти молчанием достопамятные действия и высказывания Азиния Поллиона [269]. После мирного договора в Брундизии он остался в Италии, никогда не видел царицу и с тех пор, как Антоний был расслаблен любовью к ней, не имел никакого отношения к его партии. Цезарь попросил его отправиться вместе с ним на Актийскую войну. Он ему ответил: «Услуги, оказанные мною Антонию, слишком велики, а его благоволение ко мне слишком известно. Поэтому я уклонюсь от вашего спора и лучше буду добычей победителя».

LXXXVII. В следующем году, преследуя царицу и Антония до Александрии, Цезарь завершил там гражданские войны. Антоний без промедления покончил с собой и своей смертью искупил многочисленные обвинения в бездейственности; что касается Клеопатры, то ей удалось обмануть стражей: принесли змею, от укуса которой, свободная от женского страха, она испустила дух. (2) Достойными Цезаря оказались его счастье и великодушие:

никто из тех, кто выступал против него с оружием, не был убит ни им самим, ни по его приказу. Д. Брута погубила жестокость Антония. Секта Помпея, побежденного Цезарем, лишил жизни тот же Антоний, хотя дал гарантии сохранить ему жизнь и достоинство. (3) Брут и Кассий приняли добровольно смерть до того, как познали характер победителей. О том, каков был конец Антония и Клеопатры, мы рассказали. Канидий ушел более трусливо, чем подобало при занятии, которому он посвятил жизнь. Последним из убийц Цезаря был казнен Кассий Пармский, а Требоний пал первым [270].

LXXXVIII. Пока Цезарь завершал Актийскую и Александрийскую войны, М. Лепид (сын того Лепида, который был членом триумvirата по государственному устройству, и Юнии, сестры Брута), юноша выдающийся скорее по внешности, чем по уму, возымел намерение убить Цезаря тотчас по его возвращении в Рим. (2) Охрана Рима была тогда поручена Меценату, человеку всаднического, но блестящего рода [271], недремлющему, когда дела требовали бодрствования, предусмотрительному и знающему толк в деле, - пока он был занят делом, поистине не могло быть никаких упущений, - но, предаваясь праздности, он был изнеженнее женщины. Он был не менее дорог Цезарю, чем Агриппа, но менее отмечен почестями, потому что был почти удовлетворен узкой каймой, - мог бы достичь не меньшего, но не стремился. (3) Притворяясь совершенно спокойным, он тайно выведал планы безрассудного юноши и, без каких-либо тревог для государства и для граждан подвергнув Лепида аресту, погасил новую и ужасную войну, которую тот пытался разжечь. И тот, кто имел преступные намерения, понес наказание. Можно сравнить упомянутую выше супругу Антистия с женою Лепида Сервилией [272], проглотившей пылающие угли и преждевременной смертью обессмертившей свое имя.

LXXXIX. Невозможно достойным образом передать даже в труде нормальных размеров, не говоря уже об этом, столь урезанном, каким было скопление народа, каким одобрением людей различного положения и возраста был встречен Цезарь, вернувшийся в Италию, а также в Рим, и сколь великолепно были его триумфы и зрелища! (2) Нет ничего такого, что люди могли бы вымолить у богов, а боги могли бы предоставить людям, ничего из того, что можно было бы пожелать, и того, что завершалось бы счастьем, чего Август по возвращении в Рим не предоставил государству, римскому народу и всему миру. (3) По прошествии двадцати лет были завершены гражданские войны и похоронены внешние, восстановлен мир, повсеместно усыплен страх перед оружием, законам возвращена сила, судам - их авторитет, сенату - величие, магистратам - власть и старинный порядок полномочий (4) (только лишь к восьми преторам добавлены еще два). Была восстановлена старинная и древняя государственная форма и вернулись на поля земледелие, к святыням - почет, к людям - безопасность и к каждому - надежное владение своей собственностью, с пользой исправлены законы, целесообразно дополнены новые, сенат составлен не с беспощадной суровостью, но не без строгости. Туда по одобрению принцепса и на благо государству были введены выдающиеся люди, отмеченные триумфами и высшим почетом. (5) Только уступив упорным настояниям, Цезарь занимал должность консула одиннадцать раз подряд, но диктатуру, которую ему упорно предлагал народ, он отвергал с таким же постоянством. (6) Войны, которые победоносно велись императором, покорили весь мир, и все его деяния, совершенные за пределами Италии и Рима, утомили бы писателя, который посвятил бы всю свою жизнь этому единственному труду, мы же, согласно нашему обещанию, даем образ его правления в общих чертах.

XC. После того как были, как уже говорилось, окончательно погребены гражданские войны и начали срастаться члены государственного организма, которые так долго раздирались бесконечными вооруженными столкновениями, он позаботился о внешних войнах [273]. Далматия, бывшая мятежной на протяжении двухсот двадцати лет, была усмирена вплоть до признания ею нашего владычества. Были полностью приручены

Альпы с их дикими и жестокими народами. Испании были усмирены с большим колебанием военного счастья сначала при непосредственном участии Цезаря, а затем Агриппой, которого дружба с принцепсом возвысила до третьего консульства, а вскоре до власти трибуна. (2) В эти провинции были посланы первые войска во главе с Гн. Сципионом, дядей Африкана, в консульство Сципиона и Семпрония Лонга, двести пятьдесят лет назад, в первый год Второй Пунической войны. В течение двухсот лет здесь было пролито много крови с обеих сторон, римский народ терял войска вместе с военачальниками, так что результатом этих войн был позор, а иногда и грозная опасность нашему владычеству. (3) Именно эти провинции погубили Сципионов. Они же явились суровым испытанием для наших предков во время позорной двадцатилетней войны под командованием Вириата; это они потрясли римский народ ужасом Нумантийской войны; именно там был заключен позорный договор Кв. Помпея и еще более позорный - Манцина, отмененный сенатом вместе с позорной выдачей военачальника; они погубили столько консуляров, столько преториев, а во времена наших отцов призвали к оружию такого воинственного Сертория, что в течение пяти лет невозможно было решить, кто сильнее в военном деле, римляне или испанцы, и какой народ должен повиноваться другому. (4) И вот все эти провинции, столь разбросанные, столь многолюдные, столь дикие, Цезарь Август пятьдесят лет назад привел к такому миру, что они, прежде постоянно сотрясаемые величайшими войнами, после этого при легатах Г. Антистии [274], а затем П. Силии [275] и их преемниках были избавлены даже от обычных разбойничьих нападений.

ХСІ. Пока усмирался Запад, римские знаки легионов, захваченные Ородом у поверженного Красса, а его сыном Фраатом у обращенного в бегство Антония [276], были возвращены с Востока Августу. Что касается этого имени, то предложение о его присвоении было выставлено Планком и дано этому человеку при единодушном согласии сената и римского народа. (2) Были и такие, кто ненавидел это счастливое состояние. Ибо Л. Мурена и Фанний Цепион [277], люди противоположного поведения (Мурена, не будь этого преступления, мог бы показаться порядочным человеком, Цепион же и до того был наихудшим из людей), приняли решение убить Цезаря, но были уничтожены по воле народа и сами получили по закону за то, что хотели применить силу. (3) Немного времени спустя подобный же преступный замысел возник у Руфа Эгнация [278]. Во всем более похожий на гладиатора, чем на сенатора, во время эдилитета он снискал благорасположение народа, которое день ото дня увеличивал тем, что с помощью собственных рабов тушил пожары; за это народ продлил ему претуру, а вскоре Эгнаций даже дерзнул домогаться консульства. Но поскольку он погряз в пороках и преступлениях, а с имущественным состоянием дело у него обстояло не лучше, чем с совестью, то, набрав себе подобных, решил убить Цезаря, чтобы устранив его, умереть самому - ибо он не мог здравствовать, пока здравствует Цезарь. (4) Таков уж характер этих людей: каждый предпочитает убивать при всеобщем крушении, чем быть поправленным своим собственным, а терпя то же самое, оставаться незамеченным. В сокрытии своих планов он был не счастливее предшественников. Попав вместе с сообщниками своего преступления в тюрьму, он принял смерть, в полной мере достойную жизни.

ХСІІ. Да не изгладятся из памяти славные дела выдающегося человека Г. Сентия Сатурнина, консула примерно того же времени (2). Цезарь отсутствовал, чтобы устроить дела Азии и Востока, лично распространяя по всему миру благоденствия своего мира. Тогда Сентий, случайно, из-за отсутствия Цезаря оказавшийся консулом без коллеги, стал вести дела со старинной строгостью, наивысшим постоянством; по древнему обычаю и со строгостью консулов разоблачал обман публиканов, наказывал алчность, возвращал в эрарий государственное имущество и проявил качества выдающегося консула на комициях. (3) А именно, он запретил добиваться квестуры тем, кого счел недостойным, а

тем, кто стал настаивать, пригрозил консульской карой, если они выйдут на Марсово поле. (4) Эгнацию, надеявшемуся благодаря благоволению к нему народа стать консулом после претуры, как до того претором после эдилитета, Сентий запретил выставлять кандидатуру, а когда тот не пожелал с этим считаться, поклялся, что если он в ходе народного голосования станет консулом, то не будет им провозглашен. (5) Такие действия, по моему мнению, следует сравнить со славою старинных консулов, но мы, естественно, предпочитаем хвалить то, о чем слышали, чем то, что видели сами. К настоящему мы относимся завистью, перед прошлым же преклоняемся, считая, что одно нас затмевает, а другое учит.

XCIII. Почти за три года до раскрытия преступления Эгнация, во время заговора Мурены и Цепиона, пятьдесят лет назад, совсем молодым скончался М. Марцелл [279], сын сестры Августа, после того как он отметил свой эдилитет роскошными играми. Люди думали так: случись что с Цезарем, он стал бы преемником его власти, но сомневались в том, что к этому может спокойно отнестись Агриппа. В самом деле, как говорят, он был юношей с врожденными добродетелями, с радостным настроением духа, с талантом, достойным участи, которая ему предназначалась. (2) После его кончины возвратился Агриппа (он отправился в Азию под предлогом государственных дел, но, как гласит молва, на время скрылся из-за тайной вражды с Марцеллом) и взял в жены дочь Цезаря Юлию - она была до того замужем за Марцеллом, - женщину, не принесшую счастья ни ему, ни государству.

XCIV. В то же время, когда Тиб. Клавдию было три года, его мать, как мы сказали выше, развелась с Тиб. Нероном, в браке с которым она раньше была, и вышла замуж за Цезаря. Юноша, воспитанный и обученный божественными наставлениями, (2) наделенный знатным происхождением, красотой, осанкой, наилучшим образованием и высокой одаренностью, позволял надеяться, что будет таким и впредь, и имел облик принцепса. (3) На девятнадцатом году жизни он исполнял должность квестора [280] и взялся за государственные дела: по поручению отчима он урегулировал страшную дороговизну хлеба и недостаток продовольствия в Остии и в Риме, и тем, как он действовал, обнаружил, каким будет. (4) Некоторое время спустя отправленный отчимом вместе с войском для проверки и устройства провинций на Востоке, он своими действиями явил образец исключительной доблести. Вступив с легионами в Армению, он подчинил ее власти римского народа, поручил Артавазду [281] его царство... и даже парфянский царь, напуганный славой столь великого имени, отдал своих детей заложниками Цезарю.

XCv. Затем Нерон возвратился, и Цезарь решил испытать его бременем отнюдь не легкой войны [282] и назначил ему помощником [283] в этом деле его собственного брата Друза Клавдия, которого Ливия родила уже среди пенатов Цезаря. (2) И вот они, разделив ответственность за операции [284], напали на ретов и винделиков. Проведя осаду многочисленных городов и крепостей, упорно сражаясь в открытом бою, скорее с опасностями, чем с потерями для римского войска, они укротили, пролив потоки крови, многочисленные народы, защищенные непроходимой местностью и жестокие до свирепости. (3) Перед тем в раздорах прошло цензорство Павла и Планка [285], не принесшее ни почета им самим, ни пользы государству, ибо у первого не было цензорской энергии, а у второго - жизни, достойной цензора. Павел с трудом мог выполнять обязанности цензора, а Планк должен был бояться цензуры: ведь среди обвинений, выдвигаемых им против молодых людей (или выслушиваемых от обвинителей) не было такого, которое не имело бы отношения к нему, старцу.

XCvi. Смерть Агриппы [286] (он многочисленными подвигами облагородил незнатность своего происхождения и добился того, что стал тестем Нерона [287]; детей Агриппы,

своих внуков, божественный Август усыновил под именами Гая и Луция) приблизила к Цезарю Нерона: ведь дочь Цезаря Юлия, бывшая прежде женой Агриппы, вышла замуж за Нерона. (2) Вслед за тем Нерон провел Паннонскую войну [288], не законченную Агриппой и, о консул [289], твоим дедом М. Виницием, - великую, жестокую, опасную, из-за соседства угрожавшую Италии. Мы опишем в другом месте [290] паннонское население и племена далматов, расположение областей и рек, количество и диспозицию сил, а также множество побед, одержанных в этой войне великим военачальником. Этот труд сохранит свою форму. Нерон, причастный к этой победе [291], отметил ее овацией.

XCVII. Но в то время как в этой части империи все операции увенчались успехом, в Германии потерпел поражение М. Лоллий [292]. Этот человек, ставивший наживу выше правильного ведения дел, был порочен во всем, но более всего - лицемерен. Итак, потеряв орла пятого легиона [293], он вызвал Цезаря из Рима в Галлию. (2) Затем забота о Германской войне, а также ее бремя были переданы брату Нерона Друзу Клавдию, юноше столь многочисленных, столь великих добродетелей, какие только можно получить от природы или достичь усердием. Трудно сказать, в чем больше он проявил свое дарование, в военном деле или в мирных занятиях, (3) но, бесспорно, очарование и прелесть его характера, а также его отношение к друзьям, которых он, как говорят, ценил наравне с собою, были неподражаемы. Красотою же он приближался к брату. И вот несправедливость судьбы похитила этого усмирителя большей части Германии, пролившего во многих местах много крови ее народов во время своего консульства, когда ему еще не было тридцати лет. (4) Тогда тяжесть этой войны была передана Нерону, и он распорядился ею в соответствии со своей доблестью и обычной удачей [294]. Проникнув с победой во все области Германии, без какой-либо убыли для порученного ему войска, - что всегда было главной его заботой, - он окончательно усмирил Германию, почти доведя ее до состояния провинции, обложенной податью. Тогда ему были дарованы второй триумф и второе консульство.

XCVIII. Пока описанные нами события происходили в Паннонии, грозная война разразилась во Фракии. Все ее взявшиеся за оружие племена и народы были укрощены доблестью Л. Пизона [295], и ныне мы имеем усерднейшего и в то же время наиболее уравновешенного стража безопасности Рима [296]. (2) Как легат Цезаря он воевал три года с этими в высшей степени свирепыми племенами, нанеся им множество поражений то в регулярном бою, то во время приступа, и, возвратив их к прежнему мирному состоянию, вернул Азии безопасность, Македонии - мир [297]. (3) Об этом человеке мы должны узнать и понять следующее: в его характере были смешаны энергия и изнеженность, и едва ли можно найти другого, кто бы больше любил праздность и столь же легко переходил к деятельности, кто бы больше, чем он, заботился о делах, не делая при этом ничего напоказ.

XCIX. В скором времени Тиберий Нерон благодаря двум консулатам, стольким же проведенным триумфам и совместной трибунской власти сравнялся с Августом, стал самым выдающимся из граждан, кроме одного (и то потому, что так хотел), величайшим военачальником, знаменитейшим в славе и удаче [298], воистину вторым светочем и главою государства. (2) Когда Гай Цезарь надел мужскую тогу, а Луций уже созрел для нее [299], он в силу некоей удивительной, невероятной, непередаваемой почтительности, причины которой едва ли были поняты, попросил у тестя и отчима отдыха от непрерывных трудов, - на самом деле он скрыл причину своего намерения - собственным блистательным положением не препятствовать возвышению юношей в самом начале их пути. (3) Каково в это время было состояние государства, каковы слезы лишившихся такого человека, как отечество старалось его удержать, мы проследим в надлежащем труде. (4) В этом же, беглом, должно быть сказано следующее: семь лет он провел на

Родосе так, что все, кого посылали проконсулами в заморские провинции, [заезжали на Родос], чтобы узреть его благосклонность и съезжались [300] к нему как к частному лицу (если только его величие позволяло ему быть частным лицом), склоняли перед ним свои фасцы и утверждали, что его непричастность к делам почетнее их командования.

С. Весь мир ощутил устранение Нерона от охраны Рима. Ведь и парфянин, отложившийся от союза с Римом, протянул руку Армении, и Германия, скрывшись от глаз своего усмирителя, опять восстала. (2) В Риме в тот самый год, когда божественный Август при посвящении храма Марсу [301] ослепил воображение и зрение римского народа великолепными гладиаторскими играми и навмахиями (тридцать лет назад [302] в консульство Цезаря и Каниния Галла), в его собственном доме разразилось бедствие, о котором стыдно рассказывать и ужасно вспоминать. (3) Ведь его дочь Юлия, полностью [303] пренебрегая таким отцом и мужем, не упустила ничего из того, что может совершить или с позором претерпеть женщина, и из-за разнузданности и распутства стала измерять величие своего положения возможностью совершать проступки, считая разрешенным все что угодно. (4) Тогда Антоний Юл, - исключительный пример великодушия Цезаря и осквернитель его дома (ведь когда отец Юла потерпел поражение, Цезарь не только даровал Юлу неприкосновенность, но и почтил жреческой должностью, претурой, консулатом, провинциями, а вследствие женитьбы на дочери своей сестры принял в число близких родственников), сам выступил отмстителем за собственное преступление [304]. Квинций Криспин, пытавшийся скрыть свою испорченность под личиной суровой надменности, Аппий Клавдий, Семпроний Гракх, Сципион и другие лица из обоих сословий с менее известными именами понесли наказание как бы за осквернение чьей-либо супруги, хотя они осквернили дочь Цезаря и супругу Нерона. Юлия была сослана на остров, удалена от глаз отечества и родителей, однако ее сопровождала мать Скрибония, оставаясь ее добровольной спутницей в изгнании.

СИ. По прошествии незначительного промежутка времени Г. Цезарь, посетивший [305] сначала другие провинции, а затем посланный в Сирию (сперва он встретился с Нероном, которому оказал наивысшее почтение как старшему), вел себя там по-разному, так что не было недостатка в поводах как для великого восхваления, так и для некоторого порицания. На острове, расположенном посередине реки Евфрат, он встретился с царем парфян, юношей выдающегося положения, в сопровождении равной по числу свиты. (2) Это во всех отношениях удивительное и достопамятное зрелище встречи двух выдающихся лиц и глав империй в присутствии римского войска на одном берегу и парфянского на другом мне пришлось наблюдать в начале военной службы, когда я был военным трибуном. (3) Эту воинскую должность, М. Виниций, я получил еще раньше, при моем отце и П. Силии, во Фракии и Македонии; затем я видел Ахайю, Азию и все восточные провинции, а также вход в Понт и оба его берега. Как приятно насладиться воспоминанием о стольких событиях, местах, народах и городах! Парфянин первым пировал на нашем берегу у Гая, а потом, в свою очередь, Гай пировал у царя на вражеском берегу.

СИ. В это время распространился слух, будто парфянин донес Г. Цезарю о вероломных, полных хитрости и коварства планах М. Лоллия [306] (Августу было угодно сделать его наставником своего юного сына). Я не знаю, случайной или добровольной была его смерть, последовавшая несколькими днями спустя. Но насколько радовались люди его исчезновению, настолько тяжело перенесли граждане происшедшую чуть позже и в тех же провинциях кончину Цензорина [307], человека, рожденного на благо людей.

(2) [Гай] проник затем в Армению, и первая часть [его кампании] была отмечена успехом. Но вскоре близ Артагеры во время встречи, на которую он опрометчиво согласился, он

был тяжело ранен неким Аддуем, после чего он ослаб телом и духом и сделался непригоден для служения государству. (3) Среди его окружения не было недостатка в тех, кто угодливостью питал его пороки (ведь лесть - неперемнная спутница выдающейся судьбы). В результате он был доведен до того, что предпочел состариться в отдаленнейшей из провинций, чем вернуться в Рим. После долгих колебаний и вопреки собственному желанию возвращаясь в Италию, он умер от болезни в одном из городов Ликии (его называют Лимирой) [308], почти год спустя после того, как брат его Луций Цезарь скончался в Массилии по пути в Испанию.

СIII. Похитив надежду на великое имя, фортуна в тот же момент возвратила государству свою поддержку, поскольку еще до смерти этих двух молодых людей, в консульство твоего отца, П. Виниция [309], с Родоса вернулся Тиберий Нерон, доставив своему отечеству неимоверную радость. (2) Недолго колебался Цезарь Август: ведь ему не пришлось искать того, кого следует выбрать, а выбрать следовало того, кто выделялся. (3) Итак, на том, что он хотел сделать после смерти Луция и еще при жизни Гая, но натолкнулся на решительное сопротивление Нерона, он настоял после смерти юношей: сделал Нерона участником своей власти народного трибуна, хотя тот много раз отказывался от этого как частным образом, так и в сенате, а в консульство Элия Ката и [Г.] Сентия, за шесть дней до июльских календ 754 г. от основания Рима, двадцать семь лет назад, его усыновил. (4) Едва ли даже в надлежащем сочинении мы сможем показать радость того дня, стечение граждан, молитвы тех, кто простирал руки почти до неба, их обретенные надежды на постоянную безопасность и вечность Римской империи! Не пытаюсь сделать это здесь, мы [довольны] уже тем, что сказали лишь одно - каким [желанным] был для всех этот день. (5) Тогда у родителей заблестала надежда на детей, у мужчин - на брак, у собственников - на имущество, у всех людей на благоденствие, спокойствие, мир, безмятежность; так что даже невозможно было ни надеяться на большее, ни надеждам проявиться счастливее.

СIV. В тот же день был усыновлен также и М. Агриппа, которого Юлия родила после смерти Агриппы, но при усыновлении Нерона вот что было добавлено самим Цезарем: «Я, - сказал он, - делаю это для блага государства» [3] [10]. (2) Отечество не задержало надолго в Риме защитника и стража своей империи, но немедленно направило его в Германию, где за три года до того вспыхнула грандиозная война при участии замечательного человека, М. Виниция, твоего деда. За то, что в одних местах она им велась, а в других успешно поддерживалась, ему были присуждены триумфаторские знаки отличия с блистательным описанием его деяний. (3) В это время я служил в армии Тиберия Нерона, начав с обязанностей трибуна. Сразу же после усыновления последнего я был послан вместе с ним в Германию в качестве префекта конницы, унаследовав должность своего отца. На протяжении девяти лет как префект или легат я был очевидцем божественных дел Тиберия и - в меру своих посредственных способностей - принимал в них участие. Мне кажется, что на долю смертного никогда не выпадало зрелища, каким я наслаждался, когда все, видя своего прежнего военачальника, следовавшего через многолюднейшие части Италии и на всем протяжении провинций Галлий, поздравляли его, ставшего Цезарем благодаря своим заслугам и способностям еще до того, как он получил это имя, и еще больше, чем его, каждый поздравлял сам себя. (4) Право, нельзя выразить словами и едва ли можно поверить, что при виде его у воинов текли слезы радости; а какими были ликование первого приветствия и радость, с которой они стремились прикоснуться к его руке, восклицая: «Тебя ли мы видим, император!», «Тебя ли встретили невредимого?», затем: «Я был с тобою, император, в Армении!», «Ты наградил меня в Реции!», «Меня в Винделиции!», «Меня в Паннонии!», «Меня в Германии!».

CV. Он тотчас вступил в Германию, покорил каннинифатов, аттуаров, бруктеров, принял под свою власть херусков - племя, наиболее прославившееся нашим поражением, - перешел Визургий, проникнув в более отдаленные места. Взяв на себя все наиболее трудные и опасные операции, Цезарь во главе того, что было менее важным, поставил Сентия Сатурнина, который еще раньше был легатом его отца в Германии. (2) Это был человек разнообразных достоинств, ревностный, деятельный, осмотнительный и в то же время стойкий и опытный в военных обязанностях. Но если у него обязанности оставляли место досугу, он использовал его с чрезмерным обилием и великолепием, но так, что его можно было назвать скорее блистательным и бесшабашным, чем расточительным и праздным. Выше мы уже сказали о замечательном даровании и знаменитом консульстве этого человека. (3) Летняя кампания этого года, продлившаяся до декабря, завершилась великим благом победы. Несмотря на то, что зимние Альпы едва проходимы, сыновнее благочестие привело Цезаря в Рим, но [забота] о защите империи в начале весны вновь вернула его в Германию; в центре ее, у истоков реки Лупии, отъезжая, принцепс разместил зимние лагеря.

CVI. Ради благих богов! Достойными какого труда оказались операции, какие мы осуществили за лето под командованием Тиберия Цезаря! Нашими войсками пересечена вся Германия, побеждены народы, неизвестные даже по именам, присоединены племена хавков: все их многочисленное войско, несмотря на молодость и могучее телосложение воинов, а также на местность, удобную для обороны, сдав оружие, во главе со своими вождями склонилось перед трибуналом императора. (2) Разбиты лангобарды, народ даже более дикий, чем сама германская дикость. И, наконец, на что прежде мы не могли и надеяться, тем более пытаться осуществить: римское войско проведено со знаменами на расстояние в четыреста миль от Рена до реки Альбис, которая разделяет земли семнонов и гермундунов. (3) И в этом же месте благодаря удивительному счастью и заботе нашего военачальника, благодаря удачному выбору времени, с Цезарем и его армией соединился флот, который, обогнув залив Океана со стороны неведомого и ранее неизвестного моря [311] и победив многочисленные народы, с огромной добычей вошел в ту же самую реку Альбис.

CVII. Не могу удержаться, чтобы к рассказу о великих деяниях не добавить один эпизод, каким бы малозначительным он ни был. Когда мы поставили лагерь по одну сторону реки, о которой я упомянул, а противоположная сверкала оружием вражеских воинов, обратившихся в бегство при одном движении наших кораблей и от страха, который они вызывали, один из варваров, человек преклонного возраста, рослый и, как показывало его одеяние, занимающий высокое положение, сел в челн из полого дерева, что было обычным средством для плавания у этих людей; в одиночку правя этой лодочкой, он достиг середины реки и попросил разрешения выйти на занятый нами берег, чтобы увидеть Цезаря. Ему была дана такая возможность. (2) Тогда, пригнав лодку и в долгом молчании созерцая Цезаря, он сказал: «Наша молодежь безумна, если она чтит вас как божество в ваше отсутствие [312], а теперь, когда вы здесь, страшится вашего оружия вместо того, чтобы отдаться под вашу власть. Я же по твоему милостивому позволению, о Цезарь, сейчас вижу богов, о которых ранее слышал, и за всю свою жизнь не желал и не имел более счастливого дня». Добившись разрешения прикоснуться к руке, он, постоянно оглядываясь на Цезаря, добрался до своего берега. (3) Победитель всех народов и стран, в какие бы он ни приходил, с войском, не понесшим потерь (только один раз враги коварно атаковали его и понесли тяжкое поражение), Цезарь отвел легионы в зимние лагеря и устремился в Рим так же быстро, как и в прошлом году.

CVIII. В Германии не осталось кого и побеждать, кроме народа маркоманнов. Изгнанные из своих мест, они под предводительством Маробода устремились во внутренние земли,

поселившись на равнине, окруженной Герцинским лесом. (2) Даже при крайней поспешности нельзя обойтись без упоминания об этом человеке. Маробод - муж знатного происхождения, могучего телосложения и отважного духа, варвар скорее по племени, чем по уму [313]. Заняв среди своих первое место (не случайное, зависящее от желания подданных и ненадежное, - он приобрел настоящую царскую власть и могущество), он решил увести свой народ подальше от римлян и разместить его там, где, укрывшись от более сильного оружия, смог бы сделать более могущественным свое собственное. Итак, захватив места, о которых речь была выше, он либо покорил сопредельные народы силой оружия, либо подчинил их договорами.

СIX. Постоянными учениями он поднял силы, охраняющие его державу, почти до уровня римского войска, и вскоре они достигли небывалого совершенства и превратились в угрозу для нашего государства. По отношению к римлянам он вел себя так: не вынуждал нас к войне, но показывал, что если его к ней принудят, то у него не будет недостатка ни в силе, ни в воле к сопротивлению. (2) Послы, которых он посылал к цезарям, порой выставляли его просителем, порой вели переговоры как равные. Племенам и отдельным людям, от нас отделившимся, он предоставлял убежище; вообще он действовал, как соперник, плохо это скрывая; и войско, которое он довел до семидесяти тысяч пехотинцев и четырех тысяч всадников, он подготовил в непрерывных войнах с соседними народами к более значительной деятельности, чем та, которую он осуществлял: (3) ведь опасным его делало то, что, имея слева и спереди Германию, справа Паннонию и Норик позади своих владений, он постоянно угрожал им своими нападениями. (4) Италия так же не могла себя чувствовать в безопасности из-за увеличения его сил, поскольку от высочайших горных цепей Альп, обозначающих границу Италии, до начала его пределов не более двухсот миль. (5) На этого человека и на это царство Тиб. Цезарь решил в ближайшем году повести наступление. Поручив Сентию Сатурнину, чтобы тот повел легионы [314] через каттов, вырубая расположенные там Герцинские леса, в Бойегемум (таково название области, в которой обитал Маробод), он сам повел войско, находившееся на службе в Иллирике, от Карнунта, ближайшего пункта в царстве нориков с этой стороны, на маркоманнов.

СX. Судьба ломает планы людей, а иногда замедляет их исполнение. Цезарь уже подготовил зимние лагеря у Данубия, подвел войска и находился не более чем в пятидневном переходе от вражеских постов; (2) легионы, которые предстояло повести Сатурнину [315], были удалены от врага почти на равное расстояние и через несколько дней должны были соединиться с Цезарем в указанном месте, как вдруг взялась за оружие вся непривычная к благам мира, окрепшая Паннония, а также Далматия, по всей территории которой племена были втянуты в заговор [316]. (3) Тогда пришлось предпочесть славе необходимость: казалось небезопасным направиться с войском внутрь страны и оставить Италию беззащитной перед лицом столь близкого врага. Общая численность племен и народов, которые восстали, превышала восемьсот тысяч. Они выставили почти двести тысяч пехотинцев, годных к несению оружия, и девять тысяч всадников - (4) огромную массу, покорную свирепейшим и опытейшим вождям. Часть их решила напасть на Италию, с которой они граничили у Наупорта и Тергесте; часть хлынула в Македонию, часть должна была защищать свои земли. Верховное командование было в руках двух Батонов [317] и Пиннета. (5) Все паннонцы знали не только дисциплину, но и язык римлян; многие были даже грамотны и знакомы с литературой. Итак, клянусь Геркулесом, никогда ни один народ не переходил так быстро от подготовки войны к самой войне, осуществляя задуманное. (6) Римские граждане были уничтожены, торговцы перебиты; в области, наиболее отдаленной от полководца, было истреблено большое количество вексилляриев, военными силами занята Македония; все и повсюду было опустошено огнем и мечом. Мало того, вызванный этой войной страх был

настолько велик, что поколебался и ужаснулся даже стойкий, укрепленный опытом стольких войн дух Цезаря Августа.

СXI. Ввиду этого был произведен набор войска, а также повсюду и полностью призваны все ветераны. Мужчины и женщины в соответствии с имущественным цензом должны были выставить в качестве воинов вольноотпущенников [318]. В сенате прозвучал голос принципса: «Через десять дней, если не быть настороже, враг может оказаться в поле зрения города». Для войны потребовались услуги сенаторов и римских всадников - они обещали без колебания [319]. (2) Все это готовилось бы напрасно, если бы не было того, кто бы это направлял. Поэтому государство потребовало от Августа послать под защитой воинов [320] Тиберия. (3) Во время этой войны моя скромная персона получила блестящую должность. По окончании службы в коннице я стал квестором-десигнатом и, еще не будучи сенатором, поставлен наравне с сенаторами и даже с народными трибунами-десигнатами. Я повел часть войска, доверенного мне Августом, из Рима к его сыну. (4) Далее во время квестуры я отказался от провинции и был направлен легатом Августа к самому Тиберию. Какие вражеские войска мы увидели в первый год! Как целесообразно благодаря предвидению военачальника мы избегали крупных соединений вражеских сил и одолевали [321] их по частям! Мы видели, как соразмерно и в то же время с высшей пользой для авторитета полководца ведутся операции, с каким благоразумием расположены зимние лагеря, как надежно заперто караулами войско нашего врага! Они нигде не давали ему прорваться, и он, лишенный подкрепления [322], терял силы, исходя яростью против самого себя.

СXII. Достояния упоминания счастливая своим исходом, смелая по замыслу первая летняя кампания Мессалина [323]. (2) Этот человек, более славный и достойный умом, чем происхождением (ибо отцом его был Корвин, а свой когномен он оставил брату Котте), был поставлен над Иллириком, когда внезапно разразился мятеж. Он с двенадцатым легионом половинного состава, будучи окружен неприятельским войском, рассеял и обратил в бегство более двадцати тысяч врагов, за что был почтен знаками отличия триумфатора. (3) Варвары, как бы ни радовались они своему численному превосходству, как бы ни была велика их уверенность в своих силах, не могли положиться на себя там, где находился Цезарь. Часть их войска, непосредственно противостоявшая нашему военачальнику, в соответствии с нашими планами и к нашей выгоде ослабленная и доведенная до губительного голода, не осмелилась ответить на наш приступ, отказалась принять битву, которую ей предложили наши воины, ставшие в строй, а захватила Аппиеву гору [324] и укрепились на ней. (4) Что касается той части, которая двинулась навстречу войску, приведенному консулярами А. Цециной и Сильваном Плавцием из заморских провинций, то она окружила пять наших легионов вместе со вспомогательными отрядами и царской конницей (ведь царь Фракии Реметалк, соединившись с вышеназванными военачальниками, привел для подкрепления большой отряд фракийцев) и нанесла всем едва ли не полное поражение. (5) Рассеян строй царских всадников, обращены в бегство конные подразделения, вспять обратились когорты, охвачены трепетом находившиеся у знамен легионов. Но в это время доблесть римского воина завоевала себе больше славы, чем оставила на долю военачальников: разительно отличаясь своими обычаями от главнокомандующего, они Ринулись на врага прежде, чем узнали от разведчиков, где он. (6) Итак, хотя легионы находились в трудных обстоятельствах, - сражены врагом некоторые военные трибуны, погибли префекты лагерей и предводители когорт, залиты кровью центурионы и даже погибли люди высокого положения [325], - они, не довольствуясь тем, что задержали врагов, обратились на них, сломали их строй и добыли в бою победу, в которой уже отчаялись. (7) Почти одновременно Агриппа, усыновленный родным дедом в один день с Тиберием, начал показывать (так же, как и два года назад [326]), каков он есть: из-за редкой порочности

ума и духа он своими действиями против приемного отца, то есть деда, отвратил его от себя, и вскоре пороки, растущие день ото дня, привели его к концу, достойному его безумия.

СХІІІ. Узнай теперь, М. Виниций, что Тиберий был столь же великим вождем на войне, каким принцепсом ты видишь его в мирное время. Соединились войска - и те, которые были при Цезаре, и те, которые пришли к нему, - в один лагерь было стянуто десять легионов, более семидесяти когорт, четырнадцать... и более десяти тысяч ветеранов, к тому же большое число добровольцев, множество царских всадников, так что все войско приняло такие размеры, каких оно не имело нигде и никогда после гражданских войн. Все испытывали радость, связывая с численностью надежду на победу. (2) Но император, будучи верен поведению, которому, как я видел, он следовал во время любой войны, лучший судья своих дел, предпочел полезное внушительному, сделав то, что достойно одобрения, а не то, что в любых обстоятельствах одобряется. Он подождал несколько дней, чтобы прибывшее войско восстановило силы, ослабленные дорогой, и решил его распустить, поняв, что им невозможно командовать из-за его величины. (3) Он сам сопровождал его во время очень трудного и утомительного перехода, о тяготах которого едва ли можно рассказать, чтобы кто-либо не посмел напасть на наше войско и чтобы враги, опасаясь за свои владения, не могли бы напасть на отдельные части отходящих. Он отпустил их туда, откуда они пришли, а сам в начале очень трудной зимы вернулся в Сисцию и разместил свои войска в разных зимних лагерях, поручив их легатам, среди которых были и мы.

СХІV. О дела, о которых не стоило бы распространяться, не окажись они великими, полезными, приятными и человечными благодаря подлинной, истинной добродетели! За всю Германскую и Паннонскую войну никто из нас, будь он выше или ниже по положению, в случае болезни не оказывало без заботы Цезаря об излечении и поправке здоровья, словно все его помыслы были совершенно свободны от бремени великих дел и нацелены на одно это. (2) Была наготове запряженная повозка; находилась в общем пользовании его лектика - [применение] ее довелось испытать подобно другим и мне. Не было никого, кому не сослужили бы службу для поправки здоровья и лекари, и кухонные принадлежности и переносная баня, предназначенная лишь для него [одного]. Не хватало только дома и домашних, но не ощущался недостаток ни в чем из того, что они могли бы предоставить или чего у них можно было бы попросить. (3) Добавлю и то, с чем каждый из очевидцев тотчас согласится, как и с прочим, о чем я рассказал: на коне он ездил всегда один, во время большей части летних экспедиций обедал сидя и только вместе с теми, кого приглашал. Тех, кто нарушал дисциплину, он прощал, лишь бы это не становилось вредным примером; его предупреждения были частыми, он делал и выговоры, карал очень редко, и придерживался среднего, многого не замечая, кое-чему препятствуя.

(4) Успехом зимней кампании было завершение войны, и с наступлением лета вся Паннония запросила мира, тогда как в Далмации сохранялись очаги войны. О том, как эта столь многочисленная необузданная молодежь, незадолго до того угрожавшая Италии рабством, снесла оружие, которым сражалась, к реке под названием Батин [327] и вся простерлась у ног императора, и как один из ее выдающихся вождей - Батон - был взят в плен, а другой, Пиннет, сдался сам, я, надеюсь, расскажу в главном своем труде по порядку.

(5) Осенью армия с победой возвратилась в зимние лагеря, и Цезарь поставил во главе всех войск М. Лепида [328], человека очень близкого к Цезарям и по имени и по судьбе, вызывавшего уважение и восхищение в той мере, в какой каждый мог его знать или

понимать, и, как считалось, добавившего новый блеск к великому имени, от которого происходил.

СХV. Цезарь перенес свое внимание и оружие к другому бремени - к Далматской войне. Каким помощником и легатом оказался для него в этой области мой брат Магий Целер Веллеян, свидетельствуют высказывания самого Цезаря и его отца и те многочисленные почести, которыми он его удостоил, увековечивая, во время своего триумфа. (2) В начале лета Лепид вывел войска со своих зимних квартир, направляясь к императору Тиберию через территорию племен, ранее не затронутых бедствиями войны и поэтому неукротимых и неистовых, и, преодолев препятствия местности и вражеские силы с большими потерями для тех, кто ему сопротивлялся, разорив поля, предав огню постройки, вырезав население, прибыл к Цезарю, счастливый победой, отягощенный добычей. (3) Будь это осуществлено под его собственными ауспигиями ему полагался бы триумф; в согласии с мнением выдающихся граждан и по воле сената он был награжден триумфаторским облачением. (4) Эта летняя кампания положила конец великой войне: ведь далматские племена - перусты и десидиаты, почти неодолимые благодаря обитанию в горах, неукротимости нрава, а также исключительным навыкам боя и главным образом узости лесистых ущелий, были усмирены лишь тогда, когда их почти полностью перебили не только под предводительством Цезаря, но его собственной силой и оружием. (5) Ни во время этой великой войны, ни во время Германской никогда ничто не вызывало у меня большего восхищения, чем то, что император не считал возможность победы настолько благоприятной, чтобы не принимать во внимание потери воинов, и всегда наиболее славной считал самую безопасную: он сообразовывался скорее со своими убеждениями, чем с молвой, и никогда решения вождя не направлялись суждением войска, но войско направлялось предусмотрительностью вождя.

СХVI. В ходе этой войны в Далмации проявил великую доблесть Германик, посланный во многие труднодоступные районы. (2) Также консуляр Вибий Постум [329], получивший назначение в Далмацию, заслужил усердием и славными подвигами триумфаторские отличия. Подобной чести за несколько лет до этого добились в Африке Пассиен [330] и Косс [331], люди, знаменитые доблестями, хотя не одинаковыми. Но Косс закрепил память о победе даже в когномене сына, юноши, рожденного стать образцом всех доблестей. (3) Что касается сотоварища подвигов Постума, Л. Апрония [332], в этой же войне, то он исключительной доблестью заслужил те почести, которые впоследствии получил. О, если бы даже не было засвидетельствовано более значительным опытом всемогущество фортуны! Но и в обстоятельствах такого рода ее сила могла бы быть познана в полной мере. Ведь и Элий Ламия [333], человек старинных правил, но умеряющий древнюю суровость исключительным дружелюбием, самым блестящим образом исполнявший свои обязанности в Германии и в Иллирике, а вскоре затем в Африке, не получил триумфаторских почестей потому, что не доставало повода, а не заслуг. (4) И А. Лициния Нерву Силиана, сына П. Силия, которым недостаточно восхищались даже те, кто его знал, хотя он и проявил себя так, что не было лучше гражданина и честнее полководца, чем он, преждевременная смерть лишила и блага почетной дружбы принцепса, и вознесения до высочайшего положения, достигнутого его отцом [334]. (5) Если кто скажет, что я искал повода для упоминания об этих людях, то я с ним соглашусь, но ведь честная, непредубежденная правдивость у порядочных людей - не преступление.

СХVII. Едва Цезарь положил конец Паннонской и Далматской войнам, как менее чем через пять дней после столь великих деяний из Германии пришло горестное известие о гибели Вара и уничтожении трех легионов и стольких же конных отрядов и шести когорт [335]. Но фортуна была исключительно милостива к нам хотя бы в том, что к этому был

непричастен Тиберий... [336] Надлежит задержаться на причине поражения и личности Вара. (2) Квинтилий Вар, происходивший из семьи скорее известной, чем знатной, был от природы человеком мягким, спокойного нрава, неповоротливым и телом и духом, пригодным скорее к лагерному досугу, чем к военной деятельности. Что он не пренебрегал деньгами, доказала Сирия, во главе которой он стоял: бедным он вступил в богатую страну, а вернулся богатым из бедной. (3) Будучи поставлен во главе войска, которое было в Германии, он воображал, что этих людей, не имеющих ничего человеческого, кроме голоса и тела, которых не мог укротить меч, сможет умиротворить правосудие. (4) С этими намерениями он вошел в глубь Германии и протянул летнюю кампанию, словно бы находясь среди людей, радующихся сладости мира, и разбирая по порядку дела с судейского возвышения.

СХVIII. Что касается германцев (кто этого не испытал, едва поверит, - несмотря на чрезвычайную дикость, они необыкновенно хитры - от рождения народ лжецов), они придумывали один за другим ложные поводы для тяжбы: то втягивали друг друга в ссоры, то благодарили за то, что римское правосудие кладет им конец, за то, что их дикость смягчается новизной неведомого им порядка, и за то, что ссоры, обычно завершавшиеся войной, прекращаются законом. Всем этим они привели Квинтилия в состояние такой беззаботности, что ему казалось, будто он в должности городского претора творит суд на форуме, а не командует войском в центре германских земель.

(2) Тогда вялостью нашего полководца как поводом для преступления воспользовался Арминий, сын вождя этого племени, Сигимера, юноша знатный, в бою отважный, с живым умом, с неварварскими способностями, с лицом и глазами, отражающими отблеск его души; будучи усердным участником наших прежних походов, он по праву заслужил римское гражданство и был введен во всаднический ранг. Он весьма здраво рассудил, что никто не может быть застигнут врасплох быстрее, чем тот, кто ничего не опасается, и что беспечность - самая частая причина несчастья. (3) Итак, он сделал своими соучастниками сначала немногих, а вслед за тем большинство: он говорил, он убеждал, что римлян можно победить, и, связав планы с действиями, назначил время выступления. (4) Вару это становится известно благодаря Сегесту, верному и влиятельному человеку этого племени. Он также требовал... [337] рок над замыслами и притупил у Вара всю остроту ума. Ведь дело обстоит так: обычно, если божество задумает изменить чью-то судьбу, то сокрушает и его замыслы и (что печальнее всего) случившееся кажется заслуженным, и несчастье превращается в вину. Итак, Вар отказывается верить, выразив надежду, что расположение к нему германцев соответствует его благодеяниям. После первого предупреждения недолго оставалось ждать второго.

СХIX. Об обстоятельствах столь страшного бедствия, тяжелее которого не испытывали римляне в столкновениях с внешним миром после разгрома Красса в Парфии, мы, как это сделали и другие, попытаемся рассказать в надлежащем сочинении. Здесь же нам придется его оплакать. (2) Армия, отличающаяся своей доблестью, первая из армий по дисциплине и опытности в военном деле, попала в окружение из-за вялости своего полководца, вероломства врага и несправедливости судьбы. Воины не имели даже возможности сражаться и беспрепятственно производить вылазки, как они этого хотели. Некоторые из них даже жестоко поплатились за то, что вели себя как подобает римлянам по духу и оружию; запертые лесами и болотами, попавшие в западню, они были полностью перебиты теми недругами, которых прежде убивали как скот, так что их жизнь и смерть зависели от их гнева или от их сострадания. (3) У военачальника хватило духа более для того, чтобы умереть, чем для того, чтобы сражаться: ведь он пронзил себя по примеру отца и деда [338]. (4) Что касается двух префектов лагерей, то насколько славным был пример Л. Эггия [339], настолько же позорным - Цейония когда была

потеряна большая часть войска, он решил сдаться, предпочитая кончить жизнь во время казни, чем в бою. Что же касается Нумония Валы [341], легата Вара, человека во всем остальном уравновешенного и честного, то он подал ужасный пример: оставив пехоту, лишенную поддержки конницы, вместе с другими бежал к Рену. Судьба отомстила ему за это: он не пережил покинутых, но был убит как перебежчик. (5) Полусожженное тело Вара было в ярости растерзано врагами. Его отрубленная голова, посланная Марободу и переправленная им Цезарю, была, однако, почетно погребена в родовом склепе [342].

СХХ. При этих новостях [343] Цезарь мчится к отцу: постоянный защитник Римской империи берется за привычное ему дело. Посланный в Германию [344], он укрепляет Галлии, размещает войска, усиливает опорные пункты и, оценивая себя в соответствии со своим величием, а не с самоуверенностью врагов, угрожавших Италии новым нашествием кимвров и тевтонов, переправляется с войском на другой берег Рена [345]. (2) Он ведет войну, тогда как отец и отечество довольствовались тем, что ее отражали, проникает все глубже, строит дороги, опустошает поля, сжигает дома, сметает все на своем пути и с величайшей славой возвращается в зимние лагеря с войском, сохранив всех, кого переправил через реку.

(3) Следует привести правдивое свидетельство о Л. Аспренате [346]: воюя в качестве легата при своем дяде Варе, он энергичными и смелыми действиями двух легионов, которые возглавлял, сохранил войско при этом великом бедствии и, своевременно спустившись в нижние зимние лагеря, укрепил в верности колебавшиеся племена по эту сторону Рена. Некоторые однако считают, что он, хотя и спас живых, присвоил, сколько захотел, из имущества погибших под командованием Вара, сделавшись наследником павшего войска. (4) Достоин похвалы также доблестное поведение префекта лагеря Л. Цецидия [347] и тех, кто был окружен вместе с ним в Ализоне [348]. Преодолев невероятные трудности из-за нехватки необходимого и неодолимости вражеской силы, он, презрев безрассудство планов Вара и медлительность провидения, воспользовался предоставившимся случаем и оружием обеспечил себе возвращение к своим. (5) Из этого видно, что Вару, который бесспорно был человеком серьезных и благих намерений, но погубил себя и превосходнейшее войско, недоставало скорее полководческой мудрости, чем доблести воинов. (6) При виде мучений, которым германцы подвергали пленников [349], замечательный, достойный древности своего рода поступок совершил Кальд Целий: схватив звено цепи, которой был закован, он ударил им себя по голове - сразу вытекли кровь и мозги, и он испустил дух.

СХХI. Императору Тиберию, вступившему в Германию, продолжали сопутствовать доблесть и счастье. Разбив силы врага в сухопутных и морских сражениях, он устранил огромную опасность, возникшую в Галлиях, и раздоры среди черни в Виенне [350], скорее обуздывая, чем карая. И тогда сенат и римский народ своим постановлением предоставили Тиберию по предложению его отца власть над всеми провинциями, равную той, которой [Август] обладал сам [351]; ибо было бы абсурдно, чтобы ему не подчинялись те, кто был им освобожден, (2) и чтобы тот, кто первым отправился на помощь провинциям, не мог претендовать на власть над ними. По возвращении в Рим он отпраздновал над паннонцами и далматами триумф, уже давно ему назначенный, но отложенный по причине непрекращающихся войн [352]. (3) Кто бы удивился великолепию триумфа, если это касается Цезаря? И кто бы, право, не восхитился расположением фортуны? Ведь были только слухи, что все самые известные вражеские вожди не убиты, а во время триумфа мы увидели их в цепях! К этому были причастны я и мой брат, сопровождая [колесницу] среди знаменитых мужей, удостоенных выдающихся наград.

СХХII. Не говоря уже о прочих чертах, среди которых сияет и выделяется исключительная умеренность Тиб. Цезаря, кого не удивит, что, бесспорно заслужив семь триумфов, он довольствовался тремя? В самом деле, у кого возникнет сомнение, что за возвращение Армении, во главе которой он поставил коронованного им собственноручно царя [353], и за упорядочение восточных дел он заслужил овации и что за победу над винделиками и ретами он достоин был вступить в город на колеснице? (2) И затем, после усыновления, когда в ходе трехлетней непрерывной войны были сломлены силы германцев, разве он не был достоин такого же почета? А когда после поражения Вара [totius] [354] была сокрушена та же Германия, разве не триумф должен был стать наградой величайшему полководцу за исход событий, даже более благоприятный, чем ожидали? Но в отношении такого человека не знаешь, чему больше удивляться, тому, что он постоянно превышал меру трудов и опасностей, или тому, что он ограничивал свои почести?

СХХIII. Мы подошли ко времени наивысшего страха. Ведь после того как Цезарь Август послал в Германию своего внука Германика, чтобы погасить последние очаги войны, он вознамерился послать сына Тиберия в Иллирик, чтобы закрепить миром то, что завоевано оружием. Сопровождая Тиберия и предполагая в то же время присутствовать на состязании атлетов, устроенном в его честь неаполитанцами, он прибыл в Кампанию. И хотя уже ощущались признаки слабости и начало ухудшения здоровья, он, собравшись духом для того, чтобы проводить сына, расстался с ним в Беневенте, а сам вернулся в Нолу. И поскольку здоровье его ухудшалось с каждым днем, он, желая оставить все после себя в полной сохранности, знал, кого призвать, и срочно вызывает сына; тот летит к отцу отечества быстрее, чем этого ожидали. (2) Тогда провозгласив, что он спокоен, Август, заключив в объятия своего Тиберия, препоручил ему его и свои собственные дела и уже приготовился к концу, коли того требует рок; поначалу кое-как оправившись при взгляде и словах ободрения столь дорогого человека, он вскоре, когда рок избавил его от всякой заботы, на семьдесят шестом году жизни, в консульство Помпея и Апулея, возвратился к своим началам, вернув небу небесную душу [355].

СХХIV. Не только мне, столь спешащему, но и тому, кто располагает временем, невозможно выразить, каким был тогда ужас у людей, каким - волнение сената, каким - замешательство народа, каким страхом был охвачен Рим, на каком узком рубеже между спасением и гибелью мы тогда находились! Достаточно того, что я передам общее мнение: мы боялись крушения мира, но даже не почувствовали, что он колеблется. Столь огромным было величие одного человека, что ни честным людям... [356] ни против злодеев не понадобилось употреблять оружия. (2) Все государство превратилось в театральную сцену, на которой сенат и римский народ сражались с Цезарем, [добиваясь,] чтобы он наследовал отцовское место, а тот - чтобы ему было дозволено быть гражданином, равным другим, а не принцепсом, возвышающимся над всеми. Наконец, он был побежден скорее доводами разума, чем влечением к должности, поскольку мог видеть, что невзятое им под защиту погибало. И он - единственный, кто отказывался от принцепата едва ли не дольше, чем другие бились с оружием, чтобы его захватить [357].

(3) После того, как его отец ушел к богам и тело его получило человеческие почести, а имя - божеские, первой задачей Тиберия как принцепса было устройство комиций по плану, собственноручно составленному божественным Августом. (4) В то время мне и моему брату довелось быть кандидатами Цезаря, назначенными преторами непосредственно вслед за знатнейшими гражданами и жрецами: и мы были последними кандидатами, предложенными Августом, и первыми, кого рекомендовал Тиберий.

СХХV. Государство сразу же было вознаграждено за свои молитвы и проницательность. Вскоре нам стало ясно, что мы претерпели бы, не добившись Тиберия, и чего мы

достигли, его добившись. Ведь войско, действовавшее в Германии и находившееся под непосредственным командованием Германика, и одновременно легионы, находившиеся в Иллирике, будучи охвачены каким-то бешенством и ненасытной страстью к беспорядкам, потребовали себе нового военачальника, новый устав, новое управление. (2) Они даже осмелились утверждать, что дадут сенату, принцепсу законы, и сами попытались установить себе размер жалования, сроки службы. Прибегли к оружию. Обнажили мечи. И безнаказанность едва не привела к крайним степеням насилия, и не доставало того, кто повел бы против государства, но не тех, кто бы за ним последовал [358]. (3) Однако зрелый опыт военачальника в короткое время все это успокоил и ликвидировал, многое обуздав, кое-что обещав, не теряя своего достоинства, сурово покарвав главных виновников, остальным вынеся мягкое порицание. (4) В то время как Германик в большинстве случаев прибег к прощению, Друз, посланный отцом на такой же пожар военной смуты, вздымавшейся огромным пламенем, прибег к древней, старинной суровости. Конец ситуации, опасной для него и губительной как самим фактом, так и примером, он положил мечами тех же воинов, которыми был осажден. (5) Исключительную помощь в этом ему оказал Юний Блез [359], человек, не знаю, более ли полезный в войну или ценный в мирное время. Несколько лет спустя, являясь проконсулом в Африке, он был провозглашен императором и заслужил триумф. Что касается Испании [360] и войск, находящихся там под командованием имевшего верховную власть [М. Лепида [361], о чьих] доблестях и знаменитых кампаниях в Иллирике мы говорили раньше, то он их содержал в полном мире и спокойствии, поскольку обладал в избытке разумной справедливостью решений и авторитетом для их осуществления. В приморской части Иллирика его старательности и надежности во всем следовал Долабелла, человек благороднейшей простоты.

СХХVI. Нуждаются ли в подробном изложении события этих шестнадцати лет, прошедшие у всех на глазах и запечатлевшиеся в памяти? Цезарь обожестил отца не своей властью, а из чувства благоговения, не провозгласил, а сделал богом [362]. (2) На форум призвано доверие, с форума удален мятеж, с Марсова поля - домогательства [363], из курии - раздоры, и возвращены государству одряхлевшие от долгого бездействия и погребенные правосудие, справедливость, энергия; к магистратам пришел авторитет, к сенату - величие, к судьям - вескость [364]; подавлен театральный мятеж [365]; всем внушено желание или вменено в обязанность поступать правильно: (3) все правое окружено почетом, а дурное наказывается; низший чтит обладающего властью, ко не боится, могущественный идет впереди низшего, но не презирает его. Когда цены на хлеб были умереннее? [366] Когда мир был отраднее? Распространившись до восточных и западных пределов, достигнув самого севера и юга, Августов мир сохранил самые отдаленные уголки всего мира свободными от разбоя. (4) Великодушие принцепса защитило от непредвиденных потерь не только граждан, но в равной степени города. Восстановлены города Азии [367], провинции освобождены от злоупотреблений магистратов [368]; достойным обеспечен заслуженный почет, злодеям - наказание, хоть и запоздавшее; личное благоволение одолено справедливостью, домогательства - доблестью; ведь наилучший принцепс своими поступками побуждает своих граждан действовать правильно, и если он велик в своей власти, то еще более велик своим примером.

СХХVII. Редко выдающиеся мужи для управления тем, что дала им судьба, не пользовались услугами великих помощников, - как оба Сципиона - двумя Лелиями, во всем сравнив их с собой, как божественный Август - М. Агриппой, а после него для того же Статилием Тавром [369], - которым происхождение от новых людей нисколько не помешало неоднократно быть консулами, добиваться триумфов и многочисленных жреческих должностей. (2) И в самом деле, великие дела нуждаются в великих

помощниках (да и для малых дел ощущается их недостаток), и важно для государства, чтобы те, чье использование необходимо, выделялись достоинством и польза подкреплялась бы авторитетом. (3) Следуя этим примерам, Тиб. Цезарь имел и имеет исключительного помощника в несении бремени принципата - Элия Сеяна, отец которого был принцепсом всаднического сословия [370], а мать принадлежала к семьям славного и древнего происхождения, отмеченным почетными отличиями [371]; его братья, родные и двоюродные, а также дядя были консулами, сам же он показал себя очень деятельным и преданным. Его физическая крепость соответствует силе духа. (4) Человек старинной суровости, жизнерадостной веселости, активности, внешне подобной праздности, ничего для себя не добывающийся и в силу этого получающий все, ценящий себя меньше, чем его ценят другие, внешностью и жизнью безмятежный, но неусыпный разумом [372].

СХХVIII. Давно уже в оценке достоинств этого человека мнение сограждан состязается с мнением принцепса. Для сената и римского народа не ново считать наиболее достойное самым знатным. Ведь и те, кто впервые, еще до Пунической войны (триста лет назад), подняли до высшей власти нового человека Тиб. Корункания и наряду со всеми другими почестями наделили его великим понтификатом [373], (2) и те, кто возвеличили консулатом, цензурой, триумфами Сп. Карвилия, рожденного во всадническом сословии [374], а вскоре после него М. Катона, нового поселенца и даже выходца из Гускула, и Муммия Ахейского, (3) и те, кто вплоть до его шестого консульства считали бесспорным принцепсом римского народа Г. Мария, безвестного по происхождению, и те, которые столько воздали М. Туллию, что почти с их одобрения он достиг первенства, которого жаждал, и те, которые не отказали Азинию Поллиону ни в чем из того, что с великими усилиями добывается наизнатнейшими людьми, - все они прекрасно знали: чей дух более доблестен, тому и больше воздается. (4) Подобный пример, достойный подражания, естественно привел Цезаря к мысли проверить Сеяна и возложить на него помощь в несении бремени принцепса; и он убедил сенат и римский народ с готовностью доверить свою безопасность человеку, на деле доказавшему, что лучше всех подходит для этого.

СХХIX. Предложив как бы общую [картину] [375] принципата Тиберия Цезаря, рассмотрим подробности. С каким благоразумием он вызвал в Рим Раскупола, погубителя своего племянника Котиса, с которым он делил ту же власть [376]. В осуществлении этой операции исключительно важной была помощь консуляра Помпония Флакка [377], рожденного для всего, что должно быть выполнено надежно, и благодаря своей неприятзательной доблести всегда заслуживающего славу, но к ней не стремящегося. (2) С какой основательностью Цезарь провел дело [Друза Либона] - как сенатор и судья, а не как принцепс [и правитель], проявив скорее пунктуальность, чем суровость [378]. С какой быстротой неблагодарного, замышлявшего переворот... подавил! Какие уроки он преподавал своему Германику и, дав ему военную выучку во время совместной службы, принял покорителем Германии! Какими почестями он воодушевил юношу во время триумфа, величие которого соответствовало великолепию совершенных им дел. (3) Сколько раз он удостоил народ публичных раздач! С какой охотой (если на то была воля сената) он восполнял у сенаторов ценз, чтобы не возобладали роскошь и честная бедность не пострадала из-за лишения сенаторского достоинства [379]! С каким почетом он отправил своего Германика в заморские провинции [380]! Какими энергичными мерами, какой целебной силой своих решений он, имея помощником и исполнителем своего сына Друза, заставил уйти Маробода, цеплявшегося за рубежи захваченного им царства, - не в обиду его достоинству будь сказано, - словно змея, затаившаяся в земле! Как достойно и в то же время надежно он содержал Маробода [381]! Какую тяжелую войну в Галлиях, развязанную их первым человеком Сакровиром и Юлием Флором, он подавил с такой удивительной быстротой и доблестью, что римский народ раньше узнал о победе, чем о войне: вестник победы прибыл раньше, чем вестники опасности! (4) Равным образом

африканская война, внушавшая не меньший ужас и постоянно расширявшаяся, благодаря его auspiciis и рекомендациям была вскоре похоронена [382].

СXXX. А какие сооружения он воздвиг от своего имени и от имени своих близких! С какой благочестивой, выходящей за пределы человеческой возможности щедростью он возвел храм своему отцу [383]! С каким пылом великодушия он восстановил уничтоженные огнем здания Гн. Помпея! Он считал необходимым взять под свою защиту все, что когда-либо выделялось славой, как бы родственное себе. (2) Какое душевное благородство он проявил в других случаях, как недавно во время пожара на горе Целии [384], возместив ущерб людям всех сословий из собственного имущества! При каком спокойствии людей он осуществил набор войска, предмет постоянного и чрезвычайного страха, без смятения среди набранных! (3) И если дозволит природа и разрешит человеческая посредственность, я осмелюсь вознести вместе с богами жалобу: чем он заслужил, что против него имел преступные планы сначала Друз Либон [385]? Затем [выступившие против него] Силий [386] и Пизон [387], одному из которых он предоставил высшие почести, а другому их приумножил? Чтобы перейти к большему, хотя и это он считал величайшим, - за что он потерял сыновей юношами [388]? За что потерял внука от своего Друза? (4) До сих пор мы говорили о горестном. Теперь надлежит перейти к постыдному! Какие страдания М. Виниций, терзали его душу на протяжении этих трех лет! Каким долго скрываемым и от того еще более жестоким пламенем сжигало ему грудь, когда по вине невестки, когда по вине внука он вынужден был страдать, негодовать, краснеть [389]? К несчастьям этого времени добавилась потеря матери, женщины достойнейшей и во всем более подобной богам, чем людям [390], власть которой никто не чувствовал, разве лишь при избавлении от опасности или повышении в должности.

СXXXI. Труд мне надлежит закончить молитвой. О, Юпитер Капитолийский, и ты, Марс Градив [391], основатель и установитель римского имени [392], и ты, хранительница вечного огня Веста, и вы, все боги, которые распространили мощь Римской империи до крайнего предела земель, вас всенародно заклинаю и молю: охраняйте, сохраняйте, поддерживайте это состояние, этот мир, [этого принцепса] [393] (2), а когда он исполнит долговременную службу смертного, как можно позднее определите ему преемников, да таких, чьи плечи были бы достаточно тверды, чтобы вынести бремя власти над миром, которое, как мы чувствуем, выдерживает он; намерения всех граждан, если они благие [394], [поддержите, если нечестивые - сокрушите!].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об отсутствии *metus hostilis* как причине упадка нравов в Риме после победы над Карфагеном см.: Sall. Cat., 10, 1; Iug., 41, 1; Liv. Praef., 9.

2. а *negotiis in otium*. Противопоставление *negotium - otium*, кроме этого места - [II, 78, 2]. Оно присутствует также у Ливия и у современника Веллея - Валерия Максима (см. Andre J. *Otium chez Valere Maxime et Velleius Paterculus*. - REL, XLIII, 1965, p. 294 sqq.).

3. П. Сципион Назика Коркул, консул 162 и 155 гг. до н. э., цензор 159 г. до н. э. совместно с М. Попилием Ленатом. Помимо упомянутого Веллеем портика он также поставил первые в Риме водяные часы (Varro L. L., VI, 4; Plin. N. H., VII, 215).

4. Двойной портик с бронзовыми капителями на колоннах был воздвигнут Гн. Октавием на Марсовом поле между цирком Фламиния и театром Помпея в память о победе над иллирийским царем Генфием во время Третьей Македонской войны (см. [I, 9, 5]). Это сооружение - свидетельство богатства и могущества «новых людей», к числу которых принадлежал Гн. Октавий.
5. Вириат - вождь восстания местного населения в юго-западной части Испании. В 140 г. до н. э. он вынудил к капитуляции и заключению договора Кв. Фабия Максима Сервилиана. Согласно договору Вириат был объявлен «другом римского народа». Договор не был утвержден сенатом. Возобновилась война, прекращением которой римляне обязаны коварному убийству Вириата по наущению консула 140 г. до н. э. Кв. Сервилия Цепиона.
6. Кв. Помпей, консул 141 г. до н. э., «новый человек» (Cic. Verг., II, 5, 18). Заключенный им договор с нумантийцами (140 г. до н. э.) не был ратифицирован сенатом.
7. Г. Гостилий Манцин, консул 137 г. до н. э. О мире с Нуманцией 136 г. до н. э. см.: Plut. Tib. Gracch., 5; Cic. Off., III, 30; De or., I, 40.
8. В 321 г. до н. э. римское войско попало в ловушку в Кавдинском ущелье, что вынудило консулов Тита Ветурия Кальвина и Спурия Постумия заключить с победителями-самнитами невыгодный для Рима договор. Лица, ответственные за его подписание, были выданы врагу (Liv., IX, 1 sqq.; Cic. Off., III, 30).
9. Нарушители договора наносили оскорбление Fides, богине Верности.
10. В 133 г. до н. э.
11. Это утверждение противоречит сведениям большинства античных авторов, связывающих дарование гражданских прав италикам с программой Г. Гракха и Фульвия Флакка. Однако из изложения Аппианом речи Тиб. Гракха, в которой говорилось о бедственном положении италиков (В. С., I, 9), можно заключить, что в античной традиции имела линия, связывающая изменение положения италиков с именем Тиб. Гракха.
12. В «Р» statum, в «А» factum. Нами принято чтение «Р».
13. П. Корнелий Сципион Назика Серапион, консул 138 г. до н. э.
14. П. Корнелий Сципион Назика, консул 191 г. до н. э., двоюродный брат Африканского. Он был провозглашен *vir bonorum optimus* за то, что в 204 г. до н. э. доставил из Остии в Рим статую «матери богов» (Liv., XXIX, 14).
15. В этой детали Веллей расходится с другими авторами. Согласно Аппиану (В. С., I, 16), Сципион Назика накинул край тоги на голову. По Плутарху (Tib. Gracch, 19), края тоги вокруг левой руки обмотали следовавшие за Сципионом Назикой сенаторы.
16. Аттал III Филометор умер в 133 г. до н. э., не оставив наследников. Неясно, завещал ли он свое царство Риму сам или завещание было подделано.
17. Аристоник был незаконным сыном Эвмена II. Объединив под своей властью всех недовольных, он обещал им создание справедливого государства, государства Солнца.

18. М. Перпенна, консул 130 г. до н. э., победивший Аристонику и взявший его в плен. Поскольку после этого он умер, войну со сторонниками Аристонику завершил Маний Аквиллий, консул 129 г. до н. э., который и провел Аристонику в своей триумфальной процессии.
19. П. Лициний Красс Муциан, консул 131 г. до н. э.
20. Г. Папирий Карбон, народный трибун 131 г. до н. э.
21. В таком выносе тела не было ничего необычного. Ср. *Aug. Victor*, 58: *obvoluto capite elatus est*. Противопоставлением *velato capite - extulerat caput* достигается риторический эффект.
22. П. Корнелия Сципиона Африканского.
23. Децим Юний Брут, консул 138 г. до н. э. Он получил когномен *Gallaecus* за покорение в 142-143 гг. до н. э. Галикии, западной части Тарраконской Испании.
24. Кв. Цецилий Метелл Македонский воевал с кельтиберами в 144-143 гг. до н. э.
25. Город в Таррагонской Испании, к югу от Сарагоссы.
26. Кв. Фабий Эмилиан (сын Эмилия Павла и родной брат Сципиона Эмилиана), консул 145 г. до н. э., возглавивший вместе с Л. Гостилием Манцином войну против Вириата в Испании, куда он прибыл в качестве легата своего брата.
27. По свидетельству Цицерона (*Brut.*, 126), Г. Гракх не имел себе равных в красноречии. Авл Геллий указывает, что, по мнению некоторых, Г. Гракх был как оратор выше самого Цицерона (*N. A.*, X, 3, 1).
28. В 123 г. до н. э.
29. Народный трибун Г. Лициний Столон внес предложение об ограничении пользования *ager publicus* в 375 г. до н. э.
30. *armatos* исправление Геления. В «А» и «Р» - *armatus*.
31. Гораций Коклес, согласно преданию, один сдерживал на мосту через Тибр войско царя Порсены.
32. «Опимианское вино» - поговорка в значении «старинное, прекрасное, ныне не существующее вино». Тримальхион угощал на своем пиру «Опимианским фалерном» - в смысле «птичьим молоком» - *Petr. Sat.*, XXIV.
33. Отрывок от слов: «К вредоноснейшим» до «участия в переписи» помещен в «А» и в «Р» перед 15-й главой. В XIX в. издатели переместили его в 7-ю главу, где он кажется менее чужеродным.
34. В 122 г. до н. э. под названием *Iunonia*.
35. См. [I, 15, 5]. Повторение здесь является логичным, поскольку дата основания Карфагена указывает на время вызова граждан для участия в цензе.

36. В 115 г. до н. э. Г. Цецилий Метелл Капрарий отмечал триумф за победу над фракийцами, а М. Цецилий Метелл (консул 115 г. до н. э.) - за победу над сардами.
37. Кв. Фульвий Флакк, консул (в третий раз) 212 г. до н. э.
38. Л. Манлий Ацидин Фульвиан и Кв. Фульвий Флакк, консулы 179 г. до н. э.
39. Речь в первом случае идет о цензуре Г. Цецилия Метелла Капрария и Кв. Цецилия Метелла Нумидийского в 104 г. до н. э., а во втором случае о цензуре П. и Л. Корнелиев Сципионов в 340 г. до н. э.
40. М. Минуций Руф, консул 110 г. до н. э. Триумф над скордисками (кельтское племя в Паннонии) относится к 106 г. до н. э. Портик, служивший для хлебных раздач, был сооружен около 100 г. до н. э. на Марсовом поле, между цирком Фламиния и Тибром.
41. Сервий Сульпиций Гальба, консул 144 г. до н. э. О нем как об ораторе см. Cic. Brut., 86 sqq.; Liv., XLV, 35 sqq.
42. Г. Фанний, консул 122 г. до н. э., оратор и автор «Анналов» (см. Cic. Brut., 99 sqq.).
43. Г. Папирий Карбон, консул 120 г. до н. э. (см. выше [прим. 17]).
44. Известны два оратора с этим именем, М. Эмилий Скавр, консул 115 г. до н. э., глава оптиматов (Cic. Brut., 110-116) и М. Аврелий Скавр, консул 108 г. до н. э. (Cic. Brut., 139-144).
45. Л. Лициний Красс, консул 95 г. до н. э. О нем как об ораторе см. Cic. Brut., 162.
46. М. Антоний (143-87 гг. до н. э.) - политический деятель и оратор (см. Cic. Brut., 139-144).
47. Г. Юлий Вописк Цезарь Страбон, оратор, видный сторонник оптиматов, павший жертвой проскрипций Г. Мария в 87 г. до н. э. (Cic. Brut., 177).
48. П. Сульпиций (см. [II, 18, 5]). О нем как об ораторе см. Cic. Brut., 203.
49. Кв. Муций Сцевола, консул 95 г. до н. э., сторонник оптиматов, пал жертвой проскрипций Г. Мария Младшего в 82 г. до н. э.
50. Л. Афраний, латинский поэт, автор *comediae togatae*. Цицерон называет его «остроумнейшим поэтом, речистым даже в своих комедиях» (Brut., 167).
51. М. Пакувий (ок. 220-130 гг. до н. э.) латинский драматург, автор двенадцати трагедий и одной претексты. Оценку его творчества см. Cic. De or., III, 27; Hor. Ep., II, 1, 56.
52. Л. Акций (170-85 гг. до н. э.), латинский трагический поэт.
53. Г. Луцилий (ок. 168-102 гг. до н. э.), знаменитый римский сатирик. О нем см. Gell., XVII, 21, 49; Cic. De or., II, 284.

54. Л. Корнелий Сизенна (ок. 120-67 гг. до н. э.), претор 78 г. до н. э., защитник Г. Верреса в процессе, прославившем Цицерона. «История» Сизенны насчитывала 12 книг и охватывала период с 90 до 82 гг. до н. э.
55. Л. Целий Антипатр, автор исторической монографии о войне Рима с Ганнибалом (см. Cic. Brut., 102).
56. П. Рутилий Руф, консул 105 г. до н. э., философ-стоик и писатель, автор воспоминаний о своей бурной жизни (см. Cic. Brut., 113-115; Val. Max., II, 10, 5).
57. Кв. Клавдий Квадригарий, автор «Анналов» в 23 книгах, крупнейший историк Рима до Тита Ливия. Его труд был одним из источников Ливия (см. фрагменты его труда: Peter H. HRR, p. 238-245).
58. Валерий Антиат, современник Клавдия Квадригария, автор «Анналов» не менее чем в 75 книгах, наиболее часто цитируемый Ливием историк.
59. Л. Помпоний из Бононии (первая половина I в. до н. э.), автор *fabulae atellanae*. Его нельзя назвать изобретателем нового жанра, поскольку он лишь придумал литературную форму народным сценкам (см. о нем Macr. Sat., VI, 9, 4).
60. Цензоры 125 г. до н. э. Таким образом, Веллей ошибается в датировке их цензуры на пять лет.
61. Гн. Домиций Агенобарб, консул 122 г. до н. э., победил аллоброгов, а затем совместно с преемником по консулату Кв. Фабием Максимом - аллоброгов и арвернов.
62. Кв. Фабий Максим, консул 121 г. до н. э., внук Эмилия Павла павшего в битве при Каннах, и сын Эмилия Павла, победителя Персея.
63. В «А» и «Р» *natus equestri loco*. Некоторые издатели, начиная с Фоссия, безосновательно предлагают читать *agresti loco*.
64. Ср. Sall. Jug., 64 - *superbia commune nobilitatis malum*.
65. Между 123 и 109 гг. до н. э. шесть Метеллов были консулами и цензорами, однако триумф отмечали лишь пять Метеллов.
66. Слова *praesaventibus fati* (предостережение судьбы) следует понимать в том смысле, что судьба предупредила, что в будущем Сулла будет удачливым соперником Мария.
67. Бокх - царь Мавритании, выдавший римлянам своего зятя Югурту.
68. Сначала был разбит претор Гн. Папирий Карбон (см. о нем [II, 4, 4]), в 109 г. до н. э. - консул М. Юний Силан, в 107 г. до н. э. были разгромлены Кассий Лонгин и Кв. Сервий Цепион, избранный консулом на 106 г. до н. э.; Маллий Максим, консул 105 г. до н. э., потерпел поражение в битве при Араузионе. М. Аврелий Скавр, консул-суффект 108 г. до н. э., легат 106 г. до н. э., в этой же битве попал в плен к кимврам и был ими убит.
69. Гн. Домиций Агенобарб, народный трибун 104 г. до н. э. Со 103 г. до н. э. до кончины (около 99 г. до н. э.) - великий понтифик *Lex Domitia* относится к 104 г. до н. э.

70. Ср. App. В. С., I, 32, где дается несколько иное освещение деятельности Сервилия Главции и Апулея Сатурнина.

71. В «А» и «Р» - modicam. Хальм и вслед за ним Стегман вносят неоправданное исправление inmodicam.

72. Слова *area domus suae* могут быть поняты лишь путем сопоставления с другими контекстами употребления слова *area*. *Area templi* - участок перед храмом, двор, составляющий вместе со зданием неотъемлемую часть святилища (Macr. Sat., III, 4, 2). Юристы рассматривают *area* как участок, прилегающий к дому (Dig., 19, 2, 57). Он может отдаваться в наем; рассматривается возможность возведения построек на чужой *area* (Dig., 12, 6, 33). На нем разбивались огороды и сады, могли совершаться захоронения. Слово *area* представляет собой древний культурный термин, обозначающий незастроенную часть в планировке большого дома: ср. лидийскую сакральную формулу *aarao; biraο; -k* - двору и дому, где *bira* - средиземноморский строительный термин, видимо, вытеснивший индоевропейское название дома, постройки. По Фесту, *area* находится перед зданием, имея в центре атрий. По Плинию Младшему (II, 17, 4), *area* замыкается атрием и портиком. Все эти данные позволяют определить место гибели Ливия Друза: он был убит во дворе, не успев пройти внутрь здания. Сенека (Ad. Luc., 16, 4) говорит о гибели Друза *intra penates*, т. е. в атрии. Эллегар, следуя за Сенекой, переводит: *dans le vestibule* (Hellegouarc'h J. Vell. Patercul., p. 20). Но контекст Веллея не так однозначен, поэтому перевод «во дворе» предпочтителен. Правда, вариант *in atrio* появляется среди разночтений «А» и косвенно поддерживается «Р» (при всех его недостатках), однако ставится под сомнение большинством издателей [*].

* Комментарий к II, 14, 1 под сноской 72 принадлежит В. Л. Цымбурскому.

73. Очевидно, М. Целий Руф (Цензорин?), народный трибун 52 г. до н. э.

74. Т. Стабий Тавр Сизенна, консул 26 г. до н. э. Из надписей известно о его поместьях в Северной Италии и Далмации (CIL, 322; 409; 878). Свидетельство Веллея о доме Сизенны в Риме уникально.

75. Попедий (или Помпедий) Силон, из племени марсов, один из главных предводителей италиков.

76. Азиний Герий, дед знаменитого впоследствии Азиния Поллиона, один из предводителей италиков: Liv. Ep., 73; Eutrop., V, 3, 1.

77. Инстей Катон упомянут только Веллеи Патеркулом. Поэтому не исключено, что здесь ошибка переписчика и следует читать *Vettius Scato*. П. Веттий Скатон был предводителем пелигнов; см. App. В. С., I, 42; 191; 193.

78. Гай Понтидий, предводитель марсов. Аппиан называет его ошибочно Понтием (В. С., I, 40).

79. *Cosa* в «А» и «Р». *Compsa* - бесспорная эмендация Фоссия.

80. О существовании у Гортензия «Анналов» упоминает один Веллей.

81. *Сагум* - короткий плащ, символизирующий военную принадлежность, подобно тому как *тога* - мирную и гражданскую.

82. Маний Аквиллий, в 89 г. до н. э. легат со специальными полномочиями, был одним из зачинщиков войны с Митридатом VI Евпатором.
83. Теофан, советник Гн. Помпея Магна, был уроженцем Митилены, главного города Лесбоса.
84. П. Сульпиций Руф, народный трибун 88 г. до н. э., в недавнем прошлом сторонник Ливия Друза Младшего. О разносторонней политической и законодательной деятельности Сульпиция Руфа см. также Liv. Ep., LXXVII; Ascon. In Cornel., 64; Plut. Sylla, 8; App. B. C., I, 55. О Сульпиции Руфе как ораторе см. [II, 9, 2;] [36, 2.
-]85. Квинт Помпей Руф, сын Кв. Помпея Руфа, консула 88 г. до н. э., был убит солдатами Сульпиция Руфа за слишком вольный характер речи (App. B. C., I, 55).
86. В 88 г. до н. э.
87. Дуумвир - главная должность в римских колониях, к числу которых относились Минтурны. Дуумвиров было, как консулов в Риме, двое.
88. Древнее, видимо этрусское, название острова в Неаполитанском заливе, известного грекам как Питекуссы.
89. Кв. Помпей Руф (см. также II, [17, 1]; [18, 6]) - консул 88 г. до н. э.
90. Гн. Помпей Страбон (см. также II, [15, 3]; [16, 4]; [29, 1]) - отец Магна, квестор 104 г. до н. э., претор 92 г. до н. э. Имел репутацию жадного и коварного человека. Ср. Cic. Brut., 47; Flor., II, 6, 14.
91. Л. Корнелий Цинна (см. также II, [22, 2] sqq.; [23, 1] sqq.; [24, 5]) - претор 90 г. до н. э., консул 87, 85 гг. до н. э., глава партии популяров. Ср. App. B. C., 63-78.
92. О Марке Антонии как ораторе см. Cic. De or., I, 38, 172.
93. Кв. Лутаций Катул, консул 102 г. до н. э. Подробнее см. Cic. De nat. deor., III, 9; Tusc., V, 56; Plut. Mag., 44.
94. Л. Валерий Флакк, претор 92 г. до н. э. С 87 г. до н. э. - сторонник Г. Мария, автор самого радикального за последние два столетия Римской республики закона против ростовщичества (ср. Sall. Cat., 33, 2); в 85 г. до н. э. был убит в Азии взбунтовавшимися легионерами по наущению легата Г. Флавия Фимбрии; см. App. Mithr., 51 sqq.
95. Подробнее об условиях Дарданского мира см. Plut. Sylla, 24.
96. Ср. Plut. Sylla, 25.
97. Плутарх (Sylla, 5) относит встречу Суллы с послами парфянского царя ко времени, предшествующему войне Рима с Митридатом.
98. В начале 84 г. до н. э. в г. Анконе во время набора войска для похода против Суллы.
99. ac iustissimo - испорченное место. Передается общий смысл.

100. Остатки надписи. См. CIL, 3828. Впоследствии император Веспасиан подтвердил пожертвования Суллы (CIL, 3933; 4564).
101. Гн. Папирий Карбон. См. II, 24, 5.
102. Г. Марий Младший, сын Г. Мария и Юлии.
103. Один из древнейших городов Лация, в 32 км к востоку от Рима.
104. Л. Юний Брут Дамасипп. О нем см. Oros, V, 20, 4 и др.
105. Л. Домиций Агенобарб, консул 97 г. до н. э.
106. Кв. Муций Сцевола (авгур), консул 117 г. до н. э. См. II, [9, 2].
107. П. Антистий, народный трибун 88 г. до н. э., эдил 86 г. до н. э.
108. Л. Кальпурний Бестия, народный трибун 121 г. до н. э, консул 111 г. до н. э. См. Sall. Jug, 27, 4-29, 7; App. B. C., I, 167.
109. Сражение произошло в десяти стадиях от Коллинских ворот (Plut. Sylla, 28-29).
110. Подземные ходы в Пренесте следует рассматривать как наследие времен владычества этрусков, соорудивших их в Вейях и в других городах.
111. См. Plut. Sylla, 29; 33.
112. Испорченное место. Вслед за Эллегуаром (Op. cit., p. 246) мы читаем это место не praetor, а postea.
113. Поселение на Эмилиевой дороге, где в 82 г. до н. э. были разбиты марианцы (Liv. Ep., 88; Plut. Sylla, 27).
114. Сулла получил титул dictator legibus perferendis constituendis Rei publicae, отражавший отличие его власти от полномочий предшествующих диктаторов.
115. Histrioni ex albo redditur - эмендация Грановия и Моммзена. В списках - MAP - historiarum ex alto. Место, сложное для понимания.
116. Подробнее о проскрипциях Суллы см. App. B. C., I, 95-96; Plut. Sylla, 31.
117. См. Plut. Pomp., 6. «А» и «Р» - firmum. Firmum как топоним - эмендация Карфферта.
118. Племянница автора сатир Г. Луцилия.
119. Здесь некоторые издатели предполагают лауну. В несохранившемся отрывке могло говориться о войне против Сертория.
120. В «А» и «Р» Etoscae. Oscae - чтение издателей Альда (1571 г.) и Пугеана (1608 г.).
121. Эта фразеология, на наш взгляд, содержит намек на первый триумф Помпея в 79 г. до н. э., опущенный в предшествующем изложении.

122. В «А» и «Р» *in iure*. Мы принимаем эмендацию К. Штегмана *sine re*.
123. В тексте - *fugitivi*.
124. В тексте XLACCC. Мы принимаем чтение издателя Ж. Эллегуара XLIX.
125. В «А» и «Р» - *per omnia maiore vi habebatur*. Хейнсий (1678 г.) предложил исправить *maiore vi* на *maior civi*. Мы оставляем чтение «А» и «Р».
126. В «А» и «Р» - *biennium*. Но чрезвычайные полномочия для борьбы с пиратами были даны претору 74 г. до н. э., поэтому поправку Краузе (1800 г.) - *septennium* - мы считаем бесспорной.
127. М. Антоний (шутливое прозвище - «Критский»), претор 74 г. до н. э., но сохранявший свои проконсульские полномочия в 73-71 гг. до н. э., был разбит на Крите и там умер. Отец триумвира.
128. В «А» *sed interdum levat ut exemplo nocet*. Мы не считаем это место испорченным; выпало лишь второе *interdum*: *sed interdum levat, ut interdum exemplo nocet*.
129. Квинт Лутаций Катул, консул 76 г. до н. э. Данный эпизод относится к 67 г. до н. э., когда законопроектом А. Габиния предоставлялось не только командование флотом, но и неограниченные полномочия во всех провинциях (Plut. Pomp., 25; Dio Cass., XXXVI, 30).
130. Л. Аврелий Котта, претор 70 г. до н. э., консул 65 г. до н. э.
131. Закон Л. Росция Отона о выделении всадникам особых мест в театре относится к 67 г. до н. э.
132. Согласно Плутарху, «Ксерксом в тоге» Лукулла называл стоик Туберон (Luc., 39). Но последний умер до Митридатовых войн, и речь может идти о сыне стоика Туберона Кв. Эллии Тубероне, авторе юридических сочинений и истории не менее чем в 14 книгах. Возможно, историк Туберон называл Лукулла «римским Ксерксом» не от своего имени, а так же, как Веллей, со ссылкой на Помпея.
133. Квинт Цецилий Метелл Македоник Кретик, консул 69 г. до н. э., противник Помпея. Флор (I, 42, 6) излагает мотивы поведения Помпея иначе, объясняя его вмешательство стремлением спасти побежденных критян от жестокости Метелла.
134. Если Вергилий устами своего героя еще утверждал интеллектуальное превосходство «других», т. е. греков, скромно оставляя римлянам лишь войну и политику (Aen., VI, 847), то литература времени Августа давала основание Веллею ставить римские таланты наравне с греческими и считать, что Цицерон был первым из тех, кто обеспечил это равенство.
135. Веллей Патеркул, видимо, умышленно прячет под словом «сенаторы» Гая Юлия Цезаря, инициатора указанного предложения. Последующая фраза содержит намек на того же Цезаря, которого некоторые считали тайно примыкающим к заговору.
136. В «А» и «Р» - *Catonem Cottam* - эмендация Альда.

137. Г. Сульпиций Гальба, тесть Г. Гракха, продолжавший после смерти последнего осуществлять его реформы. О Г. Сульпиции Гальбе как ораторе см. Cic. Brut., 127 sqq.
138. М. Калидий, претор 57 г. до н. э. Выступал за возвращение Цицерона из изгнания. Принадлежал к ораторам-аттицистам. О нем как о выдающемся ораторе см. Cic. Brut., 274-278.
139. М. Целий Руф, народный трибун 52 г. до н. э. Кроме Веллея Патеркула, никто не говорил о Целии как о выдающемся ораторе.
140. Публий Лициний Мацер Кальв, выдающийся оратор и историк, сторонник популяров. См. Sall. Hist., III, 48; Cic. Att., I, 2, 4; Plut. Cic., 9, 2.
141. Валерий Мессала Корвин, известный оратор, сторонник Брута и Кассия. См. II, [71, 1]; [84, 1]; [112, 1].
142. Трудно сказать, имеется ли в виду знаменитый политический деятель и ученый М. Теренций Варрон (ок. 116-27 гг. до н. э.) - стихами были написаны его «Менипповы сатиры» в 40 книгах, а также «Поэмы» в 10 книгах, - или П. Теренций Варрон Атацин.
143. Испорченное место.
144. Г. Рабирий, автор поэмы «Об Александрийской войне». Цицерону он известен как философ (Acad., I, 5).
145. Знаменателен пропуск Горация, как в I, 17 - Плавта.
146. Stipendiaria facta - эмендация Америкса. В «А» и «Р» - stipendia facta.
147. Сицилия стала римской провинцией во время Второй Пунической войны, при консулах М. Клавдии Марцелле и М. Валерии Левине, в 210 г. до н. э.
148. Провинция Африка создана из бывших владений Карфагена в Ливии в 146 г. до н. э.
149. Консульство Т. Манлия в 234 г. до н. э.
150. О закрытии храма Януса см. также Flog., II, 34, 64.
151. Согласно вычислениям Веллея Патеркула (если брать точкой отсчета 30 г. н. э. как дату написания труда), экспедиция братьев Сципионов в Иберию должна была состояться в 220 г. до н. э., т. е. до начала Второй Пунической войны, что является ошибкой в хронологии.
152. Превращение Македонии в римскую провинцию в 148 г. до н. э., после подавления восстания Андриска, выдавшего себя за сына Персея Филиппа. Эмилий Павел, разбивший Персея, оставил Македонию независимой от Рима, но разбил ее на четыре части с главными городами.
153. О Л. Муммии см. также I, [12, 1] и [5]; I, [13, 1] и [2], [4]; II, [128, 2].
154. Квинт Фульвий Нобилиор, консул 153 г. до н. э., цензор 136 г. до н. э. вместе с Аппием Клавдием Пульхром.

155. После битвы при Магнезии в 190 г. до н. э.
156. Провинция Азия со 130 г. до н. э.
157. Квинт Цецилий Метелл покорил Крит в 69-67 гг. до н. э., подавив сопротивление его населения.
158. Omissimus - эмендация Гейнсия. В «А» и «Р» - amissimus.
159. В «А» и «Р» - Ignavum. Эмендация Альда - in aetarium.
160. Лакуна в тексте. Речь, видимо, шла о превращении Нумидии в провинцию и о присвоении Метеллу почетного титула Нумидик.
161. Винделики (Vindelici), также Vindolici, Vindalici - кельтская народность в приальпийской области. Область винделиков была присоединена к Риму в результате походов Тиберия и Друза. В 15 г. до н. э. она была не провинцией, а военным округом (см. CIL, IX, 3044).
162. Норики - одна из иллирийских народностей, обитавшая к востоку от Альп. Ее имя получила провинция Норик (Noricum), образованная около 10 г. до н. э.
163. Гениохи - народность, обитавшая на западном побережье Кавказа южнее керкетов и севернее ахеев. Римское войско вряд ли входило в землю гениохов, но римский флот мог иметь столкновение с флотом гениохов, известных античной традиции как пираты.
164. Ахеи - народность, обитавшая на западном побережье Кавказа, севернее колхов. Античные авторы по созвучию имен отождествляли кавказских ахеев с микенскими ахейцами (Strab., IX, 2, 42; XI, 2, 1).
165. Фарнак поднял восстание против Митридата, вынудив его покончить жизнь самоубийством, после чего был признан Римом в качестве дружественного и союзного царя Боспора.
166. Тит Амий Бальб и Тит Лабиен - народные трибуны 63 г. до н. э. Ср. Dio Cass., XXXVII, 21, 3. О других законах Лабиена, без участия Тита Ампия, см. Cic. Pro Rab., 6, 14; Dio Cass., XXXVII, 37, 1.
167. По свидетельству Плутарха, Лукулл обвинил Помпея в том, что он отменил его распоряжения в Азии. Под «частью оптиматов» следует понимать Катона Младшего, поддерживавшего Лукулла (Plut. Pomp., 46).
168. Вопреки Веллею, Плутарх утверждал, что плененные пираты содержались в городской тюрьме Пергама (Plut. Caes., 2, 5).
169. Плутарх (Caes., 2, 5), как и Веллей, не указывает имени Юнка. Когномен iuncus известен в семьях Эмилиев, Клавдиев, Юниев.
170. Цезарь был кооптирован в коллегию понтификов в 73 г. до н. э. вместо умершего дяди Аврелия Котты, консула 75 г. до н. э. (Plut. Caes., 1, 2).

171. По первом прибытии в Рим в 78 г. до н. э. Цезарь, которому тогда шел 21-й год, привлек к суду по обвинению в вымогательствах в провинции видного сулланца Гн. Корнелия Долабеллу. Защитниками Долабеллы в судебном процессе выступили опытные ораторы Г. Аврелий Котта и Кв. Гортензий. Обвиняемый был оправдан (Plut. Caes., 4; Tac. Dial., 34; Suet. Caes., 4, 1).

172. В 63 г. до н. э. после смерти великого понтифика Кв. Метелла Пия на должность великого понтифика, кроме Кв. Лутация Катула, консула 78 г. до н. э., претендовал П. Сервилий Ватия Исаврик, консул 79 г. до н. э. При этом Катул пытался подкупить Цезаря, чтобы тот снял свою кандидатуру (Plut. Caes., 7, 1; Suet. Caes., 13; Dio Cass., XXXVII, 7, 2).

173. Имеется в виду проквесторство и пропреторство Цезаря в 64 и 62-61 гг. до н. э.

174. *potentiae societas* - согласно современной терминологии - «первый триумвират». Термин *societas* присутствует также у Светония (Caes., 19). Варрон назвал его «трехглавие» (Varr. ap. App. B. C., II, 9). У Т. Ливия триумвират назван «заговором трех принцепсов государства» (Per., 103).

175. Закон был предложен и принят 1 мая 59 г. до н. э. Согласно ему, земля для оккупации была роздана гражданам, имеющим троих детей. Этим Цезарь обеспечил себе поддержку 20 тысяч колонистов - столько было отцов, имевших троих детей. Ср. App. B. C., II, 10; Suet. Caes., 20, 3.

176. О наказании Капуи см. Cic. Leg. Agr., I, 19, 2; Liv., XXVI, 16. Оставшиеся в городе жители были разделены на паги (см. CIL, 10, p. 367). Веллеева дата превращения Капуи в префектуру неточна. Это произошло в 211 г. до н. э., а не в 183 г. до н. э., как подсчитал Веллей.

177. При поддержке Помпея по Ватиниеву закону (конец апреля 59 г. до н. э.) Цезарь получил Цизальпийскую Галлию и Иллирик, но затем сенат добавил ему Трансальпийскую Галлию.

178. Имеется в виду проникновение Клодия в дом супруги великого понтифика Цезаря во время праздника Доброй богини (см. Cic. Att., I, 12, 3; Plut. Cic., 28; Caes., 10). Характеристика Клодия сходна с той, которую Саллюстий дал Курию (Sall. Cat., 23, 10).

179. Веллей сохранил точную формулировку закона (*lex Clodia*), принятого в феврале 58 г. до н. э.

180. В «А» и «Р» *victus pars* - явная описка. Мы принимаем вслед за К. Штегманом *vetus pars*, соответствующее тому, что это было второе консульство (55 г. до н. э.) Помпея и Красса. Первое их консульство было в 70 г. до н. э.

181. После встречи триумвиров в Луке по закону народного трибуна Требония Крассу досталась по жребию Сирия, а Помпею две Испании, объединенные в одну провинцию (См. Cic. Att., IV, 10, 2; Plut. Pomp., 52, 4; Caes., 21; Crass., 15, 7; Cat. Min., 43, 4).

182. Ср. Flor., II, 46, 3, где говорится о предзнаменованиях только трибуна Мартелла. Плутарх, напротив, сообщает о совместных действиях всех трибунов, но называет имя лишь одного из них - Г. Атея Капитона (Plut. Crass., 16, 4). У Диона Кассия действуют народные трибуны Г. Атей Капитон и П. Аквиллий Галл (Dio Cass., XXXIX, 32, 3).

183. Веллей намекает на то, что Лентул стремился любыми путями избавиться от обременявших его долгов и в этих обстоятельствах мог пожертвовать государством.
184. Домиций был послан в Корфиний принять у Цезаря, вступавшего в Италию, его полномочия (App. В. С., II, 38).
185. В этом беглом изложении выпали факты долгих и упорных сражений Цезаря с легионами Помпея, когда он не раз терпел поражения и даже обращался в бегство (см. App. В. С., II, 42-43).
186. Упоминание сословий означает, что Цезарь предоставлял право выбора не всем воинам, а только тем, которые принадлежали к сенаторскому и всадническому сословиям.
187. То есть зимой нового года, что обеспечило кораблям Цезаря беспрепятственный проход.
188. Л. Корнелий Бальб, родом из Гадеса, за свои заслуги в Серторианской войне переведен в Рим, где получил римское гражданство. С 49 г. до н. э. он находился при Цезаре, выполняя его дипломатические поручения в Александрии и в Испании. Бальб был автором недошедшего до нас труда исторического или мемуарного характера, отрывок из которого сохранил Светоний (Suet. Caes., 81 = Corn. Balb., frg. 1). Сведения Веллея о подвиге Бальба могут восходить либо непосредственно к труду последнего, либо к труду автора, пользовавшегося сочинением Бальба. Скорее всего, это был Азиний Поллион.
189. Далее следует лакуна, которую издатель Рунк заполнил, опираясь на Suet. Caes., 75, 2; App. В. С., II, 80 - praesones, clamantes «Parce civibus» - «по сторонам глашатаев, восклицających: „Пощади граждан!“». Для этого ему пришлось вставить слово “ut” и превратить partis в “partes”». Это толкование сомнительно, поскольку отсутствует слово военной терминологии, о котором выше говорит Веллей. Как мы полагаем, лакуна была довольно значительной. Ибо первая, следующая за нею фраза о Бруте предполагает, что в утраченном месте говорилось также о поисках Цезарем Брута с целью его спасти (ср. App. В. С., II, 113).
190. alteri mortuo - вставка Юста Липсия.
191. С весны 47 г. до н. э. и до апреля 46 г. до н. э., когда Катон Младший кончил жизнь самоубийством, он командовал римским гарнизоном в г. Утика.
192. Битва при Мунде в 45 г. до н. э.
193. Это место может быть понято лишь из более подробных изложений последнего года пребывания Цезаря у власти. Брут и Кассий одновременно домогались высокой должности городского претора. Она была передана Бруту. При этом последнему была обещана должность консула через три года, и он не испытывал благодарности из-за такой отсрочки. Кассий же был обижен тем, что его обошли (Plut. Caes., 72).
194. Праздник Луперкалий отмечался 15 февраля, и этот эпизод отделял от убийства Цезаря всего один месяц.
195. Как консул-суффект, еще не вступивший в права, Долабелла не мог носить консульские инсигнии, но из-за чрезвычайности обстоятельств пренебрег этой формальностью.

196. Постановление, принятое после изгнания Тридцати тиранов в 401 г. до н. э., приведенное Цицероном (Cic. Phil., I, 1; Dio Cass., XLIV, 23).
197. В «А» и «Р» *praevenit*; издатель Хейнсиус (1678 г.), считая написание ошибочным, предложил читать *praenitet*. Эта эмendaция принята Штегманом и другими издателями. Мы возвращаемся к первому изданию. Веллей считает своим предшественником в написании биографии Августа его самого, и это в полной мере согласуется с последующим текстом, обнаруживающим текстуальные совпадения с биографическими данными У Светония (Suet. Aug., 3), где также имеется ссылка на труд Августа.
198. Атия была дочерью Юлии, сестры Гая Цезаря, и М. Атия Бальба, родом по отцу из Ариции. Веллей не без умысла опускает имя деда по материнской линии, якобы владельца пекарни или лавки по продаже мазей (Suet. Aug., 4).
199. В год смерти отца будущему Августу было четыре года (Suet. Aug., 8).
200. Сальвидиен Руф, римский всадник, друг юности Октавия, сопровождавший его в Аполлонию; М. Випсаний Агриппа, римский всадник, соученик Августа, сопровождавший его в поездках в Испанию и Аполлонию.
201. Опа - римская богиня плодородия и урожая; ее храмы находились на Капитолии и на форуме.
202. Сомнительное место, в «А» и «Р» - *civitatibusque*. Большинство исследователей принимают поправку издателя Рункена - *vitiatisque*. Мы, вслед за Эллегуаром, сохраняем *civitatibusque* в смысле «внесением новых граждан».
203. *Privato consilio* - выражение, засвидетельствованное в *Res Gestae Divi Augusti*, что указывает либо на непосредственное знакомство Веллея с этой надписью, либо на то, что оно присутствовало и в автобиографическом труде Августа.
204. На самом деле он направился в Кампанию, где в Калатии и КизиLINE находились ветераны Цезаря (Nic. Dam., 31).
205. В бою погиб Гирций. От ран умер Панса. Ходили слухи, будто Октавий был причастен к смерти Пансы (Suet. Aug., 11; Tac. Ann., I, 10).
206. Ср. App. B. C., III, 86; Dio Cass., LVI, 40-41 - т. е. получили одобрение и награду лишь Марсов и четвертый легионы, перешедшие на сторону сената и его уполномоченного Г. Октавия, а не те, которые последний набрал сам и то в половинном размере по сравнению с той суммой, которую им обещал Г. Октавий. Это было открытое оскорбление Октавия, одновременно знаменовавшее конфликт между сенатом и войском.
207. Ср. Cic. Fam., XI, 20, 3 - *laudandum adolescentem; ornandum, tollendum*. Глагол *tollere* наряду со значением «возвеличивать» имеет смысл «устранить с пути», «лишить жизни». Таким образом, внешне всецело поддерживая Г. Октавия и вознося ему хвалу, Цицерон намекал на необходимость устранения наследника Цезаря, и этот намек был понят Г. Октавием, выразившим недовольство своим покровителем и заявившим, что он не допустит того, о чем говорит Цицерон (Cic. Fam., XI, 20, 1).
208. М. Ювенций Латеренс, стойкий республиканец, противник Цезаря и Антония. Описанный Веллеем эпизод относится к 43 г. до н. э., когда Латеренс был легатом Лепида.

209. Тит Мунаций Планк Бурса, народный трибун 52 г. до н. э.
210. Первое упоминание Азиния Поллиона как политического деятеля (см. II, [73, 2]; [76, 2]; [86, 3]; [128, 3]).
211. Камел (или Камен) - вождь кельтского племени секванов.
212. См. подробнее App. В. С., III, 96, где сообщается о том, что Брут случайно оказался у Камела и был умерщвлен им по приказу Антония.
213. Тиберий Канутий, народный трибун 44 г. до н. э., противник Антония, а затем и Октавиана.
214. Веллей употребляет по отношению к союзу Октавиана, Антония и Лепида (второй триумвират) то же выражение, что и в отношении союза Цезаря, Помпея и Красса.
215. П. Вентидий был проведен в числе пленников Пицена в триумфе Помпея Страбона (79 г. до н. э.). Цезарь сделал его претором. После смерти Цезаря он в течение пяти дней занимал должность консула, а в 40 г. до н. э. получил триумф за победу над парфянами.
216. Непереводимая игра слов: *De Germanis non Gallis duo triumphant consules* - «Над германцами, не галлами триумф двух консулов». *Germani* не только германцы, но и братья.
217. В «А» и «Р» *Africaque*. Э. Томас (Thomas E. De Vellei voluminis condicione aliquot capitula. В., 1897) предложил читать вместо *Africaque acri feraque*. Мы принимаем эту поправку, поскольку М. Целий погиб до начала Африканской войны (Caes. В. С., III, 22).
218. После ухода из Рима Цезаря в 48 г. до н. э. власть в городе принадлежала его коллеге П. Сервилию Исаврику.
219. Против М. Целия Руфа был послан легион, однако он был убит галльскими и испанскими всадниками Цезаря, которых пытался подкупить (Caes. В. С., III, 22; 38; Dio Cass., XLII, 22-25).
220. У Цезаря вместо *Компсы* ошибочно *Коса* (Caes. В. С., III, 22, 2).
221. Однако по свидетельству Светония (Caes., 79), Цезарь не ограничился цензорским замечанием, а лишил священных и неприкосновенных трибунов должности. Дерзость трибунов состояла в том, что они сорвали возложенный на статую Цезаря лавровый венок, перевитый белой лентой, а человека, возложившего венок, отвели в тюрьму.
222. Нигде в другом месте не сообщается о рассуждениях Цезаря по поводу своего характера. Очевидно, речь идет о властолюбии, выражавшемся в стремлении к царской власти.
223. Над дефектами внешности П. Ватиния подшучивали современники (Cic. Att., II, 9, 2; Sest, 135; Vat., 4; 10).
224. О враче Артории, предостерегшем Октавиана перед битвой при Филиппах см. Val. Max., I, 70, 1; Plut. Brut., 41, 7; App. В. С., IV, 101. Из ссылок этих авторов на

воспоминания Августа видно, что Веллей либо пользовался этим источником, либо взял этот эпизод у Ливия.

225. См. о самоубийстве Кассия у Филипп; Val. Max., IX, 9, 2; Liv. Per., 124; Flor., II, 17, 12. И здесь тот же общий источник - воспоминания Августа.

226. Марк Валерий Мессала Корвин (64-8 гг. до н. э.), оратор, (см. [II, 36, 1]), государственный и военный деятель, покровитель литературы, консул 31 г. до н. э. Pater Patriae совместно с Августом. Именно он предложил присвоить Августу титул Pater Patriae (2 г. до н. э.).

227. Очевидно, М. Теренций Варрон Габба, квестор 46 г. до н. э., народный трибун 43 г. до н. э. Однако существует мнение, что это М. Теренций Варрон Лукулл, брат М. Лициния Лукулла.

228. Ливий Друз Клавдиан, приемный сын Ливия Друза, народного трибуна 91 г. до н. э., отец Ливии Друзиллы (в последующем Юлии Августы), дед императора Тиберия (ср. Dio Cass., XLVII, 44, 10).

229. Первый из Домициев - Гн. Домиций Агенобарб, консул 32 г. до н. э., умер в следующем году, его сын Л. Домиций Агенобарб, консул 16 г. до н. э., был душеприказчиком Августа; сын последнего Гн. Домиций Агенобарб - отец будущего императора Нерона. «Наш знаменитый молодой Гн. Домиций» Веллея характеризуется Светонием как «гнуснейший человек».

230. По-видимому, этот Стаций Мурк был сыном или племянником одного из вождей восставших италиков в 90 г. до н. э., впоследствии сенатора, внесенного в 43 г. до н. э. в проскрипционный список и сжегшего себя в возрасте 80 лет (App. B. C., IV, 102).

231. Сокращенная форма имени Менодор. Первоначально киликийский пират, Менодор был взят в плен Гн. Помпеем Великим и стал его вольноотпущенником. В 40 г. до н. э. становится командующим флотом Секста Помпея. В 38 г. до н. э. перешел на сторону Октавиана (App. B. C., V, 297).

232. Командующий флотом Секста Помпея, оставшийся ему верным до своей гибели в 38 г. до н. э. (App. B. C., V, 83).

233. Сходная характеристика Фульвии, жены М. Антония, дана Флором (II, 16, 2). Она близка также к оценке, которую Саллюстий дал Семпронии (Cat., 25, 10).

234. Светоний, напротив, приписывает все жестокости самому Октавиану, уверяя, что тот приказал принести в жертву божественному Юлию триста пленников из обоих сословий (Aug., 15, 1-2); Sen. Clem., 1, 11; Cass., XLVIII, 14). Возможно, что версия Веллея восходит к автобиографии Августа (см. Hellegouarc'h J. Velleius Paternus, v. II, p. 220).

235. Цестий получил прозвище Македоник потому, что служил в Македонии (App. B. C., V, 49).

236. Тиб. Клавдий Нерон был квестором в 46 г. до н. э., понтификом в 46 г. до н. э., претором в 42 г. до н. э. Светоний сообщает, что он пытался призвать к свободе рабов (Tib., 42). Здесь возможно объединение показаний источников (см. Машкин Н. А. Принципат Августа. М. - Л., 1949, с. 232).

237. Ливии принадлежала основная роль в культе Августа. Дочерью его она стала считаться потому, что получила титул *Augusta*.
238. Ливия бежала в Сицилию к Сексту Помпею.
239. 360 судей упомянуты Плутархом в связи с процессом 55 г. до н. э. о подкупе и вымогательстве (*Plut. Pomp.*, 55). Существование в этой корпорации рангов другим авторам неизвестно.
240. О Гн. Домиции Агенобарбе см. II, [72, 3]; [84, 2].
241. Кв. Сальвидиен Руф, друг юности Октавия (см. II, 59, 5]), участник Перузинской войны (*App. V. C.*, V, 121-125) в 40 г. до н. э. наместник всей Галлии. Не занимая до этого никакой должности, он стал консулом-десигнатом. Его переговоры с Антонием перед заключением мира в Брундизии были расценены Августом как предательство, и по приказу последнего Сальвидиен Руф покончил жизнь самоубийством.
242. О Мизенском или ПUTEОЛСКОМ мире см.: *Ног. Od.* IV, 5, 19; *Suet. Aug.* 98. Помимо Сицилии и Ахайи под управление Секста Помпея передавались также Сардиния и Корсика.
243. М. Юний Силан, консул 25 г. до н. э. (*CIL* I2, p. 58), назван среди участников Секулярных игр 17 г. до н. э. (*CIL*, VI, 32324).
244. Г. Сентий Сатурнин (см. II, [92, 1]; [103, 3]; [105, 1-2]; [109, 5]; [110, 1]).
245. Л. Аррунтий (см. II, [85, 2]; [86, 2]).
246. М. Титий, консул-суффект 31 г. до н. э. Его именем назван один из городов Киликии - Титиополь.
247. Согласно Аппиану (*V. C.*, V, 70), Мурк был убит посланными Помпеем людьми, но, чтобы скрыть это преступление, в убийстве были обвинены рабы.
248. Авернское озеро - озеро вулканического происхождения над кратером глубиной до 65 м в Кампании. В 37 г. до н. э. Агриппа превратил его в «порт Юлия», соединив каналом с Лукринский озером.
249. Децим Брут в письме к Цицерону характеризует Лепида как «в высшей степени ветреного человека» (*Cic. Fam.*, II, 9, 1). Также и Цицерон называет Лепида «самым опозорившимся и самым низким из всех» (*Cic. Att.*, 9, 9, 3). Ср. также *Tac. Ann.*, I, 9.
250. Издатель Критц предложил заполнить лауну, опираясь на место у Диона Кассия: «Цезарь привел своих воинов к порядку, дав им сразу деньги и немного позднее участки. И поскольку государственных земель не хватало, он прибавил к ним другие, купив их между прочим в Кампании у граждан Капуи, так как город в то время сильно обезлюдел, и взамен он дал капуанцам воду из Юлиева водопровода, чем они особенно гордятся, а также область Кносса, от которой они поныне имеют доходы» (*Dio Cass.*, XLIX, 14). Опираясь на этот отрывок Ж. Эллегуар предложил следующее восстановление лауны: «К этому времени значительный прирост получила колония Капуи благодаря поселению на ее землях, которые оставались государственными, ветеранов» (*Hellegouarc'h J. Velleius Paternulus*, v. II, p. 225).

251. В «А» и «Р» *promissa*, которое мы сохраняем вслед за Ж. Эллегаром, вопреки Хейнсию и другим издателям, заменявшим *promissa* на *permissa*.
252. В войне против Секста Помпея за победу при Наулохе в 36 г. до н. э. (App. B. C., V, 116; Verg. Aen., VIII, 684).
253. Испорченная фраза. В «А» *quo aestate tam prospere... Libium Bn Fortuna in republican! militavit in orientem*. Большинство издателей со времени Эллиса заменяет *Libium* на *bellum* и *Bn* понимает как сокращение *bene*.
254. Оппий Статиан вместе с десятью тысячами легионеров, обозом и осадными орудиями был окружен парфянской конницей (Plut. Ant., 38; Dio Cass., XLIX, 25, 2-26). Поражение Оппия Статиана было поставлено в вину армянскому царю Артавазду.
255. Артавазд привел на помощь Антонию шесть тысяч пехотинцев и семь тысяч всадников (Plut. Ant., 37-38), но в ходе кампании, считая дело Антония проигранным, отвел свое войско. Считая Артавазда виновником своих неудач, Антоний захватил его и провел в триумфе по Александрии, после чего Артавазд был казнен Клеопатрой.
256. Планк был участником пантомимы на сюжет мифа о Главке. - Главк в греческой мифологии мудрый морской демон, участник похода аргонавтов и других предприятий греческих героев. О Планке при дворе Клеопатры см. Plin. N. H., IX, 121; Macr. Sat., III, 17, 16-17.
257. М. Титий, консул-суффект 31 г. до н. э., перебежавший к Октавиану и сообщивший ему, как и Т. Минуций Планк, содержание завещания Антония (Plut. Ant., 58, 2; Dio Cass., L, 53, 1).
258. Г. Копоний, претор 49 г. до н. э., в 48 г. до н. э. командующий флотом Помпея. Его зять - П. Силий (Нерва). См. II, [90, 4]; [101, 3]; [116, 4].
259. Битва при Акции 2 сентября 31 г. до н. э. (сравн. Dio Cass., L, 31 sqq.; LI, I, 5; Plut. Ant., 65; Flor., II, 21; Oros., VI, 19, 10). Описание Веллея, несмотря на краткость, содержит наиболее ясное описание диспозиции сил.
260. Аминта был военачальником и поверенным царя Галатии Дейотара (Dio Cass., XLIX, 32), а после его смерти при поддержке Антония стал царем Галатии и Ликаонии. Переход на сторону Октавиана сохранил Аминте царскую власть в прежнем объеме.
261. Кв. Деиллий, у Плутарха (Ant., 25; 29) Деллий, - сторонник Антония, описавший его парфянский поход (Plut. Ant., 59; Strab., XL, 13). О Кв. Деиллии как перебежчике см.: Sen., Suas., I, 17.
262. Гн. Домиций Агенобарб, консул 32 г. до н. э. Перейдя к Октавиану, он из-за болезни не участвовал в битве при Акции и вскоре после нее умер.
263. Марк Лурий известен как наместник Сардинии, изгнан оттуда военачальником Секста Помпея Менодором (Dio Cass., XLVIII, 30).
264. Л. Аррунтий (см. II, [77, 3]; [86, 2]), консул 22 г. до н. э., видима, идентичен историку, написавшему, в подражание Саллюстию, труд о Первой Пунической войне (Sen. Epist., 114, 17).

265. Л. Геллий Публикола, военачальник Антония, которому, согласно Плутарху (*Ant.*, 65), было поручено командование правым флангом флота.
266. Г. Сосий (ср. [II, 86, 2]) - «новый человек» родом из Пицена, легат Антония, блестяще действовавший в Сирии и Киликии (*Plut. Ant.*, 26.). Он захватил Иерусалим и поставил там царем Герода (библейского Ирода).
267. Г. Статилий Тавр, выходец из Лукании, консул-суффект 37 г. до н. э., ординарный консул 26 г. до н. э., первый управитель Октавиана в Македонии, затем управитель Африки. Умер в 10 г. до н. э.
268. П. Канидий Красс, первоначально легат Лепида в Галлии, затем приверженец Антония, консул-суффект 40 г. до н. э., казнен Октавианом (ср. *Oros.*, VI, 19).
269. *Factum et dictum memorabile* - эти слова полностью вошли в заглавие труда Валерия Максима.
270. *Primus* - дополнение Альда Мануция.
271. Меценат принадлежал по материнской линии к этрусскому роду Цильниев, представители которого обладали властью в Арреции (*Liv.*, X. 3. , 2; *Tac. Ann.*, VI, 11). Август в шуточном письме к Меценату называет его «эбеновым деревом Медуллии, слоновой костью Этрурии, алмазом Севера, жемчугом Тибра, смарагдом Цильниев» (*Macr. Sat.*, II, 4, 12).
272. См. [II, 88, 3].
273. Неясное место. В «А» и «Р» *coram alieo*. Издатели, начиная с Бергка, исправляли - *et coalare*. По нашему мнению, *alieo* должно быть заменено на *alieno*, что соответствует дальнейшему изложению внешних войн, а *coram* - существительным или глаголом с основой *cur* - попечение, забота.
274. Г. Антистий Вет, легат с преторской властью в войне против салласиев (*App. Ib.*, III, 17), в 25 г. до н. э. легат Крайней Испании в войне против кантабров.
275. П. Силий Нерва, консул 20 г. до н. э., в качестве проконсула 19 г. до н. э. подавил восстание кантабров.
276. Август в своем «Жизнеописании» говорит о возвращении знамен трех полководцев (*RgDA*, 29).
277. О заговоре Фанния Цепиона и Л. Теренция Мурены см. *Suet. Tib.*, 8; *Dio Cass.*, LIV, 3. Обвинителем заговорщиков был Тиберий.
278. Об этом неудавшемся заговоре 23 г. до н. э. см. также *Suet. Tib.*, 8; *Dio Cass.*, LIV, 3.
279. М. Клавдий Марцелл, сын Г. Клавдия Марцелла, консула 50 г. до н. э. Эдилитет М. Марцелла в 23 г. до н. э. Скончавшийся в тот же год, он был похоронен в мавзолее Августа. В память о нем была создана библиотека Октавии и воздвигнут театр Марцелла. См. *Suet. Aug.*, 29, 4; 43, 5; 63, 1; 66, 3; *Tib.*, 6, 4; 10, 1.

280. Тиберий был избран квестором в 27 г. до н. э. (Dio Cass., XLIII, 28). Неясно, был ли он консульским квестором (*quaestor consulis*) или выполнял специальные поручения по обеспечению Рима продовольствием в Остии, куда морем поступал хлеб из провинций (*quaestor Ostiensis*).
281. Испорченное место. Вудмен полагает, что в словах *regnum eius Artavasdi (s) dedit* перед *Artavasdi (s)* должны быть слова *Tigranis filio*, поскольку в других источниках (RgDA, 27; Suet. Tib., 9, 1; Tac. Ann., II, 3, 2) речь идет о передаче Тиграну, сыну Артавазда, его Царства (Woodman A. *Velleius Paterculus*, p. 101).
282. Война с ретами и винделиками 15 г. до н. э., завершившаяся покорением этих народов и созданием провинции Реции.
283. *Adiutor* - официальная должность (см. Tac. Ann., III, 12).
284. В текстах «А» и «Р» - *divisis patribus*. И. Стангер (Stanger I. *De Velleio fide*, 1863) предложил читать *diversis partibus*. Но А. Вудмен (*Velleius Paterculus*, p. 102), опираясь на соответствующие места у Ливия (XXV, 30, 6; XXXVII, 21, 8), полагает, что *divisis partibus* - технический термин, означающий «разделить ответственность за операции».
285. Цензорство Павла Эмилия Лепида и Л. Мунация Планка (22 г. до н. э.) знаменовало возвращение к республиканской практике цензорской деятельности.
286. Марк Випсаний Агриппа умер в 12 г. до н. э. (Dio Cass., LIV, 28, 3).
287. Он стал тестем Нерона, т. е. будущего императора Тиберия Нерона, поскольку последний первым браком женился на его дочери Випсании.
288. Паннонская война 12-9 гг. до н. э., о которой Август писал в RgDA, подчеркивая заслуги Тиберия Нерона: «Племена паннонцев, к которым до моего принципата не доходило войско римского народа, побежденные Тиберием Нероном, моим пасынком и легатом, я подчинил власти римского народа и продвинул границы Иллирии вплоть до Дуная» (пер. Ю. К. Колосовской. - В кн.: Колосовская Ю. К. Пannonия в I-III вв. н. э. М., 1973). Ср. Dio Cass., LIV, 31, 2, 3).
289. В «А» - *cos*, в «Р» - *coss*. Поскольку в это время М. Виниций не был консулом (его консульство в 19 г. до н. э.) и никогда не был консулом совместно с Тиберием или Агриппой, предлагалось читать *consulari* (Критц) или *consule*. Мы принимаем последнюю эмендацию.
290. То есть в не дошедшем до нас произведении; ср. II, [48, 5]; [89, 1]; [99, 3]; [103, 4]; [114, 4]; [119, 1].
291. Словом *compro* «причастный, сопричастный» Веллей дает понять, что победа была предрешена предшественниками Тиберия и поэтому ему не был дан полный триумф.
292. Подробнее о поражении М. Лоллия см. Tac., Ann., I, 10, 4; Suet., Aug., XXIII, 1; Dio Cass., LIV, 20, 4.
293. Присутствие в Германии пятого легиона удостоверено надписью (Kaufmann F. *Deutsche Altertumskunde*. München, 1913, S. 326).

294. Sua et virtute et fortuna. Обычно *virtus* и *fortuna* противопоставляются друг другу как возможность человека сделать все в борьбе с обстоятельствами и независящее от него стечение обстоятельств. Веллей понимает *virtus* и *fortuna* без какого-либо их противопоставления применительно к главам государства - кроме этого места (II, 74, 4; 121, 1).
295. Л. Кальпурний Пизон, консул 15 г. до н. э. О его войне с фракийцами см. также: Dio Cass., LIV, 34; Sen. Ep., 83, 14.
296. Использованная Веллеем фразеология позволяет думать, что Л. Корнелий Пизон в 30 г. был префектом претория.
297. Л. Кальпурний Пизон, наместник Памфилии, выступил против фракийцев, поскольку их восстание угрожало Азии.
298. Противопоставление *virtus* и *fortuna*, на котором построены также характеристики Мецената (II, 88, 1) и Сентия Сатурнина (II, 105, 2).
299. В «А» и «Р» - *Lucius item maturus esset viris*. Эмendaция Эллиса - *viribus*. Нами вслед за А. Вудменом (*Velleius Paterculus*, p. 118) принята эмendaция Уитхофа - *Lucius item maturus esset virilis*.
300. Сложное для понимания место - в «А», «Р» - *visendi eius gratia ad quem convenientes*. Нами принята эмendaция Халма: *visendi eius gratia Rhodum deverterint atque eum convenientes*.
301. Ср. RgDA, 21, 1.
302. На самом деле за 31 год до консульства М. Виниция.
303. *per omnia* - любимое выражение Веллея.
304. Второй сын М. Антония от Фульвии, претор 13 г. до н. э., консул 10 г. до н. э. С 21 г. до н. э. муж племянницы Августа Марцеллы. О жреческой должности Антония Юла другие авторы не знают. Карьера сына врага подается как пример «великодушия» Августа. *Clementia* - одна из четырех «доблестей» принцепса - RgDA, 34, 2.
305. В «Р» - *adsedandum*, «МА» - *ad sidendum*. Липсий предложил *ad visendum*, и эту поправку принял Штегман. Мы вслед за Вудменом читаем *adsidendum*, поскольку поездка Г. Цезаря носила инспекционный, характер.
306. Марк Лоллий, консул 27 г. до н. э.; см. выше [II, 97, 1]. До 1 г. до н. э., согласно Тациту, был *comes et rector* Гая Цезаря (*Tac. Ann.*, III, 48, 2). Негативная оценка также у Плиния Старшего (IX, 117).
307. Г. Марций Цензорин, консул 8 г. до н. э., проконсул Азии 2-3 гг. н. э. Ср. *Jos. Ant. Iud.*, XVI, 165; *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes*, IX, 427; *Supplementum Epigraphicum*, II, 549.
308. Смерть Г. Цезаря 21 февраля 4 г. н. э. (*CIL*, I2, p. 68), согласно Тациту, последовала в результате интриг Ливии (*Ann.*, I, 3, 3).

309. П. Виниций, претор с проконсульской властью 1 г. до н. э.; консул 2 г. н. э., проконсул Азии в 8-9 гг., считался блестящим оратором (Sen. Rh., Contr., VII, 5, 11; Sen. Ep., XL, 9).

310. rei publicae causa; также Suet. Tib., 21, 5. Но Тацит истолковывает эти слова таким образом, что Август усыновил Тиберия не потому, что тот был ему дорог, а заботясь о государстве (Tac. Ann., I, 10, 7).

311. Это место, близкое к RgDA, 26, 1, свидетельствует о знакомстве Веллея с этим памятником (см. Hellegouarc'h J., Jodry C. Les Res Gestae d'Auguste et l'Historia Romana de Velleius Paterculus. - Latomus, XXXIX, 1980, p. 810). Обычное обвинение Веллея в том, что он умолчал о предшествующем выходе в Северное море Друза, чтобы возвысить Тиберия, ошибочно. Флот Тиберия не просто вышел в «залив Океана», но оплыл его, оказавшись в местах, действительно неведомых.

312. Почитание германцами божества в отсутствие римлян должно быть поставлено в связь с сообщением Диона Кассия о том, что Домиций Агенобарб еще до появления на берегу Альбиса Тиберия воздвиг там алтарь Августа (Dio Cass., LV, 10 a, 2).

313. Согласно Страбону (VII, 1, 3), Маробод в юности находился в Риме, пользуясь благорасположением Августа. Очевидно, имея это в виду, Веллей говорит о нем: natione magis quam ratione barbarus.

314. После legiones - лакуна. Липсий предложил duceret; мы следуем за ним.

315. После Saturninum - лакуна. Следуем чтению, которое предложил Липсий: aberat et legiones etiam quas amovere ei placuerat.

316. До 9 г. до н. э. вся территория от Среднего Дуная до Македонии была известна римлянам под названием Иллирик. После 9 г. до н. э. Иллирик был разделен на две провинции - Верхний и Нижний Иллирик, которые также назывались Далмация и Паннония. Согласно Диону Кассию (LV, 29, 1-2), за оружие сначала взялись далматы, а не паннонцы.

317. Один Батон происходил из паннонского племени бревков, другой - из далматского племени десидиатов.

318. Редкая, применявшаяся в крайних случаях мера (ср. Suet Aug., 25; Dio Cass., LV, 31, 1).

319. Издатели полагают, что между oreae и pollicitati пропущено слово omnia, или, как впервые - Рункен, заменяют pollicitati на ex pollicitatione «согласно обещанию».

320. ut praesidium militum - испорченное место. Дословный перевод «как защиту воинов» вряд ли возможен, ибо в защите нуждались не воины, а государство. Некоторые издатели заменяли militum на limitum (в смысле «крайнюю защиту»).

321. Принимаем чтение Вудмена: evasimus, exhausimus.

322. Лакуна. Следуем чтению Кразузе: summae.

323. М. Валерий Мессала Мессалин, консул 3 г. до н. э., наместник провинции Иллирик в 6 г. н. э., один из друзей Овидия (*Epist, ex Ponto, I, 7, 22*). Его отец М. Валерий Мессала Корвин, а брат - М. Аврелий Котта Максим Мессалин. Подробнее о кампании Мессалина: *Dio Cass., LV, 29, 1; 30, 1-2*, но из рассказа Диона Кассия следует, что во время восстания Мессалин находился не в своей провинции, а был прислан Августом.

324. Трудно сказать, идентична ли эта гора с горой Альмой, о которой сообщает Дион Кассий в связи с этой операцией (*V, 30, 2*).

325. Фраза *e quibus etiam primi ordines cecidere* явно относится не к центурионам - они никогда не стояли рядами.

326. Веллей выделяет этой фразой первое изгнание Агриппы в Суррент, предшествующее его второму изгнанию на остров Планасию, где он был убит по приказу Тиберия.

327. Река Батин (*flumen Bathinus*) как место капитуляции паннонцев в 8 г. н. э. известна только Веллею. Ее упоминает также Плиний Старший вне связи с Далматской войной (*Plin. N. H., III, 110*). Она же упоминается в надписи из Салоны, сообщающей о сооружении императором Тиберием дороги от Салоны к Хедуму, кастеллю десидиатов, и другой дороги к реке Батин (*ad Batinum flumen*), которая разделяла племена бревков и осииатов (*Alfoldi Q. Eine Strassenbauinschrift aus Salona. - Klio, 1965, Bd. 46, S. 323-328*). Указание в надписи направления второй дороги сделало бесспорным высказанное ранее мнение, что Батин - древнее название современной реки Босна.

328. М. Эмилий Лепид, внучатый племянник триумвира, сын П. Эмилия Лепида и Юлии, внучки Августа, консул 6 г. н. э., в 8-10 гг. н. э. наместник Паннонии. Происхождение Лепида, выдающиеся военные способности, ораторский талант выдвинули его в число первых лиц империи и Август прочил его в свои преемники, но полагал, что он откажется им стать (*Tac. Ann., I, 13, 2*). Именно этот отказ обусловил дружеские отношения Лепида и Тиберия. Отсюда в высшей степени уважительный тон всех мест труда Веллея, относящихся к Лепиду.

329. Вибий Постум, «новый человек» родом из Ларина. Он сменил в 9 г. Германика в качестве наместника новой провинции Далматии, в 12-13 гг. был проконсулом Азии.

330. Л. Пассиен Руф, сын знаменитого оратора Г. Саллюстия Криспа Пассиена и сам оратор, консул 4 г. до н. э., затем проконсул Африки, где в 3 г. до н. э. получил «триумфаторские отличия» за победу над африканскими народами.

331. Гн. Корнелий Лентул Косс, консул I в. до н. э., сменивший Пассиена в качестве наместника Африки. За победу над гетулами его сын, консул 28 г. н. э., получил прозвище «Гетульский» (*Flor., II, 31, 40; Oros., VI, 21, 18*). Согласно Сенеке (*Ad Lucil., 83, 5*), Косс был близким другом Тиберия, доверявшего ему свои тайны.

332. Л. Апроний, «новый человек», в 8 г. н. э. принимал участие в кампании против далматов, которой руководил Постумий; в 9 г. н. э. наместник Далматии, в 15 г. как легат Германика получил «триумфаторские отличия».

333. В «А» и «Р» *etiam. Aelius Lamia* - дополнение издателя Рункена.

334. А. Лициний Нерва Силиан, консул 7 г. н. э., наместник провинции Галлии. Обвиненный в ограблении провинции, Лициний привел Августа в свой дом и показал ему

грудю сокровищ, которую будто бы припас для принцепса, и этим отвел от себя его гнев (Dio Cass., LIV, 21, 4).

335. Ср.: Tac. Ann., I, 3, 6; 43, 1; 55-65; Flor., II, 30; Dio Cass., LIV, 18-22. Номера легионов - 17, 18, 19.

336. В «А» и «Р» *ducem causa persona togat exegit*. У Штегмана - *duce causa et persona moram exegit*. Мы следуем этому толкованию текста, понимая под *duce* Тиберия.

337. Лакуну в этом месте некоторые издатели заполняют с помощью текста Тацита (Ann., I, 58, 2): «Он также требовал, [чтобы заговорщики были закованы, но уже возобладал] рок над замыслами».

338. Испорченное место. В «Р» *avitiq.*, в «В» и «А» - *aviq.* Ренан в «Р» добавил «*exempli successor*», что принято остальными издателями. О смерти отца Вара после Филипп см. [II, 71, 2].

339. Л. Эггий (Eggius), выходец из плебейского рода, давшего во II в. до н. э. трех консулов.

340. Эпизод другим авторам неизвестен. Цейонии в качестве римских должностных лиц появляются лишь со II в. до н. э.

341. Г. Нумоний Вала известен из эпода Горация (I, 15) как выходец из Кампании. Имя Нумоний засвидетельствовано также в легендах римских монет.

342. Знаменитое место, свидетельствующее о том, что уже после крушения родовой организации в Риме сохранялся один из признаков рода - общность погребения (см. Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962, с. 135).

343. О впечатлении, произведенном известием об уничтожении армии Вара, см.: Suet. Aug., 23; Dio Cass., LVI, 32, 1.

344. До этого Тиберий находился в Паннонии и прибыл в Рим в конце 9 - начале 10 гг. н. э. 11 января он участвовал в освящении римского храма Конкордии (Suet. Tib., 17, 1; Dio Cass., LVI, 32).

345. Большинство исследователей считает, что Тиберий перешел Рейн в 11 г. н. э. Вудмен, опираясь на свидетельство Диона Кассия (Dio Cass., VI, 24, 6), полагает что переход был в 10 г. н. э. (Velleius Paterculus..., p. 207). Поход был демонстрацией силы и не привел к восстановлению римского владычества в Германии.

346. Л. Нонний Аспренат, консул-суффект 6 г. н. э., друг Август; (Tac. Ann., I, 53; III, 18; Suet. Aug., 56, 3; Plin. N. H., XXXV, 164).

347. В. Базанов читает имя *Caedius* (Basanoff V. *Caedius primipilaris ad Vell.* II, 120, 4. - Latomus, 1951, 10, p. 285).

348. Ализон - согласно Диону Кассию, - крепость, построенная Друзом в стране хаттов, у слияния рек Ализон и Липпе (Dio Cass., LV, 28, 6). Эпизод об осаде Ализона германцами фигурирует в качестве примера у Фронтинана (Strat., III, 15; IV, 7).

349. О страшных пытках римских пленников см. Flor., II, 30, 37; Tac. Ann., I, 61, 4.
350. Виенна - город в Нарбоннской Галлии, на берегу Родана (Роны). Во времена Августа Виенна главный город могущественного племени аллоброгов. Сообщаемый Веллеем эпизод о беспорядках в Виенне другим авторам неизвестен.
351. Ср. Suet. Tib., 21, где речь идет о законе, предоставлявшем Тиберию ту же власть в провинциях, какой пользовался Август. Это была власть проконсула, соединенная с властью народного трибуна.
352. Триумф Тиберия 23 октября 12 г. н. э. Он откладывался из-за войн 6-9 гг. н. э.
353. См. [II, 94, 4].
354. Испорченное место. В «А» - totius, в «Р» - oscius. Штегман принимает чтение oscius, Вудмен - totius и после него постулирует лакуну. Мы следуем за Вудменом.
355. В источниках представлены две версии кончины Августа (см. Hellegouarc'h J. Velleius Paterculus, p. 271). Рассказ Веллея согласуется с тем, что сообщает Светоний (Aug., 98, 10; Tib., 21, 2), и расходится со сведениями Тацита (Ann., I, 5), Диона Кассия (LVI, 30), Аврелия Виктора (Epit., I, 27) об отравлении Августа Ливией и о вызове Тиберия не самим Августом, а Ливией. Выражение «вернуться к своим началам», как заметил Ж. Эллегуар, является стоическим: initia - вечные принципы, производящие четыре элемента природы и сами эти элементы.
356. Доводы Вудмена (Velleius Paterculus, p. 221) в пользу того, что перед словом neque в тексте имеется лакуна, мы считаем убедительными.
357. О причине колебаний Тиберия и его нежелании принять высшую власть см. Suet. Tib., 25. Светоний полагает, что Тиберия удерживал страх перед опасностями, угрожающими ему и государству, и, как показали последующие события, страх этот не был беспочвенным. Тацит объясняет поведение Тиберия лицемерием (Ann., I, 11-13).
358. Намек на отказ Германика возглавить восставшие легионы; см. Tac. Ann., I, 33 sqq.
359. Кв. Юний Блез, консул-суффект 10 г. н. э. В 14-20 гг. - наместник Паннонии, где после смерти Августа восстали легионы (Tac. Ann., I, 16; Dio Cass., LVII, 4). В 21-22 гг. Юний Блез - наместник Африки, где вел успешную борьбу против восставших во главе с Такфаринатом и получил триумфальные украшения. Вскоре после раскрытия заговора Сеяна казнен Тиберием. Вряд ли особые похвалы Веллея в адрес Юния Блеза связаны с тем, что тот был племянником Сеяна.
360. Принимаем чтение «Р»: ac Hispanias.
361. Заполнение лакуны именем Лепида принято большинством исследователей (Syme R. Tacitus, p. 382; Haynes L. The last of the Aemilii Lepidi. - ACI, 1973, p. 100) и кажется нам бесспорным. Об этом свидетельствует надпись (CIL, II, 2820). Да и сам тон сообщения Веллея не допускает, чтобы речь шла о лице, не принадлежащем к императорской фамилии.
362. Подробнее о культе Августа см. Tac. Ann., I, 54; Dio Cass., LVI, 46. Была создана коллегия sodales augustales, из двадцати членов, в том числе из членов императорской

фамилии (Тиберий, Друз, Клавдий и Германик). Одновременно вдова Августа Ливия была провозглашена жрицей нового бога. Были учреждены «Августовы игры» и построен ряд храмов Августа, в том числе в его доме в Ноле.

363. Под удалением мятежа (*seditio*) с Форума и раздоров (*ambitia*) с Марсова поля понимаются прекращение деятельности трибутных и центуриатных комиций и передача их выборных функций сенату (см. [II, 104, 3]).

364. Почти в тех же словах Веллей говорит о результатах прихода к власти Августа - II, 89, 3-4.

365. Тас. *Ann.*, I, 77, где содержится детальное описание «театрального мятежа». Из него следует, что виновниками «бунта черни» были актеры, которые, по ходу представления намеками возбудили недовольство зрителей и их нападение на официальных лиц. Именно поэтому в сенате обсуждалось предложение о предоставлении преторам права наказывать актеров розгами. Но это предложение не было принято, поскольку оно противоречило отмене телесных наказаний актеров при Августе.

366. Ср. Тас. *Ann.*, II, 87 о мерах, предпринятых Тиберием по снижению цены на хлеб: принцепс из своих собственных средств приплачивал торговцам по два нумма за модий зерна, чтобы цена хлеба оставалась стабильной. Тут же об отказе Тиберия принять за эту щедрость титул «отец отечества».

367. речь идет о помощи городам, разрушенным землетрясением 17 г. н. э. (Тас. *Ann.*, I, 46, 2, 1; II, 26; Suet. *Tib.*, 32, 2).

368. Ср. Тас. *Ann.*, I, 15, 1.

369. Статилий Тавр, префект Рима при Августе, консуляр (Тас. *Ann.*, III, 72; VI, 11). Тацит указывает, что, несмотря на преклонный возраст, Статилий Тавр успешно справлялся с обязанностями по обузданию рабов и беспокойных граждан.

370. Отец Сеяна, Л. Сейус Страбон, был всадником из этрусского города Вольсинии (CIL, XI, 2707; Тас. *Ann.*, IV, 1; Iuv., X, 74). Важнейшие вехи его карьеры - префект претория в Риме и префект Египта.

371. Мать Сеяна - Коскония Галлита из рода Коскониев. Наиболее влиятельным в этом роде был М. Косконий, претор 135 г. до н. э., наместник Македонии в 134-132 гг. до н. э.

372. В описании Тацита эта черта Сеяна представляла наибольшую опасность для государства (*Ann.*, IV, 1).

373. Тиб. Корунканий, выходец из Тускула, герой войны с Пирром, консул 280 г. до н. э., диктатор 246 г. до н. э., в 254 г. до н. э. первым из плебеев добился занятия жреческой должности *pontifex maximus*. Уже у Цицерона Коруиканий - пример древних римских доблестей (Cic. *De sen.*, 15, 43).

374. По всей видимости, имеется в виду Спурий Карвилий Максим, консул 293 г. до н. э., герой войны с этрусками и самнитами. По остроумному предположению Ж. Эллегуара (*Velleius Paterculus*, II, p. 285), Карвилий избран в качестве примера, поскольку он построил святилище Форс-Фортуны, одного из наиболее почитаемых плебейских божеств

(Liv., X, 46, 14). Форс-Фортуне оказывалось почитание в царствование Тиберия (Тас. Ann., II, 41, 1) и в частности Сеяном (Dio Cass., LVIII, 7, 2-3).

375. Все издатели сходятся на том, что в предложении перед словом *singula* имеется лакуна. Из слов, какими предлагали ее заполнить - *forma, imagine, tabula*), мы вслед за Ж - Эллегуаром (*Lire et comprendre*, p. 253) выбрали последнее, которое в подобном обороте употребляется Л. Аннеем Флором.

376. После смерти в 12 г. до н. э. царя Фракии Реметалка (*Rhoeme takes*) Август разделил Фракию между его сыном Котисом и братом Раскуполом. В начале правления Тиберия Раскупол вторгся во владения племянника и убил его в 17 или 18 г. н. э. (Тас. Ann., II, 65 sqq).

377. Л. Помпоний Флакк, наместник соседней с Фракией Иллирии, близкий друг Тиберия (Suet. Tib., II, 65 sqq).

378. Испорченное место, которое мы переводим, опираясь на восстановление Вудмена (*Woodman A. Velleius Paterculus...*, p. 266).

379. Ср. Тас. Ann., I, 75, 2; II, 48, 2 где сообщается о финансовой помощи Тиберия обедневшим сенаторам: Пию Аврелию, Проперцию Целеру, М. Эмилию Лепиду, М. Сервилию Нониану и Гортензию Горталу, внуку оратора. Ср. Suet. Tib., 47, 3.

380. На самом деле речь шла о почетной ссылке.

381. Маробод находился в ссылке в г. Равенне. Фраза становится понятной благодаря Тациту (Ann., II, 62, 3).

382. Имеется в виду достаточно длительная война Рима с нумидийцами, возглавляемыми Такфаринатом (Тас. Ann., II, 52; III, 20 sqq.; IV, 23 sqq.). Опираясь на оценку этой войны Веллеем Патеркулом, Р. Сайм утверждает, что он лживый историк (Syme R. Mendacity in Velleius - AJPR, XCIX, p. 45-63).

383. Храм Августа на Палатине, постройку которого начал Тиберий, а завершил Калигула.

384. Гора Целий (*Caelimumontium*) - район Рима, уничтоженный пожаром в 27 г. Тацит (Ann., IV, 64) объясняет щедрость Тиберия желанием погасить враждебную ему молву.

385. М. Скрибоний Либон Друз, знатный юноша, обвиненный в подготовке государственного переворота в 16 г. н. э. (Тас. Ann, II, 11; 27-32; IV, 29; 31; Suet. Tib., 25).

386. Г. Силий Цецина Ларг, полководец Августа, консул 13 г. н. э., близкий друг Германика. Был обвинен в оскорблении величества, и, поскольку осуждение казалось ему неминуемым, в 24 г. кончил жизнь самоубийством (Тас. Ann., IV, 18-19).

387. Гн. Кальпурний Пизон, друг Августа и Тиберия, консул 7 г. В 17 г. он вступил в конфликт с Германиком и, по слухам, его отравил. После неудачной попытки распространить свою власть на всю Сирию он возвратился в Рим, где, будучи обвинен, добровольно ушел из жизни (Тас. Ann., II, 43, 2; 55-71; 81, 3; III, 11-15).

388. Имеется в виду смерть Германика, приемного сына Тиберия, и Друза, его родного сына.

389. Веллей Патеркул имеет в виду жену Германика Агриппину и Нерона Юлия Цезаря, сына Агриппины.

390. Смерть Ливии, супруги Августа и матери Тиберия в 29 г. Выражение «более подобной богам, чем людям» отражает официальное обожествление Ливии.

391. *Gradivus* - постоянным эпитет Марса от глагола *gradior* «шестьствовать», включающий также понятия «непреклонный», «незыблемый».

392. *Auctor et stator Romani nominis*. Если *auctor* воспринимается в свете легенды о Марсе как отце Ромула, давшего свое имя городу, то эпитет *stator*, как метко заметил Вудмен (*Velleius Paterculus*, p. 280), в применении к Марсу необычен - он входит в титулатуру Юпитера. Поскольку в тексте *stator* корреспондирует со словами *status*, *statio*, его следует перевести как «установитель», а не «останавливающий бегущих» или «хранитель».

393. «Этого принцепса» - добавление Юста Липсия.

394. На слове *ria* обрывается «Р». Слова *iuvate aut impia confringite* - дополнение Халма.